

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2024 – 3

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

DOI: 10.31249/rva/2024.03.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

Аватков В.А. – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Аликберов А.К.* – д-р ист. наук, Институт Востоковедения РАН, *Бондаренко Д.М.* – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, Институт Африки РАН, *Братерский М.В.* – д-р полит. наук, НИУ ВШЭ, *Гордон А.В.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам главного редактора, *Кораев Т.К.* – канд. ист. наук, МГУ, *Кузнецов И.И.* – д-р полит. наук, МГУ, *Н.Ю. Лапина* – д-р полит. наук, ИНИОН РАН, *Леонова О.Г.* – д-р полит. наук, МГУ, *Мирзеханов В.С.* – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор, *Михель Д.В.* – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный секретарь

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика» // Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9: «Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Реферативный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика». Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ISSN 2219-8822

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80876 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВА. КУЛЬТУРЫ

Демидов К.Б. Колонизованное сознание как коррелят (де)ко- лонизованного пространства в романе Нагиба Махфуза «Мирамар»	5
Сидорова С.Е. Слуги: от социальной уязвимости к функцио- нальной полезности	22

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Чалышев А.Ю. Военный переворот в Габоне как фактор утери контроля Франции в регионе	61
Михель Д.В. Возвращаясь к истории южноафриканского апар- теида: как она рассказывается. Рец. на кн.: Жуков Д. Апарт- eid. Опыт ЮАР в борьбе с санкциями. Москва: Родина, 2024	72
Алексанян Л.М. Гуманитарная политика Турецкой Республики в отношении Сомали (на примере Турецкого агентства по сотрудничеству и координации)	83
Михель И.В. Иерусалим: беспристрастная история. Рец. на кн.: Кича М.В. Иерусалим. Все лики великого города. Москва: Бомбора, 2023	92

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Чайников Ю.В. Маленькая красная точка. Рец. на кн.: Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1965–2000). Москва: МИФ, 2023	100
Мозиас П.М. Свободные экономические зоны: китайский опыт в свете общемировых тенденций	112
Филиппов Д.А. Реформа по децентрализации власти в прог- раммных документах демократической партии Японии и ее осуществление после победы на выборах 2009 г.....	141

CONTENTS

CIVILIZATIONS. STATES. CULTURES

Demidov K.B. Colonized Mindset as a Correlative of a (De)colonized Space in Naguib Mahfouz's "Miramar"	5
SIDOROVA S.E. Servants: From Social Vulnerability to Functional Usefulness	22

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Chalyshev A.Yu. Military Coup in Gabon as a Factor in the Loss of French Control in the Region	61
Mikhel D.V. Returning to the History of South African Apartheid: How it is Told. Book Review: Zhukov D. Apartheid. Experience of South Africa in the Struggle Against Sanctions. Moscow: Rodina, 2024	72
Aleksanyan L.M. Humanitarian Policy of Turkey towards Somalia (the Case of TİKA)	83
Mikhel I.V. Jerusalem: An Unbiased History. Book Review. Kicha M.V. Jerusalem. All the Faces of the Great City. Moscow: Bombora, 2023	92

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Chainikov Yu.V. Small Red Dot. Book Review. From Third World to First. The Singapore Story. 1965–2000. Moscow: MIF, 2023 ..	100
Mozias P.M. Free Economic Zones: China's Experience in Global Perspective	112
Filippov D.A. Decentralisation Reform in the Democratic Party of Japan's Political Platform and Its Implementation After Winning the 2009 General Election	141

ДЕМИДОВ К.Б.* КОЛОНИЗОВАННОЕ СОЗНАНИЕ КАК КОРРЕЛЯТ (ДЕ) КОЛОНИЗОВАННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ НАГИБА МАХФУЗА «МИРАМАР»

Аннотация. Роман «Мирамар» (1967) нобелевского лауреата, египтянина Нагиба Махфуза, знаменует начало нового этапа в его творчестве. Будучи первым образцом мозаичного романа в истории арабской литературы, «Мирамар» апеллирует к средневековому жанру «хабар». Махфуз показывает рыхлый, фрагментированный мир, в котором живут герои, утратившие не только цель и смысл существования, но и представление о самой возможности человеческого единства и солидарности.

Ключевые слова: Египет; Александрия; «Мирамар»; Нагиб Махфуз; хабар; колониализм.

DEMIDOV K.B. Colonized Mindset as a Correlative of a (De)colonized Space in Naguib Mahfouz's "Miramar"

Abstract. "Miramar" (1967) is a novel of Egypt's best known modern writer, Nobel laureate Naguib Mahfouz. It stands apart as a complex, densely metaphorical though realistic novel (unlike many of his subsequent books). Being a first specimen of a mosaic novel in Arabic literature, "Miramar" taps into the traditional, though forgotten, "khabar" tradition, to which Mahfouz would have recourse in his subsequent works. There is much of a liminal character about everything in the book – so reader should consider both psychological and physical spaces this novel is set in to grasp the intended meaning. "Miramar" is set in Alexandria (historically built by the Greeks and site of maximum foreign presence in the land), situated on the northern

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

shore of the “Global South” continent. While depicting complex city life of a country experiencing economic and social transitions, Mahfouz shows a society in the throes of unsuccessful modernization.

Keywords: Egypt; Alexandria; “Miramar; Naguib Mahfouz; khabar; colonialism.

Для цитирования: Демидов К.Б. Колонизованное сознание как коррелят (де) колонизованного пространства в романе Нагиба Махфуза «Мирамар» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 3. – С. 5–21. – DOI: 10.31249/rva/2024.03.01

Роман «Мирамар» (1967) Нагиба Махфуза (1911–2006), классика египетской литературы, лауреата Нобелевской премии, знаменует перелом в творчестве этого автора. На раннем этапе своего творчества Махфуз, вдохновляясь В. Скоттом, собирался создать 30-томное историческое полотно, покрывающее всю историю Египта. Позднее он перешел к психологической истории своего времени, всё более концентрируясь на судьбах отдельных героев. После «Мирамара» – первого в истории арабской литературы мозаичного романа – его творчество тяготеет к средневековой традиции «хабар» [5, с. 14] и приобретает всё более символический характер абсурда и гротеска.

Реальное пространство в его книгах неуклонно сокращается, всё более превращаясь в «вертикальное», метафизическое измерение. В «Мирамаре» данный процесс находится в финальной стадии. После этой книги все действующие лица в его романах приобретают символическое звучание, действуя в обстановке, почти лишенной вещественной конкретики. «Несмотря на широкую панораму жизни, нарисованную автором, в ней чего-то недостает. Она похожа на панораму города, где едва ли не все здания одной высоты, нет ни минарета мечети, ни колокольни, ни пожарной каланчи – почти ничего, что возвышалось бы над серыми, густо заселенными кварталами» [5, с. 16]. Данная характеристика романа «Зеркала» (1972), во многом развивающего проблематику «Мирамара», очень точно соответствует той стилистике, которую автор использует в этом произведении.

Пространство в творчестве Махфуза также всё более утрачивает не только красочность, но и определенность. Диагностиро-

ванная в «Мирамаре» атомизация общества оставляет его героев внутри своей собственной – у каждого по-своему бессмысленной – версии мира. Неслучайны и высказанные в интервью жалобы Махфуза на то, что египетская литература всё более теряет связь с прошлым, а новое поколение литераторов, само не ведая того, будто бы повторяет уже много раз пройденное [5, с. 14]. Интересно, но сам он словно забыл, о чем на заре XIX в. предупреждал классик египетской литературы М. Мувайлих в «Рассказе Исы ибн Хишама». В этом произведении некий паша, воскресший после установления в Египте британского владычества, видит значительные улучшения, однако все они носят чисто внешний характер и идут на пользу лишь иностранцам, которые могут даже вторгаться в частные дома, чтобы, например, сфотографировать традиционную египетскую свадьбу [4, с. 681]. Создается впечатление, что сам Махфуз утратил понимание той трансформации, которую пережил Египет.

Поскольку все сколько-нибудь значительные литературные произведения, пусть не прямо, отражают время и пространство, которые послужили базовым материалом для их создания, – часто даже фантастика больше говорит о той обстановке, в которой она создавалась, нежели о выдуманных мирах, – очень важно увидеть, как пространство функционирует в «Мирамаре».

«Рыхлость» пространства в «Мирамаре» – вполне в духе жанра «хабар», дающего сведения об отдельных лицах, без попытки осмысления контекста – находится в соответствии с тем дисфункциональным общественным полем, в котором действуют герои, похоже, полностью утратившие представление о самой возможности единства и солидарности. За исключением пространственной близости их ничто не объединяет.

По всей видимости, подойдя к написанию романа, Махфуз пережил крушение всех надежд, связанных с политическим обновлением, и предвидел катастрофу 1967 г., когда объединенные арабские армии были разгромлены Израилем. Пессимизм неуклонно нарастал в его творчестве начиная с романа «Переулок Мидакк» (1947) (полного идиллических картин старого Каира, однако заканчивающегося ужасной катастрофой, агентом которой выступает оккупационная британская армия) до романа «Начало и конец» (1949), где перипетии стремящейся обрести процветание ка-

ирской семьи все более приобретают черты трагического фарса, протекающего в обстановке нарастающей клаустрофобии – и до «Каирской трилогии» (1956–1957), развивающей ту же тематику, однако в тонах всё большей безнадежности и бесперспективности. Таким образом, пространство действия в романах Махфуза неуклонно сжималось – будто бы под воздействием некоего разрушительного реагента. Интересно отметить, что у писателей его масштаба на Западе в это же время происходило небывалое расширение художественного пространства – например, в творчестве Г. Уэллса.

Необходимо учитывать, что, подвергнувшись британской колонизации, Египет оказался в поле представлений о пространстве, которые уже успели приобрести черты революционной новизны и радикальности. Пространственные категории, сформированные Западом, – и столь рельефно оттененные печально знаменитой доктриной *Lebensraum* – оказались ключевыми для всего XX в. Рыхлое, неструктурированное пространство в «Мирамаре» можно правильно понять лишь в контексте тех жестких идеологем, смысловых «стальных бурь» (по выражению Э. Юнгера), при помощи которых Запад осуществлял свою экспансию. Западное сознание, которое, начиная со Средневековья, активно мифологизировало пространство, постепенно всё более приобретало черты негативной диалектики¹.

Примечательно, что так или иначе пространство стало играть в западной литературе ключевую роль. В качестве примера можно вспомнить лишь некоторые из вершин. Так, в романе Ф. Кафки «Замок» герой стремится попасть в мифологизированную область высшей власти; причем не вполне понятно, зачем ему это нужно – ведь ее представители производят сугубо негативное впечатление. Примерно так же устроен и художественный мир «В поисках утраченного времени» М. Пруста. Все социальные миры и мирки здесь вращаются вокруг высокородных Германтов, к которым тяготеет герой-рассказчик. Причем посвященная непосредственно им часть книги названа «Содом и Гоморра». В «Улиссе» Дж. Джойса один из героев, Блум, путешествует по социаль-

¹ Негативная диалектика – апофатический стиль мышления, который из области теологии перекинулся на политику и художественное творчество, прежде всего, литературу, часто сознательно и бессознательно весьма политизированную. – *Прим. автора.*

ным пространствам окраинного мира (Ирландия как окраина Великобритании), комически мечтая о возвращении в «родные пенаты» (Палестину). В данном случае интересна параллель с романом «12 стульев», где герой жаждет приобщения к воображаемой «духовной родине» (Рио-де-Жанейро). Апофатика здесь оказывается иронически перевернутой. «Негативность» вождельного пространства в обоих случаях связана с тем, что речь идет лишь о грезах, не имеющих к реальности никакого отношения.

В «Волшебной горе» Т. Манна негативная диалектика пространства дает о себе знать наиболее очевидно. Туберкулезный санаторий как «нет-пространство», по сути дела, область смерти – это область высшей, чуждой морали энергии, которую обретает герой, чтобы превратиться в «рыцаря», подготовленного к установлению «нового порядка» в дольном мире, пусть даже и ценой собственной жизни, от привязанности к которой ему удалось избавиться.

Предела негативная диалектика пространства достигает в рассказе Ф.С. Фитцджеральда «Бриллиант, огромный как Ритц», где область проживания сверхбогатых людей предстает будто бы не существующей; путем ухищрений им удалось избежать даже ее попадания на карты. Подобным метаморфозам подверглась и мораль; убийство нерадивых слуг и надоевших гостей здесь – нечто неприятное, но неизбежное.

Негативная диалектика определяла и вполне приземленные, бытовые проявления западного мышления, связанные с пространством. Как продемонстрировал М. Фуко, начиная с XVI в. западные общества последовательно проводили политику изоляции всех «не таких, как надо» – население, не вмещавшееся в рамки буржуазных норм поведения, должно было находиться в отгороженном месте социального небытия.

Ещё большему заострению данная идеологема, воспроизводящая средневековые представления о пространствах различной качественности, подверглась в либерализме – идеологической квинтэссенции буржуазности, имеющей столь много общих черт с фашистским / нацистским изводом последней. Как отмечает Г. Стапельфельдт, «либерализм на дух не переносит ничего чуждого, (не)идентичного, особого» [19, с. 718] Все пространство

«своих» обязано быть строго единообразным; остальное, внешнее – хаос, с которым идет война не на жизнь, а на смерть.

Арабское сознание не смогло вовремя и правильно оценить смысл той интеллектуальной эволюции, которая произошла на Западе. Египетские утописты начала XIX в. (Т. Джаухари, С. Муса и др.) мечтали о приобщении арабского мира к достижениям западной цивилизации и обогащении ислама научными открытиями. Однако они могли себе представить, насколько разрушительным может быть воздействие чуждых общественных структур и идей.

«Мирамар» представляет собой антитезу тому ложно оптимистическому представлению о пространстве, которое возникло в Европе конца XIX в. и которое во многом определило мировоззрение арабских просветителей. Многократно описанный в художественных и научных текстах человек Модерна – «человек действующий» – существо, стремящееся покорить пространство.

Так, бельгийский поэт-урбанист Э. Верхарн в 1893 г. воспекает «поезда, проносающиеся ночью мимо станций, шумные словно барабаны» [20, с. 241]. Вся живописная совокупность людей и вещей предстает как увиденная из окна вагона, чтобы быть описанной «в привычной комнате черными чернилами по белой бумаге»; после чего – «то же стремление из города в город вдогонку за всё той же мечтой» [20, с. 247].

Пространство и скорость становятся своего рода «наркотиком». Как пишет французский поэт Валери Ларбо в 1908 г., «в первый раз я ощутил всю сладость жизни в купе “Норд-экспресса”, который вез меня из Вирбалена в Псков» [14, с. 38]. Еще более конкретно о стремлении быть в непрерывном движении говорит в 1913 г. Блез Сандрар: «Я жил в Москве... но мне было не достаточно семи вокзалов и тысячи трех церквей... Теперь я заставляю все поезда нестись вслед за мной – Баль-Тимбукту... Париж-Нью-Йорк... Мадрид-Стокгольм... Я в пути, всегда был в пути... Мир удаляется растягивается и вновь приближается как гармонь, мучимая рукой садиста» [14, с. 39].

Здесь же следует упомянуть и «из Москвы – в Нагасаки, из Нью-Йорка – на Марс» И. Северянина. Данные идеи питали умы строителей новой жизни в Советской России, которую они стали осознавать как пространство «тетюшей», в которое – как ледокол –

вторгается могучий корабль социализма (И. Сельвинский, «Пушторг»).

Рассмотрение причин быстрого провала социалистического эксперимента в Египте не входит в задачи работы. Отметим лишь, что в абсурдном, прозаическом, карикатурно и ужасно расколотом мире «Мирамара» подобная мечтательность просто не может существовать – за отсутствием единого пространства и представления о возможности единого пространства. Возможно, данное положение вещей связано с отсутствием попыток художественного осмысления страны, Египта, как единой хозяйственной системы.

Вспомним размышления Левина в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого о причинах бедности в России, чему «содействовали в последнее время ненормально привитая России внешняя цивилизация, в особенности пути сообщения... повлекшие за собой централизацию в городах... в ущерб земледелию» [8, с. 55]. Сама попытка осмысления единства страны в ее органическом, хозяйственном единстве, возможно, свидетельствует об ином понимании окружающего пространства. Так, один из положительных героев «Зависти» Ю. Олеши заявляет: «Прощай, Муром-городок! ... собственно говоря, и города никакого не существует. Одни мастерские есть, а город... отложение мастерских!» [6, с. 44]. Героям «Мирамара» подобные идеи не могут прийти в голову – тем более, что это сопряжено с определенными издержками: «Я превратился в машину... Машины здесь – зверье! Породистые! Замечательно равнодушные, гордые машины... Зависть взяла к машине... Мы же ее выдумали, создали, а она оказалась куда свирепее нас» [6, с. 44]. Подобные «издержки» отнюдь не исключение, но закономерность, связанная с трансформациями европейского пространства – как художественного, так и реального. Так, герою «Юношеского романа» В. Катаева необходима война, чтобы вырваться из захолустного мирка. Для протагониста «Вечер у Клэр» Г. Газданова та же война – это путь к обретению счастья.

В «Мирамаре» ни превращения, ни перемещения не возможны, хотя бы по той причине, что их нет в сознании действующих лиц. Кроме того, следует иметь в виду, что подобные превращения вполне в духе происходивших в Европе с конца Средневековья изменений, повлиявших на творчество виднейших европейских писателей. Как отмечает М.М. Бахтин, для Гёте была важна «рабо-

та творчески организующей человеческой воли над сырым материалом стихийного массового движения» [2, с. 231]. Идеи одномоментной, отчасти даже волонтаристской, трансформации пространства были порождены более масштабными подвижками. «Процесс округления, восполнения и оцельнения реального мира достиг своего первоначального завершения в XVIII в., и именно ко времени Гёте» [2, с. 225]. В основе данного процесса были исторические трансформации, приведшие к появлению «воображаемых сообществ» (Б. Андерсон). Наиболее яркий тому пример – образование английского «commonwealth» [16]. В арабских же странах шли процессы прямо противоположного характера, о чем и свидетельствует «Мирамар».

В результате буржуазия здесь (как и в других произведениях Махфуза) выглядит довольно жалкой, стремящейся скопировать иноземные образцы, тогда как последние демонстрируют совершенно иной стиль поведения: «В манере вести свои дела без лишнего шума и с полным пренебрежением ко всему остальному миру эти люди воплощают самую сущность британского индивидуализма» [3, с. 112].

Сугубая деловитость буржуа, прежде всего, распространяется на городскую среду, собственно среду его обитания. Образ «рабочего дома» – «зоны отчуждения» викторианской эпохи – как предельного ужаса, преследующего, в частности, героев Диккенса, позволяет понять ту социальную инженерию, которая была пущена в ход восторжествовавшим буржуа.

Результатом данного процесса стало появление буржуазного пространства, в котором даже пригороды могут быть осмыслены как «свое» – чего не может быть в махфузовском пространстве, где угроза может поджидать героя где угодно. «Нью-Йорк, он считал, был его домом – город роскоши и тайны, несбыточных надежд и экзотических мечтаний. А здесь, на его задворках, то и дело возносились на фоне равнодушного заката нелепые оштукатуренные дворцы... уступая место путаной сумятице Гарлем-ривер... со своим удивительно ярким, полным жизни откровением в виде бедно одетых ребятишек... Нью-Йорк... эти маленькие магазинчики, растущие, движущиеся, объединяющиеся, расползающиеся, они множились по всем направлениям, озирая все вокруг хищным взо-

ром, по-пчелиному внимательным к мелочам. Это впечатляло, в перспективе виделось потрясающим» [9, с. 293].

Всё это стало возможным благодаря насаждению социал-дарвинистского порядка. «Три дюжины добродетельных особей из высшего слоя общества заявляли... о способности рожать детей для трех дюжин миллионеров. Пять дюжин добродетельных самок из слоя пониже объявляли не только о своей способности, но и, в придачу к этому, об огромном и неукротимом влечении... Двигаясь дальше, заметим, что был еще и третий эшелон – с окраин города... Были, несомненно, и последующие, вплоть до самых городских низов» [9, с. 35].

В арабском мире мир бедных – это мир хаоса, сродни пригородам больших американских городов наших дней. В романах Махфуза границей между этими мирами служит Нил. В подобном «градуированном» пространстве необходим «социальный скафандр», обеспечивающий свободу перемещения. Относительная легкость существования в социальном поле коррелирует с необходимостью «раковины», а значит, со всеми теми заботами, которые это предполагает: «Все Форсайты, как это общеизвестно, живут в раковинах, подобно тому чрезвычайно полезному моллюску, который идет в пищу как величайший деликатес; другими словами, в натуральном виде Форсайты никогда не встречаются, а если и встречаются, то никто их не узнает без этой оболочки, сотканной из различных обстоятельств их жизни, их имущества, знакомств и жен... в этом мире, кишашем тысячами других Форсайтов, запрятанных в такие же оболочки» [3, с. 120]. Примечательно, что герои «Мирамара» лишены подобных «скафандров» – ведь «технологический» центр находится за морем, а сами они создать что-либо подобное и даже осознать нужду в этом не в состоянии. Если здесь нет даже понимания сущности проблемы, то на родине данных технологий они начинают трактоваться в духе естественной истории – как нечто врожденное, имманентное.

Так возникает единое «натурализованное» пространство – по сути дела, социальное дополнение к естественной парадигме, фиктивное поле социальности, придающее «человекообразное» оформление пищевой цепочке. Герои «Мирамара» с их повседневным абсурдом не могут понять, что выпавшая на их долю роль –

это роль добычи, поскольку они не могут попасть в зону повышенной эксклюзивности.

В «Критике цинического разума» П. Слотердаjk описал возникновение на Западе таких эксклюзивных областей – городских пространств, где «постепенно складывается светское знание, которое элегантно фланирует между голыми фактами и конвенциональными фасадами» [7, с. 31]. Позднее светское знание элегантно облачится в эзэсовскую форму и фактически отождествится с «прогрессивными» идеологемами, которые «господа жизни» преподают неразумным в обстановке нарастающей деловитой конвенциональности, в перспективе стремящейся к конвенциональности концлагерей. О том, с какой легкостью и в настоящее время возникают подобные пространства, рассказывает, например, работа «Эффект Люцифера» Зимбардо, где описаны эксперименты с сознанием – как колонизаторов, так и колонизируемых на территории Ирака, в котором в результате западной агрессии возникла атмосфера неопределенности, столь ярко описанная в «Мирамаре»

Таким образом, весьма своеобразное отношение к пространству, проявившееся в колониальной экспансии Запада и обусловившее, в данном случае, особенности художественного мира «Мирамара», – отнюдь не случайность, якобы связанная с особенностями экономического развития, но центральная идея, идея-вирус, определившая все стороны западного сознания. В «Мирамаре», бессвязный мир которого – результат воздействия этой идеи, последнюю высказывает один из наименее привлекательных героев, мечтающий об установлении мирового господства США.

Условия навязанного колониального статуса и связанной с ним системы ценностей определили те факторы, которые воздействуют на героев произведений Махфуза и многих других арабских писателей. «Арабская литература изобилует перечислением подобных факторов – начиная с поражения, нанесенного Израилем арабским странам в войне 1967 г., провала секулярных модернизационных проектов, экономической дисфункциональности, отсутствия социальной мобильности, распространившегося отчуждения от политики и вплоть до более личных чувств, порождаемых культурной слабостью, расизма, униженности, намеренной виктимизации, семейных раздоров или же просто ощущения бесцельности подобной жизни и вытекающих отсюда религиозных исканий» [11, с. 32].

Затянувшийся переходный период в Египте и бесконечные экономические передрыги, связанные с новыми и новейшими планами переустройства, которые в итоге приносят лишь разруху, отражены в «Мирамаре» сквозь призму довольно банальной истории, увиденной тремя постояльцами отеля. Это молодые люди, пока не выработавшие ясного понимания, что же с ними происходит. Их объединяет лишь тотальная лиминальность – одна из главных характеристик всего и вся в романе; она проявляется и в том, что действие разворачивается не в Каире, как обычно у Махфуза, а в Александрии – исторически связанной с иностранным присутствием, и в том, что герои колеблются в своих ценностных и политических ориентирах. Так, Сирхан ал-Бухайри – молодой человек простого происхождения, которому удалось самостоятельно пробиться и стать заместителем главного бухгалтера текстильной фабрики, – поначалу представляется наиболее крепко стоящим на ногах из всех постояльцев. Постепенно выясняется, что, влюбившись в Зухру – олицетворение и символ Египта в романе, служащую пансиона, бежавшую от деревенской родни, стремившейся насильно выдать ее замуж в расчете на вознаграждение, – он бросил женщину полусвета, за счет которой он жил. Свою новую любовь он также оставляет, когда понимает, что таким образом он преграждает себе путь в «приличное» общество. После того как проваливается его план, связанный с выгодной женитьбой и кражей продукции с фабрики, он сводит счеты с жизнью.

Еще один постоялец, Мансур Бахи, также молодой человек, работающий на радиостанции, во время учебы в университете придерживался коммунистических воззрений, однако данное, потенциально весьма опасное увлечение прошло благодаря влиянию его брата, высокопоставленного офицера полиции. Его нападение на Сирхана, за которым он почему-то ходил по пятам, оказавшееся в результате не фатальным – хотя сам он признается в убийстве, не зная, что наносил удары уже мертвому Сирхану – это немотивированный акт отчаяния и разочарования.

Хусни Аллам, выходец из богатой семьи землевладельцев, не имеет образования (чего очень стыдится) и попросту не знает, чего хочет в жизни. Время он проводит в развлечениях (алкоголь и секс) и бесцельных прогулках в автомобиле – единственный пример относительной пространственной широты, бессмысленность

которой лишь подчеркивает сдавленность, господствующую в романе, «вечную жажду перемещения и скорости» [1, с. 96].

Его естественный союзник и единомышленник, Талба Бей Марзук – богатый землевладелец и высокопоставленный чиновник, утративший как положение, так и значительную часть состояния во время революции 1952 г. В романе это фигура обрамляющего характера, которой, однако, принадлежит наиболее развернутое и определенное высказывание пространственного и идеологического характера. «Самая большая ошибка по отношению к человечеству была совершена, когда Америка, в одиночку обладая ядерной бомбой, побоялась захватить власть над всем миром» [1, с. 33].

Его антагонист Амир Вагди – также фигура обрамляющего характера – некогда популярный и прогрессивный журналист, решивший на склоне лет вернуться в Александрию. Это возвращение – его единственная характеристика пространственного характера, если не считать посещения кафе. В «Мирамаре» он решил остановиться, так как в дни молодости был дружен с хозяйкой отеля – Марианной, гречанкой, вдовой английского капитана (что служит изначальным маркером лиминальности пространства).

Пространство внешнего, большого мира в «Мирамаре» предстает как нечто необязательное, нереальное, особенно по отношению к простым людям, которым из деревни до города добраться не представляется возможным [1, с. 71]. Кроме того, случайно упомянуты Саудовская Аравия [1, с. 66], Эфиопия и Италия [1, с. 93].

Характерным следует признать и то, что художественный мир романа предстает сумрачным – «свинцовый Нил» [1, с. 170]) – и располагающим к клаустрофобии – «сдавленность Александрии» [1, с. 122]. Исключение – картины увиденные глазами подонка Хусни Аллама – «свежесть, чистота и голубизна моря» [1, с. 96] Чрезвычайно обедненным предстает и описанный в «Мирамаре» мир вещей, что также подчеркивает случайный, «окраинный» характер всего романного пространства.

При этом следует иметь в виду, что, собственно говоря, пространство в художественных произведениях, как правило, и есть вмещилище вещей, заполненное силовыми линиями последних. Случайность предметного мира «Мирамара» – одна из характери-

стик колониального пространства, поскольку вещь привносится извне и не является органической частью существующего порядка.

Данная проблематика ярко высвечивается при сопоставлении «Мирамара» с «Лунным камнем» В. Коллинза. Обе книги, мозаичные романы, показывают разворачивающуюся в них историю преломленной в сознании нескольких героев. Интересно, что «Лунный камень» является одним из первых подобных произведений в европейской литературе, а «Мирамар» – в арабской. Однако в «Лунном камне» действием управляет – как невидимый «бог» – украденный алмаз. Кроме того, центральной здесь является идея восстановления социального порядка, налаживания испорченного «часового механизма», распоряжающегося жизнью героев в нормальном ее изводе. Пространственно роман простирается на всю Британскую империю. В «Мирамаре» действия героев хаотичны и лишены логики – под стать миру периферии, воплощенному в образе этого обветшавшего пансиона.

Характеристика вещного мира в художественном произведении представляется важной. Одной из ключевых тем «Оборотной стороны зеркала» (1973) австрийского этолога К. Лоренца является особая роль вещи в социальной жизни на Западе, превращающей пространство в «зачарованный ландшафт». Вещь обладает таким могуществом, что образует вещный аспект человеческого духа, закрепленный в фенотипе. Автор приводит впечатляющие примеры того, как вещи воздействуют на пространственные аспекты человеческой деятельности, самые позы тех или иных специфических групп (в зависимости, например, от особенностей костюма), что закрепляется генетически. Лоренц показывает, что революционные движения на Западе часто провоцируются именно стремлением в буквальном смысле сбросить – как отмирающие оболочки – формы и обычаи прежней жизни.

Как показал канадский историк Т. Брук в успешной статье классической работе «Шляпа Вермеера», завоевание мирового пространства вещами Запада, собственно, и является глобализацией. Этот автор, однако, оставляет без внимания такой аспект, как превращение вещей в мифологизированные сущности – по сути дела, в «богов», управляющих человеческой активностью. Периферия «цивилизованного» мира, где «боги» не изобилуют, демонизируется и вынуждена владеть жалкое существование. Такая точка

зрения усиленно навязывается «аборигенам», которые не научились производить столь прекрасные «бусы». Именно с этим связаны в «Мирамаре» программные заявления Талбы Бея Марзука, ощущающего себя на окраине и своего социума, и «цивилизованного» мира.

Интересно отметить параллелизм, существующий между тканью художественного произведения и тем, как подобные процессы развиваются в реальности. Литература, будучи правильно прочитанной, предсказывает вполне реальные процессы. Как отмечает Т. Шокейд, «в национальных государствах роль центра становится всё более значимой, поскольку он связан с глобальной экономикой, тогда как периферия оказывается зависимой от политики центральных властей, цель которых – не дать ей скатиться к еще большему упадку» [18, с. 3]. «Силы, в последнее время приведенные в движение глобализацией, лишь увеличивают бездну... между быстро развивающейся экономикой центра и деградирующей периферией» [18, с. 3].

Итак, «Мирамар» ярко демонстрирует, как пространство Модерности в ее колониальном изводе превращается в ретроспективную дистопию. Лучшее из того, что имеется, это деревня, куда могут вернуться некоторые из героев. Однако и она – это «ад крошечный», с господствующей там патриархальностью и ужасными обычаями; достаточно сказать, что женщина там – это «изящное животное, лишенное как ума, так и веры» [1, с. 71]. Данному пространству противостоит пространство «ан-нас» (араб. «люди») – компрадорской элиты, ощущающей себя сообществом «избранных», которое отнюдь не стремится к расширению своего круга. В «Мирамаре» пространство – это область дисфункции, аномии и отчаяния, область утраты обществом ощущения осмысленности и сопричастности – поскольку прежние нормы устарели, а новые распространяются лишь на «избранных», «ан-нас». В итоге возникает поле бессвязности, выпадения из социальной ткани. Это пространство социального «бреда», и поиски смысла здесь носят апофатический характер. Герои мечутся между Сциллой полуфеодалного прошлого и Харибдой компрадорского настоящего.

В «Мирамаре» мы видим мир, в котором утрачено представление о едином пространстве. Ни о чем подобном не может идти речь в обществе, где нет объединяющей системы ценностей и об-

щего языка. Это социум, механика которого поделила население на не общающиеся между собой кластеры, к тому же лишённые функциональности. Постепенно возобладавшее в арабской культуре тяготение к «домоседству» – достаточно вспомнить трактат Джахиза (775–868) «О ностальгии» – «Ал-ханин ила ал-автан» – вылилось в отказ от дальнейшей территориальной экспансии. Современная проблематика миграции из арабских стран связана с тем кругом, вопросов, которые, в числе прочих произведений, затрагивает «Мирамар». Так, Л. Роузен, рассматривая факты самочинного захвата общественных, «ничейных», территорий проживающими на Западе арабами, отмечает: «Понятие собственности определяется здесь в терминах отношений, которые удалось завязать по поводу данной собственности: идентичность человека проявляется не в вещах, которыми он обладает, а в том мире отношений, о которых данные вещи свидетельствуют» [15, с. 16]. Парадоксальным образом эти слова могут быть отнесены и к «Мирамару», где весь мир прошлых вещей, когда-то объединявших людей, утрачен, тогда как новые вещи подобной роли играть не могут – 1) их слишком мало; 2) не все способны их себе позволить; 3) предназначение многих вещей, пришедших с Запада, – именно в том, чтобы разъединять и вносить раздор, в соответствии с принципом «разделяй и властвуй».

В ходе «арабской весны» (2011) всё то, о чем Махфуз говорил как в «Мирамаре», так и в других произведениях, получило новое звучание. География революционного Каира претерпела поразительные изменения – символы прозападного образа жизни получили революционное прочтение. Революционные события на какое-то время оказываются временем смешения разнородных социальных элементов. Пространство превращается в утопическое поле небывалых и, как оказывается, несбыточных возможностей. В это время возникали новые знакомства, завязывались отношения. Однако членение арабского социума на мало общающиеся одна с другой когорты – по имущественному статусу, возрасту, характеру занятий, интересам и т.д. – привело к тому, что новые связи оказались весьма избирательными, и вопросы новой, революционной активности отошли на второй план. Таким образом, эйфория, связавшая людей на почве освобождения от ненавистного прошлого, на руинах которого объединенный народ построил

бы новый мир, исчезла, оставив по себе прежнее пространство хаоса. Сколько-нибудь значительные связи в среде наиболее обеспеченных слоев никогда не существовали, а новые, возникшие благодаря участию в народных комитетах, вскоре рассеялись как дым [12].

Таким образом, махфузовский «Мирамар» иллюстрирует вполне определившуюся тенденцию. Развитие периферии утрачивает внутренне осознанную органичность и целесообразность. По сути дела, всё пространство внутри страны – после крушения идеи национализма, придававшего данному пространству смысл, – оказывается периферией разной степени интенсивности. Махфуз очень точно подмечает своеобразное духовное опустынивание, лишаящее все пространственные ориентиры в романе какого-либо смысла, – подобно наступлению песков бессмыслица и бесперспективность все более становятся определяющими факторами в жизни его героев.

Список литературы

1. Махфуз Н. Мирамар. – Ал-Кахира: Мактабат Миср, 1967. – 280 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва: Искусство, 1979. – 434 с.
3. Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах. Т. 1. – Москва: Левша, 1992. – 480 с.
4. Крымский А.Е. История новой арабской литературы. – Москва: Главная редакция восточной литературы, 1971. – 794 с.
5. Махфуз Н. Зеркала. – Москва: Прогресс, 1979. – 266 с.
6. Олеша Ю. Зависть. – Рига: Лиесма, 1987. – 351 с.
7. Слотердайт П. Критика цинического разума. – Москва: АСТ, 2008. – 747 с.
8. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. 9. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1952. – 419 с.
9. Фитцджеральд Ф.С. Прекрасные и проклятые. – Санкт-Петербург: Азбука, 2020. – 474 с.
10. Al-Kassim AbuReesh A., Assadi J. The Manifestations of Place in Naguib Mahfouz's "The Nights of One Thousand Night" // Indian Journal of Applied Research. – 2015. – Vol. 5 (3). – P. 179–184.
11. Farley R.J. Intellectual Space in Naguib Mahfouz's Tharthrah fawq al-Nil // CSULB McNair Scholars Research Journal. – 2011 – Vol. 15. – P. 31–50.
12. Hassan H.M. Extraordinary Politics of Ordinary People: Explaining the Micro Dynamics of Popular Committees in Revolutionary Cairo // International Sociology. – Barcelona, 2015. – Vol. 30 (4) – P. 383–400.
13. Hilton B. Mad, Bad and Dangerous People?: England 1783–1846. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 784 p.

14. XXe siècle. Les grands auteurs francais / Lagarde A., Michard L. (eds.). – Paris: Bordas, 1969. – 640 p.
15. Rosen L. Varieties of Muslim Experience: Encounters with Arab Political and Cultural Life. – Chicago: University of Chicago Press, 2008. – 278 p.
16. Rollinson D. A Commonwealth of the People: Popular Politics and England's Long Social Revolution, 1066–1649. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 492 p.
17. Scott B. Colonial Modernity and Urban Space: Naguib Mahfouz's Cairo // Journal of Urban Cultural Studies. – 2014. – Vol. 1 (2). – P. 255–272.
18. Shokeid M. Centre and Periphery in Israeli Social Geography // Journal of Mediterranean Studies. – 2011. – Vol. 20 (1). – P. 1–12.
19. Stapelfeldt G. Aufsteig und Falle des Individuums. – Berlin: Ca Ira Verlag, 2014. – 752 S.
20. Verhaeren E. Impressions. – Paris: Mercure de France, 1916. – 252 p.

СИДОРОВА С.Е.* СЛУГИ: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ УЯЗВИМОСТИ К
ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ¹

Аннотация. Слуги были востребованы во все эпохи и во всех обществах и составляют огромную часть современной рабочей силы. Это особенно актуально для густонаселенного региона Южной Азии, где до сих пор функционирование огромного числа хозяйств, даже весьма среднего достатка, обеспечивается домашними работниками, и эта практика ни в коей мере не демонстрирует тенденции к угасанию. Слуги стали объектом научного интереса и анализа сравнительно недавно, на рубеже XX и XXI столетий. Основная цель статьи состоит в том, чтобы выделить ключевые теоретико-методологические подходы, используемые для изучения этой страты общества, осмыслить, до какой степени используемый аналитический инструментарий достаточен для решения связанного с ней комплекса проблем, и предложить альтернативную исследовательскую оптику (исследования в области поддержания и починки / ремонта – Maintenance and Repair Studies), которая представляется плодотворной для расширения горизонта анализа и смещения ракурса восприятия проблемы.

Ключевые слова: слуги; домашние работники; исследования труда; прекариат; постколониальная теория; домашний поворот; исследования в области поддержания и починки.

SIDOROVA S.E. Servants: From Social Vulnerability to Functional Usefulness

* Сидорова Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

¹ В данной работе частично использованы материалы моей статьи, опубликованной в 2020 г. [9].

Abstract. Servants have been in demand in all eras and in all societies and make up a huge part of the modern workforce. This is especially true in the densely populated region of South Asia, where large numbers of households, even those of moderate means, are still supported by domestic workers, a practice that shows no signs of dying out. Servants became the object of academic interest and analysis relatively recently, at the turn of the 20th and 21st centuries. The main goal of the article is to highlight the key theoretical and methodological approaches used to study this stratum of society, to comprehend to what extent the analytical tools used are sufficient to solve the complex of problems associated with it, and to propose an alternative research lens (Maintenance and Repair Studies), which seems fruitful for expanding the horizon of analysis and shifting the perspective of the problem.

Keywords: servants; domestic workers; labor studies; precariat; postcolonial theory; domestic turn; maintenance and repair studies.

Для цитирования: Сидорова С.Е. Слуги: от социальной уязвимости к функциональной полезности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 3. – С. 22–60. – DOI: 10.31249/rva/2024.03.02

Антрополог Дэвид Гребер в книге «Бредовая работа», размышляя об общественной ценности тех или иных профессий, предлагал провести мысленный эксперимент и представить, что определенный класс людей просто исчез: «Если однажды мы проснемся утром и обнаружим, что не только медсестер, мусорщиков и механиков, но, если уж на то пошло, также и водителей автобусов, работников продуктовых магазинов, пожарных и поваров из заведений общепита унесло в какое-нибудь другое измерение, то результаты тоже будут катастрофическими» [2, с. 294]. Переходя от умозрительных построений к практическим примерам, Гребер вспоминал шестимесячную забастовку банковских служащих в Ирландии в 1970 г., в результате которой не произошло экономического коллапса вопреки ожиданиям организаторов. Зато за два года до этого, когда мусорщики вышли на десятидневную забастовку в Нью-Йорке, город уступил их требованиям, потому что в нем стало невозможно жить [2, с. 295–296].

Перечисленные им профессиональные группы по типу и содержанию деятельности относятся к сфере услуг, нехватку кото-

рых общество чувствует быстрее всего, так как они обеспечивают удовлетворение постоянных, возникающих на регулярной (ежемесячной, ежедневной или ежечасной) основе базовых потребностей людей. Среди занятых в этой области есть те, кто осуществляет те же виды работы, но составляет отдельную когорту, называемую **слугами**. В современной номенклатуре профессий их именуют **домашними работниками** (domestic workers). Определение, предлагаемое для этой категории трудящихся Международной организацией труда (МОТ)¹, звучит так: «Это те работники, которые выполняют работу в частном домохозяйстве (-ах) или для них. Они предоставляют прямые и косвенные услуги по уходу и в качестве таковых являются ключевыми участниками экономики ухода (care economy). Их работа может включать в себя такие задачи, как уборка дома, приготовление пищи, стирка и глажка одежды, уход за детьми, пожилыми или больными членами семьи, работа в саду, охрана дома, вождение автомобиля для семьи и даже присмотр за домашними животными. Домашний работник может трудиться полный или неполный рабочий день; может быть нанят непосредственно домохозяйством или через агентство по трудоустройству; может проживать в доме работодателя (live-in worker) или в собственном доме (live-out worker). Домашний работник может работать в стране, гражданином которой он не является, и поэтому его называют домашним работником-мигрантом»².

Более короткое определение МОТ образца 2024 г. подразумевает под домашним работником «любое лицо, выполняющее домашнюю работу в рамках трудовых отношений и на профессиональной основе» [33, с. 2].

Дефиниция важна, так как неопределенность критериев в добавление к неформальному характеру труда слуг порождают сложности в оценке численности этой группы населения. Например, в отчете МОТ за 2013 г. Индия была выделена в отдельный кейс, так как из-за отсутствия четкого алгоритма подсчета, вызванного непониманием, кого относить к домашним работникам,

¹ Международная организация труда (МОТ), International Labour Organization (ILO) – образована в 1919 г. во исполнение некоторых положений (статьи 387-426) Версальского договора. В 1946 г. МОТ стала специализированным агентством ООН (подробнее см.: <https://www.ilo.org/about-ilo/history-ilo>, а также [74]).

² [<https://www.ilo.org/topics/domestic-workers/who-are-domestic-workers>].

их число колебалось в диапазоне от 2,5 до 90 млн человек [31, с. 14]¹.

Несмотря на отмечаемое некоторыми исследователями сокращение численности домашних слуг в XX столетии², связанное с автоматизацией одних выполняемых ими функций и перенесением других из частного пространства в общественные зоны, домашние работники по-прежнему составляют значительную долю трудящегося населения в мире. По подсчетам МОТ на 2021 г. всего в 155 странах к этой категории относились 75,6 млн³ человек, из которых 50% приходятся на Азию (исключая Среднюю Азию) и Тихоокеанский регион, что составляет 4,5% от общего количества работающих там по найму людей [48, с. XVIII]. Выборочная статистика по Южной Азии выглядит так: в Индии число домашних работников составляло 4764 тыс. человек (1,3% от общего числа трудозанятых) на 2019 г., в Бангладеш – 1518 тыс. (2,5%) на 2017 г., в Пакистане – 828 тыс. (1,4%) на 2018 г. По Шри-Ланке (на 2018 г.) и Непалу (на 2017 г.) МОТ приводит только процентные показатели – 2,9 [48, с. 32] и 0,9%⁴ соответственно⁵. Более того, по прогнозам той же МОТ «ожидается, что спрос на домашнюю работу будет расти в свете демографических изменений, старения населения и увеличения потребностей в долгосрочном уходе... Количество цифровых платформ в этом секторе занятости выросло в 8 раз: с 28 платформ в 2010 г. до 224 платформ в 2020 г. Трудовые ресурсы для работы в домохозяйствах, вероятно, сохранятся из-за продолжающегося неравенства доходов внутри стран и между ними, а также неравного доступа к образованию и услугам по уходу. Будучи сектором с интенсивным трудоустройством, который удовлетворяет основные и растущие потребности домохозяйств в прямых и косвенных услугах по уходу, домашний труд может стать

¹ В конечном итоге они приняли как наиболее реальную цифру в 4,2 млн домашних работников на 2004-2005 гг. [31, с. 14].

² См., напр.: [2, с. 18].

³ Речь идет о людях старше 15 лет. В отчете 2013 г. фигурировала цифра в 53 млн домашних работников в мире [31, с. v].

⁴ Цифра по Непалу взята из интерактивной карты МОТ [<https://www.ilo.org/global/topics/domestic-workers/who/lang--en/index.htm>].

⁵ По Бутану и Мальдивам совсем не приводится никаких цифр.

источником занятости в период восстановления экономики после COVID-19» [48].

Все эти цифры и прогнозы являются результатом совсем новых исследований (второго-третьего десятилетий XXI в.), что стало следствием лишь недавно пробудившегося интереса к этой категории населения, как со стороны государственных, общественных, международных организаций и институтов, так и академических штудий. В докладе 2013 г. «Домашние работники по всему миру: глобальная и региональная статистика и степень правовой защиты» сообщается, что МОТ впервые озаботилась проблемами прислуги еще в 1936 г. во время Международной конференции труда, которая приняла Конвенцию об оплачиваемых отпусках (№ 52), установившую право на шестидневный оплачиваемый отпуск для работников обрабатывающей промышленности и некоторых других отраслей. При этом «Конвенция исключила домашних работников, что подвигло участников Конференции просить, чтобы “пункт об оплачиваемых отпусках для прислуги [был] включен в повестку будущей сессии, а также рассмотрен вопрос относительно того, могут ли другие условия найма домашней прислуги стать предметом международного регулирования”. Как утверждал тогда один из делегатов, домашние слуги [...] являются наемными работниками и, следовательно, тоже имеют право на защиту» [31, с. 1]. Следующий шаг в этом направлении МОТ совершила лишь три четверти века спустя, приняв в 2011 г. Конвенцию о домашних работниках (№ 189) и сопутствующую Рекомендацию (№ 201) [31].

Это случилось в том числе и под влиянием ученых, которые, определенным образом настроив исследовательскую оптику, высветили эту страту общества и начали в последней четверти XX в. ею заниматься, превратив в объект научного интереса и анализа. Именно слуги, домохозяйства и широкий диапазон отношений и взаимозависимостей в процессе труда находятся в фокусе настоящей статьи. Задача состоит не столько в том, чтобы дать обзор уже весьма внушительной к настоящему моменту историографии по данной проблематике, сколько выделить ключевые направления в ней и попробовать разобраться, до какой степени используемый аналитический инструментарий достаточен для того, чтобы обнаружить дифференцирующие признаки изучаемой группы, ответить на вопрос, кто такие слуги, какие теоретические подходы могут

быть плодотворными для расширения горизонта анализа и смещения ракурса восприятия проблемы. Рассмотрение этих вопросов будет основываться преимущественно, хотя и не исключительно (учитывая теоретический характер текста) на материале азиатского и южноазиатского регионов.

**Униженные и обездоленные: исследования о труде,
субалтернах, постколониализме и гендере**

Классические исследования труда

В основе отношений доминирования, подчинения, субординации, иерархии, лояльности, преданности, складывающихся между хозяевами и слугами, лежит труд, т.е. выполнение за плату / вознаграждение / содержание (в той или иной форме) работы по хозяйству или обслуживанию нужд нанимателей, поэтому главным из отличительных признаков представителей данной группы является их профессиональная принадлежность или занятость, и, соответственно, выбранная проблематика формально укладывается в рамки исследований труда (Labor studies).

Однако эта дисциплина длительный период находилась под влиянием марксизма, увлекалась проблемами индустриального рабочего класса (пролетариата), историей рабочего движения и тред-юнионов. Она оперировала концепциями класса, производительных сил, коллективного труда, прибавочной стоимости, капитала, которые не давали ей возможности увидеть в слугах объект исследования, так как последние не поддавались описанию посредством упомянутых понятий. Объясняя этот парадокс, Н. Синха и Н. Варма, редакторы и авторы двухтомного исследования «Прошлое слуг», посвященного слугам в Южной Азии в период с конца XVIII по первую половину XX в. [64; 65], пишут: «Кажется, что нежелание исследователей труда обсуждать домашних слуг и сферу обслуживания проистекает из восприятия их как незначительного явления, не заслуживающего того, чтобы маркироваться понятием “труд”». Другая причина слепоты исторических штудий, конечно же, кроется в мощной марксистской традиции фундаментального разделения труда на производительный и непроизводительный, что определяло отсутствие у историков интереса к напи-

санию истории домашнего труда»¹. Здесь же сто́ит добавить, что, находясь в услужении условно у состоятельной части общества, эта группа трудящихся не обладала достаточным потенциалом к классовой борьбе. Личная зависимость от работодателя, рассредоточенность по закрытым частным домохозяйствам, принадлежность скорее к семье, чем к единому трудовому сообществу / коллективу делали слуг более незащищенными и менее податливыми к сопротивлению и активному социальному действию, что также снижало интерес к ним как к полновесным акторам исторических процессов.

На двойственность положения слуг обращала внимание и Леонор Давидофф, которая в книге с характерным названием «Между миров» назвала их место в социуме сумеречной зоной. Анализируя взаимосвязи между семьей и экономикой заработной платы в Великобритании конца XVIII – первой половины XIX в., она отметила, что слуги были включены в систему патриархального доминирования [26, с. 406–407] и вместе с женами и детьми находились под протекцией главы семейства, выполнявшего функции их представителя во внешнем мире: «...В XIX в. домашние слуги реально не были членами семьи (как хотелось бы думать многим нанимателям) и однозначно не рассматривались как часть оплачиваемой рабочей силы. Эта аномалия, кажется, мало интересовала академических исследователей или общество в целом. Вплоть до середины XX в. домашняя прислуга считалась само собой разумеющимся элементом социального ландшафта, вызывавшим далеко не мимолетный интерес как у мейнстримовых, так и у

¹ [www.servantspasts.wordpress.com/epy-project/].

Рассуждения К. Маркса о сущности услуг см.: [4, с. 99–104]. В частности он писал: «В целом те работы, которые могут быть потреблены лишь как услуги и не могут быть превращены в отделимые от рабочих и, стало быть, в продукты, существующие вне их как самостоятельные товары, но которые все же могут непосредственно *капиталистически* эксплуатироваться, составляют ничтожную величину по сравнению с массой товаров капиталистического производства. Поэтому их следует оставить совершенно в стороне и рассмотреть лишь при исследовании наемного труда, в разделе о том наемном труде, который не является производительным трудом» [4, с. 100].

Существует большой пласт литературы, посвященной экономике услуг (service economy) и критике марксистского подхода к этой проблеме. См., напр.: [75; 42; 79; 34].

марксистских экономистов. Они считали прислуживание непроеводительным трудом, поскольку оно не добавляло ничего, что можно было бы определить как экономическую ценность, и осуществлялось за пределами признанного (recognized) рабочего места. Даже небольшое количество исследований женского труда, как правило, упускало из виду прислугу. Айви Пинчбек¹, например, в своем новаторском исследовании, посвященном женскому труду в конце XVIII – первой половине XIX в., исключила домашних слуг на том основании, что их труд оказался неподверженным влиянию промышленной революции» [27, с. 3]. Таким образом, исследования труда (Labour Studies), оставив «за бортом» и не придав самостоятельной ценности «непроизводительному» труду слуг, не обнаружив их на «признанном» рабочем месте, не выработали достаточно удобных инструментов для его изучения. И не сделали этот сегмент трудового люда заметным и значимым для общества и политических элит, ответственных за формирование социальной политики.

Тем не менее марксизм с его вниманием к угнетенным классам и школа анналов, появившаяся уже в XX в., с ее интересом не столько к деятельности выдающихся людей и отдельным событиям, сколько к обществу в целом, постепенно формировали запрос на «историю снизу». Впервые употребивший это выражение Люсьен Февр, один из основателей школы анналов, в эссе, посвященном истории и изменяющемуся в течение веков смысловому наполнению слова «труд» отмечал, что «с тех пор, как в начале XIX в. возникла литература – историческая, экономическая, социальная, – занимающаяся тем, что мы называем ныне “проблемами труда”, люди того времени в своих книгах, в своих мыслях и попечениях связывали понятие “труд” с представлениями о бедности, нищете, эксплуатации... Тем временем теоретики отстаивали свою, отличную точку зрения и пытались возратить труду его достоинство. Вернуть ему права и четко их определить. Однако прежде всего превратить его из проклятья, тяготеющего над обездоленными, и только над ними одними, в подлинный общественный долг, обязательный для всех... После этого неудивительно, что трудящиеся классы получили наконец “право на историю” –

¹ Имеется в виду книга А. Пинчбек [53].

потому, что они были трудящимися, а не потому, что они были обездоленными» [16, с. 366–367]. Несмотря на этот посыл, вектор выведения трудящегося человека из состояния униженности и обездоленности и обретения им достоинства, заданный в XIX в., во многом продолжает определять оптику академических штудий по сей день.

Прекариат

Так, современные науки о труде недавно вовлекли слуг в сферу своих интересов через изучение феномена прекариата. Автор этого термина¹ Гай Стэндинг² в книге «Прекариат: новый опасный класс» определяет эту социальную страту как неоднородную и разношерстную и вынужден прибегать к характеристикам, построенным на отрицании: «Прекариат еще не обрел собственного голоса и не способен предъявить свою программу. Это не “ущемленный средний класс” (squeezed middle), не “низший класс” (underclass) и не “беднейший рабочий класс” (lower working class). ... Прекариату не достает самоидентификации на основе трудовой деятельности. Поступая на службу, эти люди занимают должности, менее перспективные в плане карьерного роста, без традиций, социальной памяти, они не дают возможности почувствовать свою причастность к трудовому сообществу с устоявшейся практикой, этическими и поведенческими нормами, не дают чувство взаимной поддержки и товарищества. Прекариат не ощущает себя частью солидаризированного трудового сообщества. От этого усиливается отчужденность и неуверенность в том, что следует делать. Действия и настроения этих людей из-за неопределенности скатываются к беспринципности. Над их поступками не маячит “тень будущего”, позволяющая осознать, что все, что они говорят делают или чувствуют сегодня, скажется на их долгосрочных отношениях» [15, с. 7, 29]. Иными словами, это аморфная группа с очень пестрым составом, едва ли не главными объединительными

¹ Термин «прекариат» происходит от соединения двух слов precarious (англ., ненадежный) и пролетариат.

² В период с 1975 по 2006 г. Г. Стэндинг работал в МОТ, с 1999 по 2006 г. возглавлял Программу социально-экономической безопасности МОТ (<https://www.guystanding.com/career>).

признаками которой являются «осознание общей незащищенности», положение социальной и трудовой ненадежности, уязвимости и неустойчивости, отсутствие гарантий и стабильности, связанных с работой [15, с. 12, 25, 28–29]. Стэндинг считает прекариат «появившейся на мировой арене новой группой людей, классом, который пока еще находится в процессе становления» [15, с. 6].

Скептически взглянувшие на его труд Р. Джонна и Дж. Фостер отказывают феномену прекариата в новизне и прослеживают его генеалогию от концепции «промышленной резервной армии» К. Маркса и Ф. Энгельса, которые включали в нее в том числе и домашних слуг [42]. Другой исследователь Рональдо Мунк критикует Стэндинга за употребление по отношению к этой группе людей термина «опасный класс», видя в этом проявление европоцентризма и старого страха европейцев времен викторианской Англии перед городской беднотой или люмпен-пролетариатом [49]. Он ставит вопрос, насколько релевантен термин по отношению к миллионам рабочих и городских бедняков на глобальном Юге, где «ненадежность» (*precariousness*) была нормой. «В перспективе Юга труд там всегда был precarious, и этот базовый факт развенчивает представление о том, что что-то новое было открыто. Генеалогия концепции прекариата указывает на ее южное происхождение, но это никогда по-настоящему не признается» [49, с. 752]. Дальнейшая критика Мунка касается неясности роли прекариата в конструировании социального: «Ничего из сказанного [Стэндингом. – С.С.] о прекариате не определяет его новую роль с точки зрения производственных отношений современного капитализма, и у нас нет никакого понимания того, какое он может иметь фундаментальное значение для воспроизводства социальной системы в целом. То, что мы видим, – это довольно импрессионистический и преждевременный набор идентификаций и обобщений, ведущих к общей концепции, которая в лучшем случае описывает определенный этап постфордистской истории рабочего класса Европы» [49].

Таким образом, проблема прекариата зачастую сводится к моральной повестке, в рамках которой его представители оказываются на положении «жертв» и «страдальцев» [15, с. 6]. Тем не менее, в отличие от исследований о труде времен «классовой борьбы» такая оптика позволяет, по крайней мере, захватить в зону внимания слуг в качестве профессиональной группы, однако

мало что добавляет к понимаю сущности их труда. Домашние слуги вливаются в общий поток прочих пораженных в правах и нуждающихся в социальной защите категорий трудящихся и остаются группой без четких границ. В книге Рене Офренео «Азия и Тихоокеанский регион: продвижение достойного труда в условиях углубляющегося неравенства» при перечислении наиболее распространенных злоупотреблений, лишений и трудностей, которые испытывают азиатские женщины, занятые в теневом (informal) секторе экономики, домашний труд упоминается наряду с сельскохозяйственным, фабричным, уличным (торговля) и т.д.: «Домашняя работа, являющаяся огромным резервуаром для неформальных работников, порождает множество злоупотреблений (сексуальных, физических и т.д.) и юридических проблем (например, отсутствие трудовых договоров, нарушение трудовых норм и т.д.), а работа типичной домашней прислуги часто недооценивается и плохо регулируется» [50, с. 35]. Но и в специально посвященных современным слугам исследованиях оптика остается примерно той же. Например, С. Сен и Н. Сенгупта в книге «Домашние дни: женщины, работа и политика в современной Колкате» предлагают концепцию «прагматичной близости» для описания отношений между хозяевами и служанками. Последние взамен зарплаты предоставляют не только услуги, но и чувство доверия и безопасности. Такая стратегия позволяет им минимизировать конфликты с нанимателями, обеспечивать собственную безопасность и достигать определенного уровня достоинства и человечности в работе, которая в противном случае считается черной и унижительной [57, с. 177]. Иными словами, работы о современных слугах встраиваются в парадигму обретения достоинства.

Именно поэтому прекариатные исследования содержат помимо чисто научной составляющей, запрос на принятие конкретных решений, адресованный общественным и политическим институтам, ответственным за формирование социальной политики. Автор рецензии на книгу Сен и Сенгупты так и считывает послание, заложенное в книге: «Информация, содержащаяся в книге, может оказаться большим подспорьем для политиков при разработке мер по обеспечению благосостояния работающих женщин, а также для активистов, которые могут сыграть более позитивную

роль в объединении работающих женщин для борьбы за свои права» [52, с. 181].

Деятельность МОТ является такого рода ответом на исследования, которые актуализируют прекарный труд через расположенные на разных полюсах понятия унижения и достоинства. В основе программных документов МОТ лежит утопическая, по мнению Мунка [49, с. 757], идея достойного труда (decent work), который определяется как работа в условиях свободы, равенства, безопасности и уважения. Именно эта формула содержится в названии доклада МОТ 2021 г. о домашних слугах. Но и в ней Мунк обнаруживает изъян, опять-таки расширяя перспективу и глядя на проблему со стороны глобального Юга: «“Достойный труд”, я бы сказал, не невинный термин, если рассматривать его с южной или постколониальной точки зрения. Во всем колониальном мире подчиненные классы боролись против навязывания колонизаторами наемного труда. Не было ничего освобождающего в том, чтобы оторваться от традиционных общинных способов производства и стать “наемным рабом” (waged slave). ... Действительно, вся история модернизации строилась вокруг цивилизующего влияния капитализма и того, как наемный труд мог укротить непокорные массы. В колониальном представлении работа и порядочность / благопристойность (decency) были близнецами, и именно поэтому программа достойного труда может рассматриваться вовсе не как несущая свободу с точки зрения Юга» [49].

Постколониальные, гендерные и субалтерные исследования

В качестве угнетаемой, находящейся в подчиненном положении группы слуги появились в фокусе постколониальной теории и связанных с ней гендерных штудий и исследований субалтернов. Эти подходы успешно работают в зонах культурных контактов / столкновений, создавая бинарные оппозиции по принципу свой↔чужой, свой↔другой, или, наоборот, размывая между ними границы до состояния гибридности. Для этих историографических традиций значимы иные (помимо труда) категории, через которые объективируются отношения между хозяевами и слугами – гендер, раса, каста, этнорелигиозная или иная социальная принадлежность. В пространстве Южной Азии, имевшей длительный период

колониальной зависимости от европейских держав, эти подходы весьма актуальны, да и возникли они на фоне краха в XX в. колониализма.

Однако выбор той или иной теоретической основы исследования, равно как и ее рождение / появление часто диктуется не только особым историческим опытом исследуемой географической территории, но и наличием фактологического материала, который применительно к теме субалтернов (в самом широком понимании этого слова) и в частности слуг, плохо видимой и слышимой в исторической ретроспективе социальной страты, предсказуемо скуден. В ранние исторические периоды субалтерны представляют собой по-настоящему «молчаливые» группы общества. Об их существовании мы узнаем из текстов, создаваемых представителями «своих» (белыми, европейцами, мужчинами, реже женщинами, хозяевами, политической, экономической, религиозной и т.п. элитой), для которых находящиеся в их подчинении «чужие» / «другие» были условиями и обстоятельствами их жизни. При этом в таких описаниях «другие» зачастую оказывались выведенными за границы нормы или привычного, нередко обладали негативными характеристиками или чертами ущербности. Собственно скептицизм в отношении ориенталистского или искусственно сконструированного в подобных текстах образа Востока и его жителей, потребность в их новом прочтении и вызвали к жизни указанные подходы, для которых субалтерны стали «заметными» и привлекательными объектами исследования.

Например, в Британской Индии отношения европейских колонизаторов с домашними работниками из местного населения, которые становились для них представителями «других», обеспечивали контакты с чуждым миром, являлись источниками информации о нем, оказались довольно детально зафиксированы в колониальных нарративах¹. Но эти тексты относятся к «хозяйскому» корпусу источников, где челядь представлена глазами тех, кому она прислуживала, и уже это встраивает ее в бинарную конструк-

¹ Абир Мукерджи в своем последнем детективном романе «Неизбежное зло», воспроизводя исторический контекст колониальной Индии в 1920 г., добавляет деталь: «При желании белый человек может прожить в Калькутте в роскошной изоляции, вообще не сталкиваясь с представителями местного населения, за исключением своей прислуги» [6, с. 87].

цию «хозяин↔слуга»¹. Тем не менее в письмах, дневниках, травелогах британцев слуги, оставаясь порой безымянными, были участниками реальных бытовых сцен, действовали в конкретных обстоятельствах повседневной рутины хозяйственной деятельности. Включенность в уникальные жизненные ситуации индивидуализировала их и отличала от безликой массы местного населения, которое в рамках тех же исследований труда или шире – марксистской традиции рассматривалось главным образом как объект экономической эксплуатации и непосильного налогообложения со стороны колонизаторов. Постколониальная же теория пыталась рассматривать слуг как представителей другой культуры, а эпизоды с ними служили иллюстрациями или материалом для анализа кросс-культурных связей в имперском контексте.

В этом ключе выполнены работы Н. Чаудхури, которая одной из первых обратилась к теме европейских женщин и домашнего быта в колонии. В двух статьях 1988 г. она показала, как тексты, создававшиеся английскими женщинами, в основном контактировавшими с туземными слугами, способствовали негативизации образа индийцев и Индии в целом в глазах читающей публики в Британии, а сами мемсахибы таким образом активно участвовали в процессе расового и культурного дистанцирования [22; 23].

Более позднее исследование Дж. Гроссман построено на анализе дидактических произведений Мэри Шервуд (1775–1851), уже названия которых содержат не только указания на конкретные категории прислуги, но и то самое противопоставление своих и чужих: «Леди и ее айя»², «Индийская история», «История маленькой Люси и ее дайи»³, «История маленького Генри и его носильщика» [59; 60; 61]. Эти рассказы с завидной регулярностью используются

¹ Об этой же трудности пишут и редакторы книги «Прошлое слуг»: «Некоторым читателям намеренное использование слова “они” для обозначения слуг может показаться грубым, предполагающим попытку отделить слуг в бинарной системе “мы и они”, а затем присвоить “себе” привилегию писать о “них”. Конечно, это не является ни намерением, ни, будем надеяться, следствием нашего использования. Скорее, это просто указывает на некоторые методологические трудности...» [65, с. 3].

² Айя (āyā) – в колониальной Индии – служанка при госпоже или няня при ребенке.

³ Дайя (dāyā) – в колониальной Индии кормилица.

исследователями в качестве источников при изучении колониального домашнего быта в Индии. Гроссман на их основе анализирует прозелитскую деятельность англичанок, в том числе среди домашних слуг, и обращает внимание на тот факт, что вопреки расхожему и упрощенному образу индусов в качестве развращенных и примитивных язычников, создававшихся представителями евангелической церкви, в текстах Шервуд *айи* и *дайи*, ухаживавшие за английскими детьми, обнаруживали весьма привлекательные человеческие качества. Тем сложнее было англичанам демонстрировать моральное превосходство, основанное на христианской вере [36].

Результат усилий представителей указанных полей состоит не только в обретении субъектности домашними работниками, оставшимися в историческом прошлом, но и превращении их в современном мире из описываемой и молчаливой группы в слышимую, хотя она все еще нуждается в проводниках и усилителях их голосов в лице антропологов, журналистов, писателей.

Например, в получившем большую читательскую популярность романе Кэтрин Стокетт «Прислуга», действие которого происходит на американском Юге в начале 1960-х годов, основной конфликт разворачивается между белыми хозяевами и черными слугами, которые находятся в более ущемленном положении по сравнению со слугами идентичного с нанимателями цвета, что выводит на первый план не только проблемы домашних работников, но и неурегулированные расовые проблемы в целом, в данном случае усугубляемые ситуацией домашнего труда [72]. В этом произведении, написанном белой американкой, зафиксировавшей свой опыт жизни в штате Миссисипи, «голосом» афро-американских слуг становится белая женщина-журналист, которая озвучивает их истории, проблемы и страхи. При этом ей стоит больших усилий добиться того, чтобы они начали ей доверять и заговорили. Также и упомянутые выше Сен и СENGупта оговаривают, что исследуют «отношения между трудом и домашним хозяйством как специфический опыт гендерного и классового взаимодействия, (про-) переживаемого домашними работниками [57, с. 2]. Проводя свое исследование уже в XXI в., они во многом пожинают плоды усилий своих предшественников и предлагают анализ, сделанный на основе многочисленных, относительно легко проведенных интервью женщин-домработниц из двух кварталов южной Колкаты.

Наконец, у нас есть пример описания собственного негативного опыта работы няней в качестве студенческой подработки в домах богатых американцев, изложенного опять-таки в художественной форме Эммой Маклохлин и Николь Краус в романе «Дневники няни» [3].

Однако и с использованием научного инструментария, предлагаемого постколониальными, субалтерными и гендерными исследованиями, слуги оказываются в похожем положении, что и в прекариатных, т.е. ущемленных, угнетенных и, главное, по-прежнему размытых в массе, но генерализованных уже по другим, не столько экономическим, сколько социальным или культурным (насколько их все можно разделить) признакам. В силу того, что эти подходы возникли как рефлексия элит (в широком понимании, но прежде всего западноевропейских) по поводу собственного разнохарактерного опыта доминирования, подавления и подчинения «молчаливых» групп общества, как попытка отказаться от европо- и элитоцентричного вектора, зачастую их оптика предполагает вовлечение в процесс анализа морально-эмоционального компонента от фиксации внимания на униженности и переживаемой сейчас или в прошлом субалтерными несправедливости, призывов общества к эмпатии и ответственности по отношению к ним до демонстраций обид одними и ответными акциями компенсаторных «покаяний» других. В этой части указанные теории проявляют свой прикладной характер, предлагая образ будущего, в котором усилиями интеллектуальных прослоек, государственных институтов и правозащитных организаций будут преодолены институциональные дефекты, социальный остракизм и устойчивые дискриминирующие стереотипы, бытующие в обществе.

Небинарные подходы: гуманитарные повороты

Мобильный, специальный, эмоциональный, материальный, коммуникативный и др. повороты

Постколониальные исследования, основанные на критике ориентализма, деконструкции искаженных репрезентаций, оперировали понятиями (раса, гендер, класс, цивилизационно-культурные различия), изначально содержащими потенциал конфликтности, дуализма, иерархичности, неравенства. Частично преодолеть

господство бинарных оппозиций в качестве основы критического анализа позволяют вышедшие в последние десятилетия на передний план новейшие тенденции в гуманитарных, общественных и естественных науках, сформированные теоретико-методологическими «поворотами». Последние исследуют универсальные потенции всех людей, независимо от их социальной, гендерной, расовой, этнической, конфессиональной принадлежности, а именно их способности к визуализации / созерцанию, движению, проприоцепции и соотносению себя с пространством, коммуникации с обществом и его отдельными элементами, эмоциональным реакциям, взаимодействию с материальным миром. Эти «способности» людей и задают исследовательский ракурс «поворотов», предлагая в качестве аналитических единиц относительно нейтрально-универсальные категории – мобильность, пространство, аффект, визуальность, материальность и т.п. Будучи не столь эмоционально и идеологически нагруженными, они подталкивают исследователей обнаруживать, как через призму фундаментальных компонентов бытия человека высвечиваются / актуализируется изучаемые проблемы и объекты, в данном случае профессиональная деятельность людей, в частности слуг. В таком ракурсе последние скорее объединяются/сливаются с представителями других профессиональных сообществ, а также со своими «хозяевами» по нейтральным, не дискредитирующим их признакам. Такая оптика дает хорошие результаты в поиске неожиданных сюжетов и ракурсов обзора проблемы.

Так, совмещение мобильного поворота и гендерной истории позволило высветить уникальную группу путешествующих колониальных нянь – ай (travelling ayahs), которые курсировали на кораблях между Индией и Британией, обслуживали английские семьи в пути и иногда надолго задерживались в метрополии. Этот сюжет лишь недавно оказался в поле зрения историков и сразу породил целый пласт исследовательских текстов¹, просветительский проект, осуществляемый краеведческим музеем в лондонском районе Хакни [18], где находился «Дом ай», дававший приют служанкам, не сумевшим сразу или вообще уехать обратно в Индию, и даже дал толчок изучению более масштабного феномена «жен-

¹ См., напр.: [55; 67; 68; 69; 78].

ской морской истории»¹. Кроме того, в последние несколько лет реализуется большой проект «Айи и амы²: транскOLONиальные слуги в Австралии и Британии, 1780–1945» усилиями ученых из Австралии и США под руководством Виктории Хаскинс (университет Ньюкасла, Австралия)³. Его участники проделали грандиозную работу по поиску и анализу архивных материалов, что вылилось в целый ряд публикаций⁴, интервью и уникальную онлайн выставку с многочисленными изображениями колониальных слуганок⁵.

Путешествующая *айя* предстает в разных ипостасях – от жертвы колониальной системы, отвергнутой своими нанимателями и оставшейся без средств существования, до ключевой фигуры, осуществлявшей связь между различными частями империи, обладавшей специфическим опытом и знаниями, которые позволяли ей диктовать правила хозяевам.

Сьюзан Конвей, которая также сфокусировалась на жизненных перипетиях нянь, оказавшихся в Британии, построила исследование на сравнении их реальных судеб и их образов, зафиксированных на многочисленных живописных полотнах, где они изображены в кругу английских семей. В статье «Айя, няня для англо-индийских детей» она рассматривает визуальные свидетельства эпохи не как произведения искусства, а социальные конструкты, призванные создавать правильные образы и представления о Британской Индии. Выставленные на обозрение полотна были призваны не только увековечить память о конкретных людях, но и утвердить определенную идеологию, систему ценностей, кодекс поведения, полезные и приемлемые для имперского общества [24].

В визуальную историю колониальных нянь вписывается и сюжет с приобретением в 2020 г. Музеем изобразительных искусств Метрополитен (Нью-Йорк, США) портрета кисти Уильяма Вуда с надписью «Джоана де Сильва, уроженка Бенгалии, верная и ласковая кормилица детей подполковника Чарлза Диэра», напи-

¹ www.jostanley.biz.

² *Ама* (*amā*) – в колониальной Индии то же, что и *дайя*, кормилица.

³ См. сайт проекта: <https://ayahsandamahs.com/>.

⁴ См., например: [20; 38; 45; 46].

⁵ Каталог выставки см.: https://ayahsandamahs.com/wp-content/uploads/2023/12/966cbf_e8f671ce232943ed9b7ccda842c343d5.pdf.

санного в 1792 г. Куратор картины Адам Икер в статье «“Стертый маршрут”: Джоанна де Сильва Уильяма Вуда» по архивным документам скрупулезно восстанавливает детали жизни няни, оказавшейся в итоге вместе со своими нанимателями в Лондоне, семьи, в которой она работала, и художника, по заказу этой семьи написавшего портрет. Столкнувшись с работой в архивах, Икер обращает внимание не только на то, как та или иная информация представлена в колониальных текстах, но и на, казалось бы, технический момент, а именно на степень их доступности. Со ссылкой на Г. Спивак и С. Хартман он пишет: «Конечно, одно из основополагающих предположений постколониальных исследований состоит в том, что имперские архивы, подобные тем, на которые я здесь опирался, построены на стирании подчиненных, и особенно женщины-субалтерна как обладающего голосом субъекта¹. Сопротивляясь такому пессимизму, другие ученые предпринимали попытки поиска, спасения или смелых спекуляций в архивах, “прислушиваясь к невысказанному, переводя неверно истолкованные слова и заново конструируя изуродованные жизни”². В этой статье я предпринял попытку собственной, хотя и осторожной, реконструкции “стертого маршрута” Джоанны де Сильвы. Работая во времена растущего национализма, пандемий и закрытых границ³, я неоднократно убеждался, что архивы остаются физическим пространством, к которому зачастую трудно получить доступ. Вопрос о том, какие архивы преодолевают эти ограничения посредством оцифровки, напрямую связан с вопросом о том, чья история ценится. Неслучайно ежемесячная подписка обеспечивает доступ любому, у кого есть подключение к Интернету, к описи завещаний подполковника Чарльза Рассела Диэра, в то время как архивы католической общины Калькутты на данный момент остаются недоступными» [32, с. 18]. Последнее было важно для Икера, так как Джоанна была калькуттской католичкой индо-португальского происхождения.

Обращаясь к визуальной стороне истории Джоанны, Икер не только вписывает портрет в изобразительные образы далеких ко-

¹ Цит. по: [66].

² Цит. по: [37].

³ Период работы над статьей 2020–2023 гг.

лониальных окраин второй половины XVIII в., но и обращает внимание на современную развеску картин и то, в каком окружении индийская няня оказалась на стенах галереи. Из интересных наблюдений – это соседство портрета с работой Томаса Лоуренса (1823), изображающей Эмили и Лору Калмади, двух розовощеких девочек трех и пяти лет с ямочками на пухлых руках и ногах, воплощающих «совершенный образ раскрепощенного и очаровательного детства, который оставляет за пределами поля зрения весь аппарат и труд по воспитанию детей. Висящая же рядом с этой картиной картина Уильяма Вуда “Джоанна де Сильва” делает домашний труд видимым» [32, с. 18–19]. Кроме того, Икер отмечает, что на полотнах Джоанна единственный темнокожий персонаж в окружении белых европейцев и предлагает воспринимать собравшееся галерейное общество как слепок лондонской публики конца XVIII в., среди которой начали всё чаще мелькать цветные лица» [32, с. 19].

Специальный «домашний» поворот для слуг

При упомянутом дефиците информации о «молчащих» субалтернах большое значение имеет простое накопление фактического материала, тщательное просеивание давно введенных в оборот источников (письма, мемуары, дневники, травелоги, руководства по домохозяйству, медицинские справочники, носители визуальной информации) на предмет поиска необходимой информации и освоение менее задействованных источников, каковыми в данном случае являются, например, материалы судебных дел, в которых слуги выступали свидетелями или обвиняемыми¹, или бухгалтерские книги, фиксировавшие хозяйственную деятельность домовладений. Исследователи выводят слуг из маргинализированного состояния путем индивидуализации их жизней, наделения именами, биографиями, судьбами, голосами, вспахивая попутно ниву микроистории².

Эту задачу как одну из главных видели перед собой инициаторы упомянутого выше проекта и одноименного двухтомного из-

¹ См., например: [47].

² См., напр.: [8; 10; 11; 12; 13; 14].

дания «Прошлое слуг»¹ Нитин Синха (Центр изучения современного Востока им. Лейбница, г. Берлин) и Нитин Варма (Международный исследовательский центр «Работа и жизненный цикл человека в глобальной истории», г. Берлин). В одном из текстов Варма объясняет: «Мой анализ имеет отношение к более широкой историографической традиции, цель которой реконструировать жизненные истории, биографии и связи субалтернов за рамками абстрактных и структуралистских институтов, таких как рабство, принудительный труд и домашнее прислуживание» [77, с. 75]. Собранные по крупицам сведения дают возможность переводить исторический анализ на микроуровень. Он солидаризируется с Франческой Триваллето в том, что в отличие от глобальной истории (или макроистории), которая пишется в основном на вторичных источниках, микроистория позволяет направить взгляд историков на плотную текстуру повседневной жизни, социальных отношений, человеческого посредничества, при этом не упуская из вида «большие вопросы» истории [77, с. 76]². Последнее же становится возможным, если рассматривать восстановленные судьбы не как уникальные, единственные в своем роде, а, напротив, типичные, которые служат «аллегориями более крупных феноменов, влияющих на культуру в целом» [77, с. 76–77]³.

В методологическом плане авторы проекта не отказываются от традиции исследований труда, но предлагают обогатить их новым сегментом знаний, чтобы преодолеть ограниченность изначального подхода. Поэтому в качестве аналитической единицы они предлагают взять не труд, не субалтернов (как маргинализированных групп общества), не других (в качестве антитезы будь то хозяевам, колонизаторам, представителям производительного труда и т.п.), а самих слуг, для определения которых ключевыми являются понятия «обслуживание» как особая форма труда (*menial*) и «домохозяйство» (*domus*) как место его приложения.

Участники проекта, поставив домашних слуг и домашнее хозяйство в центр своих штудий, предложили объединить их в

¹ Первый том охватывает период с XVI по XVIII в., т.е. эпоху Могольской империи, второй том – период с конца XVIII в. до конца XX в., т.е. колониальное и постколониальное время.

² Варма ссылается на: [76, с. 1–26].

³ Здесь Варма цитирует: [44].

рамках еще одного поворота – «домашнего», «domestic turn», который еще не имеет благозвучного русскоязычного аналога. Своеобразным «манифестом» нового подхода можно считать следующий текст: «Оба тома и особенно вводные части к ним призваны инициировать и консолидировать “domestic turn” в социальной истории Южной Азии. Это ни в коей мере не означает площадки, существующей за пределами истории, напротив, это пространство – домашнее (domestic) – создается путем детального исследования и обнаружения его взаимосвязей с законами, обычаями, практиками, которые регулируют сферу публичного. Следующая за этим новация проекта состоит в попытке локализовать и проанализировать формы социальных отношений, инкапсулированных в “домашнем микрокосме”, для которого связка хозяин-слуга является ключевой, а временами и фундаментальной. И, наконец, самое важное заключается в том, чтобы написать такую социальную историю домашних слуг, в которой “социальное” простирается от институционального и структурного до будничного и дискурсивного. Размещение слуг в качестве центрального объекта анализа в индийском социальном контексте ставит вопрос, схожий с тем, что в свое время определил историографический сдвиг в исследованиях атлантического рабства: является ли южноазиатское общество обществом слуг или обслуживающим обществом?» [64, с. 2].

«Домашний» поворот в том понимании, которое вкладывают в него авторы двухтомника, еще не прижился, потому что нередко можно встретить употребление этого словосочетания в совершенно иных смыслах¹. Однако сама идея рассматривать именно домашний труд и домашних работников как ключевой фактор для понимания ряда исторических и современных процессов находит отклик у исследователей. Слуги в таком случае становятся не одной из многочисленных групп субалтернов (в терминологии Моника Краузе одной из «модельных групп») [43], захватываемые сетями обсуждавшихся выше методологий, а единственной, через призму которой осмысливаются прочие проблемы, что может быть продуктивным для определения ее особенности.

Еще раз обратимся к Виктории Хаскинс, которая в коллаборации с разными исследователями работает именно с проблемати-

¹ См., напр.: <https://worldpeacefoundation.org/blog/a-domestic-turn-introduction/>

кой слуг. Предваряя специальный блок статей, посвященных проблемам государственного регулирования домашнего труда в колониальных обществах, Хаскинс и Самита Сен пишут о том, что в контексте практик имперского управления (governmentality) слуги, находясь на линиях раздела, прежде всего межрасового, выступают как крайне идеологизированная категория, вовлеченная в производство форм властвования и иерархических различий [39, с. 2]. Со ссылкой на Эн Столер [73] она пишет, что «слуги были подчиненными стражами гендерных, классовых и расовых различий, которые то и дело переступали границу самим фактом своего присутствия» [39, с. 5]. В современном мире глобальная экономика домашнего труда, характеризующаяся огромными потоками трудовых мигрантов, обладает явными чертами неокOLONиализма, поэтому, по ее мнению, очень важно историзировать домашний труд через понятия расы, рабства и колониализма. И в предлагаемых вслед за ее введением трёх статьях о юридическом оформлении взаимоотношений между государством, нанимателями и слугами «раса является системообразующим компонентом..., так как именно она, нет сомнения, главная категория колониального капитализма, а его система управления сильно зависит от контроля за домашней жизнью»¹.

В качестве еще одного примера возьмем работу Р. Рай и С. Кайюм «Культуры зависимости: современность, домашняя жизнь и класс в Индии». Поставив слуг в центр исследования, они рассматривают их не как профессиональную группу, а как институт, лежащий в основе существования индийских средних и высших страт общества, полагая, что такая оптика продуктивна для выявления процессов и механизмов формирования и переформирования классов. Дом для авторов – это место, где классовые, гендерные, кастовые / расовые отношения производятся и воспроизводятся через особые трудовые практики, реализуемые в интимном пространстве. Слуги, таким образом, являются не объектами, а субъектами этих отношений и наравне с хозяевами сами их продуцируют. «Домашнее услужение сбивает с толку и усложняет концептуальное разделение между семьей и работой, обычаем и контрактом, привязанностью и долгом, домом и миром имен-

¹ См.: [63; 45; 56].

но потому, что иерархическая организация и эмоциональные регистры дома и семьи должны сосуществовать с аналогичными регистрами на рабочем месте и в рамках контракта в капиталистическом мире. Эта непростая среда обитания чисто аналитически поощряет существование домашнего рабства. Поскольку оно охватывает гендерные, кастовые / расовые, классовые, властные различия в пространстве дома и реализуется через них, мы должны рассмотреть, как эти различия и сопутствующие им эмоциональные валентности диалектически порождают и воспроизводят отношения рабства» [54]. Этот сложный клубок взаимодействий Рай и Кайюм определяют как «культуру зависимости», в рамках которой наниматели и челядь формируются как индивидуальности и классы и которая определяет их повседневное существование.

«Домашний» поворот поставил в центр внимания не только слуг, но и дом в качестве их «признанного» места работы и специфической зоны выстраивания и воспроизводства социальных связей. Тем не менее слуги и домохозяйство, ставшие в этой оптике ключевыми категориями, по-прежнему рассматриваются через понятия власти или гегемонии, производными от которых являются отношения доминирования, зависимости, неравенства. Из жертв таких отношений они могут превращаться в элемент, участвующий в их продуцировании, и осуществлять эту «созидательную» функцию наряду с хозяевами¹, но в целом этот подход во многом остается в русле все того же набора аналитических понятий.

Отсутствие жестких терминологических границ делает распределение вышеприведенных историографических работ по тем или иным методологическим разделам весьма условным, потому что авторы, как правило, работают на стыке разных теорий.

Исследования в области поддержания и починки / ремонта (Maintenance and Repair Studies)

В попытках проблематизировать слуг большинство вышеописанных подходов воспринимают, описывают и анализируют эту группу, встраивая ее в иерархическую структуру, осмысливая через практики господства и подчинения, осуществляемые в про-

¹ См., напр.: [21].

странстве дома. Однако такой ракурс и предлагаемый ими инструментарий затрудняют понимание феномена слуг как отдельной профессиональной группы, за исключением того, что она действует на территории домохозяйства, не отвечает на вопрос о квалификациях профессионального слуги (не повара, уборщика или няни, а именно слуги как понятия-гиперонима), не помогают концептуализировать домашний труд и его агентов (слуг), а также оставляют за пределами системного анализа целый ряд сюжетов и источников, которые плохо открываются ключами этих теорий и методологий. Альтернативный подход может быть найден, если перенести внимание с социальной подчиненности или уязвимости слуг на их *функциональность* или *полезность*, на круг их обязанностей и сущностное содержание их труда.

Название упомянутого выше романа Стокетт «Прислуга» в оригинале называется «The Help» – помощь. Проследивая этимологию слова «слуга», лингвисты обнаруживают в ряде наречий схожие слова в значении «помощь, помогать». Некоторые дефиниции слов «слуги», «прислуга», «служанка» в словарях передают идею вспомогательного, нацеленного на решение «неосновных» задач труда, в процессе которого эти люди выполняют работу по дому и высвобождают хозяйское время и силы для других, условно «основных» занятий. Одно из первых исследований, посвященное вспомогательному труду и слугам особого рода, появилось в 1989 г. В статье «Невидимый технический персонал» Стивен Шейпин предлагал читателям войти в лондонскую лабораторию в 1675 г., где ставил свои эксперименты химик, физик и натурфилософ Роберт Бойль (1627–1691). В попытке прояснить, кто, как и в каком количестве конкретно проводил опыты, автор обнаружил в лаборатории помимо Бойля еще множество людей: одни из дня в день следили за повторяющимися экспериментами и делали записи, другие занимались перегонкой, смешиванием, очищением, третьи изготавливали или подготавливали инструменты и приборы. У каждого была своя функция и в соответствии с ней их называли личными секретарями (*amanuenses*), лаборантами, операторами, ремесленниками, ассистентами, а в целом эта масса технического персонала именовалась слугами (*servants*) [58, с. 554]. На этом примере Шейпин попытался понять, какие затраты человеческих усилий и времени требовались для совершения открытий и «про-

изводства научного знания» [58, с. 562]. Обратив внимание на невидимую армию помощников¹, а также на каждодневную рутину исследовательской работы, Шейпин проложил дорогу тому направлению научной мысли, которое уже в XXI в. оформилось как исследования в области поддержания и починки (Maintenance and Repair Studies, MRS). Они возникли на периферии или как ответвление исследований науки и технологий (Science and Technology Studies, STS) и в итоге образовали отдельное исследовательское поле.

В то время как STS, обратившиеся к технической стороне социальной жизни, имеют дело с новациями и прорывными технологиями, например, с изобретениями того же Бойля (innovation studies), и фокусируются на моментах их внедрения, то MRS, напротив, переносят внимание на анализ рутинных процессов обслуживания механизмов, технологий, институтов, поддержания их в рабочем состоянии и утверждают, что материальный порядок в самом общем понимании требует постоянного надзора и попечения в виде повторяемости действий, обеспечивающих функционирование инфраструктур и вещей или их восстановление. Подобно тому, как в рамках мобильного поворота внимание сместилось с начальной и конечной точек движения (т.е. с событий в пресловутых пунктах «А» и «Б») на то, что происходило на дистанции между ними, в дороге, в случае с MRS в фокусе не одномоментные научные изобретения и революции, а то, как социум существует между ними и вместе с ними, а также, чем они обеспечиваются и кем и как подготавливаются, прежде чем «случиться».

К настоящему моменту в рамках MRS создан уже большой пласт литературы [19; 25; 28; 29; 30; 35; 40; 41; 51; 62]. Ниже будет разобран один из наиболее репрезентативных текстов, чтобы выделить опорные понятия и категории, многие из которых синонимичны, вторят друг другу, оттеняют друг друга, а вместе составляют терминологический костяк этой традиции, которая фокусируется главным образом на материальном измерении общества и людей в качестве агентов материальных процессов.

¹ То, насколько их труд и они сами были не замечаемы, Шейпин иллюстрирует двумя изображениями XVII в., на которых помощниками ученого в алхимической лаборатории выступают ангелочки и херувимы [58, с. 556–557].

В статье Джерома Дениса и Давида Понтия «Материальное упорядочивание и забота о вещах» речь идет о процессе разработки и установки навигационных знаков (дорожных указателей) для пешеходов и водителей в Париже в последнем десятилетии XX в. Эти материальные объекты авторы рассматривают в двух проекциях: стандартизированность и хрупкость. Авторы начинают с того, что до этого в Париже для разных транспортных систем (автобусных, трамвайных, метро) существовали разные знаки по дизайну: цвету, размеру, шрифту и т.д. То есть они, как говорят авторы, характеризовались гетерогенностью. Новая система, за разработку которой принялись дизайнеры в 1990-х годах, должна была создать единообразный стиль указателей, заставить их говорить с путниками на едином языке, противопоставляя гетерогенности гомогенность (homogeneity) пространственной организации, а сами эти знаки должны были размещаться повсеместно, чтобы не дать людям заблудиться в городе. Они сравнивали систему знаков с нитью Ариадны. Стиль знаков был закреплён в единой инструкции (раньше их было множество) и нормализован. И с помощью этого дизайнеры обеспечили вразумительность (intelligibility) и удобство (efficiency) среды обитания путников, т.е. разработчики с помощью процедуры стандартизации или унификации наделили указатели характеристиками согласованности (consistency) и постоянства (fixity), сделав их средством материального упорядочивания. А знаки стали так называемыми артефактами упорядочивания (ordering devices). Занимавшийся системой обозначений в аргентинском метро Урета назвал их «властными, дисциплинирующими приспособлениями, которые упорядочивают пространства посредством частичного контроля за телами пользователей» (Цит. по: [30, с. 339]¹).

Строго говоря, внедрение унифицированных указателей можно считать новацией в организации знаковой системы городской мобильности. Однако цель ее состояла в том, чтобы путешествие из пункта А в пункт Б перестало быть приключением или квестом, занимающими силы, мысли, энергию и внимание. Примечательно, что структура, которая разрабатывала дизайн, называлась департаментом концепции и нормализации [30, с. 342]. Не-

¹ Также см.: [29].

смотря на интерес теории мобильности к тому, что происходит в пути, задача парижских дизайнеров состояла в удовлетворении базовой потребности горожан в движении, которое само по себе для большинства из них являлось не целью, а средством ее достижения в пространстве. Таким образом, инфраструктура мобильности имела вспомогательный характер и была призвана быть «незаметной» в использовании. Ее мнимая «невидимость», которая в данном случае является синонимом подручности, обеспечивалась единообразием, повторяемостью и узнаваемостью знаков, которыми люди, привыкнув к ним, пользовались как само собой разумеющимися, существующими по умолчанию, не заостряя на них внимания¹.

Организовав систему городской мобильности на основе стандартности, ее необходимо было стабилизировать, придав ей характер неизменности (*immutability*) и повторяемости во времени (она должна работать одинаково и постоянно, *durability*) и в пространстве (она должна работать одинаково и везде). Это та самая жизнь объекта, которая начинается и длится после его рождения / внедрения и которая оставалась за пределами внимания STS. Чтобы он продолжал свое «незаметное», но полноценное существование, его нужно поддерживать в функциональном состоянии и чинить. Поддержание и починка – два столпа, на которых держится идея порядка в MRS. Если обратиться к словарным статьям, дающим определение порядка, то так или иначе они будут содержать идеи привычности, узнаваемости, ожидаемости. «Порядок – гармоничное, ожидаемое, предсказуемое состояние или расположение чего-либо»²; «правильное, отлаженное, организованное состояние»; «определенная последовательность в расположении, размещении, ходе чего-либо» [1, с. 929].

Продолжая сагу об уличных указателях, Понтий и Денис пишут, что они выцветают, плесневеют, падают, кривятся, вандализируются. Тем самым эти объекты демонстрируют свою хруп-

¹ Сьюзан Стар в статье об этнографии инфраструктуры (в прямом смысле слова трубы, дороги, насосы, электролинии) отмечает сложности ее исследования, потому что инфраструктура воспринимается как «черный ящик» – невидимая, существующая по умолчанию, материальная структура [71].

² Определение, предложенное Википедией см: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA>

кость и уязвимость (fragility, или vulnerability), а также становятся не такими, как другие, выбиваются из стандартизированного шаблона и нарушают идею гомогенности и порядок. Стивен Грэм и Найджел Трифт, обращаясь в своем исследовании о беспорядке к Хайдеггеру и развивая введенное им понятие «подручности», отмечают, что в испорченном состоянии материальный объект переходит из состояния «подручности» в состояние «наличности», т.е. становится видимым, отвлекающим на себя внимание, проблемным [35]. MRS исходят из необходимости: 1) признать «увядание» вещей и их ограниченный жизненный цикл (decay and vitality) в качестве их естественного состояния, а не отклонения от нормы или случайного явления; 2) отказаться от идеи материального порядка «как установленного раз и навсегда». В STS порядок, как правило, рождается из беспорядка с большим трудом и за большие деньги, а уход / поддержание позиционируется как действие редкое, из ряда вон выходящее и представляется как одна из форм инновации. А в случае с MRS производство порядка менее дорогостояще, потому что требует действия на «короткой дистанции», или микропроцессов, которые постоянно повторяются и направлены не на трансформацию или модификацию объекта, а на восстановление, на продолжение быть устойчивым, на то, чтобы произвести то же самое вместо испорченного, такое же, чтобы не разрушить устоявшийся, привычный порядок [30, с. 353–359]. И в этом MRS демонстрируют нетривиальный и системный подход к феномену воспроизводительного труда, который в их оптике оказывается исключительно важным.

Идея порядка, как стандартизированной системы незаметности, существующей за счет постоянных усилий по поддержанию и починке, или уходу (care work), предполагает наличие агентов этих усилий, которых Понтий и Денис называют рабочими по техническому обслуживанию (maintenance workers). Последние «не находятся в поле зрения, они часть армии невидимых работников, тех, кто, по выражению Сьюзан Стар, “моет посуду и выносит мусор”¹, тех, кто имеет дело с грязной и неряшливой стороной обыденной жизни.... В парижской подземке пять человек отвечали за уход и починку указателей. День за днем они ремонтировали испорчен-

¹ Здесь цитируется работа Стар [70, с. 3].

ные знаки, очищали их от грязи, убирали вышедшие из употребления и заменяли их на новые, принесенные из мастерской. При этом они занимались не тривиальными побочными вопросами, второстепенными по отношению к тому, чем “на самом деле” являются знаки метро. Скорее, они столкнулись с другой версией знаков метро, резко контрастирующей с предыдущей: эта вторая версия предполагает хрупкость как важную особенность материального мира...» [30, с. 348].

Таким образом, существенно, что в рамках MRS не агенты (технические работники), а обслуживаемые ими объекты являются уязвимыми и нуждающимися в заботе (care).

MRS и слуги

MRS занимаются преимущественно материальным миром и теми, кто его поддерживает в общественных зонах. Но примечательно, что Стар, размышляя вслед за Шейпиным о том, как организована рутина научной деятельности, сравнивала функции вспомогательного персонала лабораторий, научно-исследовательских институтов и т.п. с теми, которые в частных пространствах выполняют слуги (мытьё посуды и вынос мусора). Обслуживаемые ими потребности относятся к системам жизнеобеспечения или инфраструктуре жизни людей и вещей. Для того, чтобы человек жил, дом надежно его защищал, а вещи служили, важны не столько факты рождения первого, постройки второго и производства третьих, сколько обеспечение их постоянного функционирования (например, в виде регулярного приема пищи, сна, отдыха, обеспечения теплом, устранения грязи, ремонта и т.п.). Налаживание бесперебойного поддержания или ухода за людьми или вещами иногда делегируется специальным помощникам – слугам. Под гиперонимом «слуги» скрывается огромное разнообразие профессий, и общим для них являются повторяющиеся действия, подчиненные суточному / недельному / месячному / годовому социально-биологическому жизненному циклу хозяев и связанной с ними материальной среды обитания.

На рынке труда слуги продают свои силы и время не только с тем, чтобы высвободить то же самое для хозяев, перенаправляющих их на другие цели, но, что не менее важно, для того, что-

бы нормализовать, упорядочить и рутинизировать процесс их жизнедеятельности. Герой рассказа Моэма «Сокровище» Ричард Харенгер долго искал идеальную кандидатуру на позицию горничной, и, наконец, остановив свой выбор на Причард, спросил ее: «– Когда вы сможете приступить, если я вас найму? Сейчас у меня нет никого. Кухарка по мере сил управляет со всеми делами, но я хотел бы, чтобы всё как можно скорее *встало на свои места*» [курсив мой. – С.С.] [5, с. 47]. Подобно техническим работникам по отношению к инфраструктурам общественных пространств, слуги придают обслуживанию жизнеобеспечительных систем человека характер стандартных и регулярно повторяющихся практик, которые формируют каркас порядка. Давидовф образно высказалась, что слуги в процессе наведения порядка абсорбировали грязь в свои собственные тела [27, с. 5].

Производство того же самого (или воспроизводство) представляется ключевой характеристикой или сущностным признаком их профессии, который поддается анализу и проблематизации, если применять инструменты MRS. Это не слабое их место (как в оптике марксизма), а профессиональная обязанность. Они не призваны ничего менять, они не двигатели прогресса, а «сберегатели» того, что уже есть. Их задача поддерживать всё в том же состоянии, а при появлении нового и незнакомого превращать его в привычное и рутинное, преобразуя временный хаос и беспорядок, вызванный новацией, в порядок.

Такой подход заставляет по-другому взглянуть на часто отмечаемую в источниках консервативность слуг, которая порой трактуется как следствие их лени, инертности, нежелания переучиваться. Например, Ко Сла, туземный слуга Джона Флори, героя романа Оруэлла «Дни в Бирме», интересуется у своего хозяина, идет ли тот вечером играть в теннис, на что Флори отвечает отрицательно, объясняя это жарой, и просит принести бутылку виски. Ко Сла «бутылку принес, а вместе с ней и ракетку, которую демонстративно прислонил к стене напротив кровати. Теннис в его сознании являлся священным ритуалом белых, и уклонение хозяина от обряда ему не нравилось» [7, с. 65]. А для слуги ритуалом был заведенный распорядок дня и жизни, и сам он выступал его священнослужителем, оберегая от нарушений и неисполнения. То же относилось и к более серьезным сбоям в режиме жизни Флори,

когда тот задумал жениться. Флори впервые за десяток лет очутился в церкви не на похоронах. «Ко Сла, как всякий холостяцкий слуга, воспринял этот респектабельный поход с глубочайшей интуитивной ненавистью. Быть беде! – мрачно вещал он у сараев. – Я всё вижу! Хозяин-то за последнюю неделю совсем другой стал – за день курит всего полпачки, джин перед завтраком не пьет, вечером снова бреется – думает, глупый, я не знаю! – полдюжины новых шелковых рубашек заказал!... Ох чую, худо будет! Еще месяца три от силы, и *прощай мир да лад!*» [курсив мой. – С.С.] [7, с. 142]¹.

Являясь агентами «невидимых» и «ненавязчивых» действий и систем, слуги и сами призваны быть такими. Эффект ожидаемой незамечаемости и неожиданной «наличности» слуги ярко описан в детективном рассказе Честретона «Странные шаги»: «В комнату быстро вошел лакей и вдруг остановился, словно окаменев. Сделал он это совершенно бесшумно, но вялые и благодушные джентльмены привыкли к тому, что невидимая машина, обслуживавшая их и поддерживавшая их существование, работает безукоризненно, и неожиданно остановившийся лакей испугал их, словно фальшивая нота в оркестре. Они чувствовали то же, что почувствовали бы мы с вами, если бы неодушевленный мир проявил непослушание, если бы, например, стул вдруг бросился убежать от нашей руки. ... Тот факт, что с лакеем случилось нечто странное, был для них просто скучной и досадной помехой. Быть грубыми они не хотели, а в то же время страшились проявить хоть какую-то человечность. Они желали одного, чтобы всё это поскорее кончилось» [17, с. 32]. Незаметность слуг, проявляемая в стандартной униформе, тихом говоре или молчаливости, особой походке, пребывании в скрытых зонах в доме и т.п., в рамках MRS может рассматриваться не как признак их ущербности и маргинальности, а важный профессиональный навык, наличие которого от него ожидают и требуют.

Когда Стар и собранный ею коллектив авторов изучали процесс производства знаний, они ставили задачу «понять системные свойства науки и выявить компоненты, которые эту систему образуют». «Это не функционалистский подход, – пишет она, – в сердце которого метафора замкнутой системы. Мы хотим подойти к

¹ В колониальной Индии, как правило, после появления в доме белой женщины, происходила почти полная смена штата слуг.

проблеме науки как набору связанных взаимозависимостей, неотделимых от личных переживаний, общественных вопросов, повестки социальных преобразований, а не как к социальной структуре с одной или несколькими дисфункциональными элементами. ... В нашем экзорцизме, мы просто хотим увидеть ученых и технический персонал такими же обыкновенными, как другие граждане, ни злодеями, ни героями. ... Мы отказываемся от социально-естественных или социально-технических дихотомий и изобретаем системные и диалектические единицы анализа» [70, с. 2–3].

В ситуации со слугами MRS позволяют изменить однопавленную объектно-субъектную зависимость, при которой слуги являются объектами подчинения, подавления, эксплуатации со стороны хозяев или объектами жалости и сострадания со стороны эмпатичного общества, включая академические круги. Перенос характеристик уязвимости и хрупкости со слуг на тех, кто нуждается в заботе и уходе (хозяева и материальный мир их личной жизни), наделяет домашних работников субъектностью и делает их важным компонентом системы, обеспечивающей поддержание социально-биологической ткани жизни, через упорядочивающие практики личного обслуживания. В таком ракурсе путь к обретению достойного места в обществе может лежать не через стремление к социальному, гендерному, расовому, кастовому равноправию, а через признание полезности и функциональной незаменимости этой профессиональной группы в установлении социального порядка как конкретного результата повседневной деятельности по физиологическому и материальному поддержанию и ремонту / починке (в прямом и переносном смысле).

Недостающий элемент: еще несколько слов о дефиниции

Размышляя о ценности тех или иных социальных теорий, Давидовф сетует, что наибольшим престижем пользуются те из них, которые максимально дистанцируются «от крови, пота и слез». Те аспекты жизни, которые считаются «наиболее личными, интимными, слишком близкими к телу, замечаются под ковер». «Не только авторы своих биографий, но и историки, – продолжает она, – прятали воображение и обуздывали свои языки, в результате чего презентуемое ими прошлое часто оказывалось идиллическим,

полностью лишенным запахов, побуждений и тел» [27, с. 2]. Но именно с такой стороной жизни зачастую и имеют дело слуги, вследствие чего тоже (а не только по причине «непроизводительности» труда) они вместе с кровью и слезами исчезали из поля зрения исследователей.

Здесь стоит вновь вернуться к вопросу о том, кто такой слуга. Дефиниции, предложенные МОТ или Н. Синхой и Н. Вармой в рамках «домашнего» поворота, формулируются через понятия (низко-) неквалифицированного труда (*menial*) и дома / домохозяйства (*domus*, *household*). Однако в источниках то и дело обнаруживаются слуги, чьи специальности предполагают высокую квалификацию (личные секретари, гувернеры, дворецкие, шеф-повара), или хозяева, которые порой долго и мучительно ищут таковых (как герой рассказа Мозма). В то же время встречается немало ситуаций, в которых отношения между слугами и хозяевами разворачиваются вне дома или домохозяйства, например, в дороге, в публичных местах или вовсе на рабочем месте последних. Наконец, есть целая категория так называемых парадных или статусных слуг, которых только в общественном пространстве и можно увидеть. Они выполняют ритуальные функции, соответствующим образом организуя и декорируя пространство вокруг хозяина во время публичных мероприятий (такowymi, например, были *чобдары*, держатели посеребренных деревянных жезлов при британских генерал-губернаторах в Индии во время торжественных церемоний). Многие слуги или ситуации так или иначе не вписываются в двухчастную схему: низкая квалификация и домохозяйство.

Ускользающий или недостающий элемент можно попробовать обнаружить, если переключить внимание с деятельности слуг и мест ее осуществления на объекты ее приложения, каковыми являются «хрупкие» и «уязвимые» тела хозяев. Слуги максимально приближены к ним, причем в буквальном смысле слова, физически, имеют дело с интимными сторонами жизни, что является существенной особенностью их труда. В этой ситуации более релевантным и универсальным критерием, маркирующим работника как слугу и объединяющим под этим гиперонимом людей разной специализации и квалификации, может быть обслуживание тел хозяев в непосредственном контакте с ними или опосредованно, в любом месте, где они находятся. Особую значимость при этом

приобретает фактор установления отношений личной зависимости / взаимозависимости, что предъявляет специфические требования к квалификации слуг, в том числе, если не в первую очередь, всё те же молчаливость и незаметность, но уже не только как системный элемент материального порядка, но и в качестве свойств личного характера.

Рабочий вариант определения слуги может звучать так: слуга – это человек, осуществляющий труд, персонифицированно направленный на обеспечение функционирования социальной и биологической жизни другого человека (людей) через организацию и поддержание порядка внутри и вокруг его (их) физического(их) тела (тел) и связанного с ним(и) материального мира, что вкуче создает между слугой и обслуживаемым(и) им человеком (людьми) отношения личной зависимости / взаимозависимости.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2020. – 440 с.
3. Маклохлин Э., Краусс Н. Дневники няни. – Москва: АСТ, 2004. – 350 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1974. – Том 49. – 555 с.
5. Моэм С. По тому же рецепту. – Москва: Захаров, 2003. – 208 с.
6. Мукерджи А. Неизбежное зло. – Москва: Фантом Пресс, 2022. – 416 с.
7. Оруэлл Дж. Дни в Бирме. – Москва: АСТ, 2018. – 352 с.
8. Сидорова С.Е. «Чесотка дхоби»: домашние слуги и гигиена в английских домах колониальной Индии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2020в. – № 4. – С. 116–133.
9. Сидорова С.Е. Женская прислуга в колониальной Индии: теоретико-методологические подходы в историографии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2020. – № 3. – С. 156–172.
10. Сидорова С.Е. Баварчи, кхансаман и кхидматгар: слуги на кухне и в столовой колониального бунгало в Индии // Вестник института востоковедения, РАН. – 2019. – № 3. – С. 142–152.
11. Сидорова С.Е. Колониальное домохозяйство в цифрах, столбцах и строчках финансовых отчетов: счетные книги генерал-губернатора Бенгалии лорда Уэлсли // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная

- литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2021а. – № 4. – С. 71–86.
12. Сидорова С.Е. Мускульная сила и вода: слуги и технологии охлаждения в колониальной Индии // Диалог со временем. – 2021в. – № 76. – С. 358–374.
 13. Сидорова С.Е. Опиум в молоке и брань на языке: недоверие и страх в английских детских колониальной Индии XIX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9, выпуск 9 (73): Конфликты и обманы в обществах эпохи Средневековья и Нового времени / отв. ред. О.И. Тогоева, П.Ю. Уваров. – Без пагинации.
 14. Сидорова С.Е. Тачка вместо тюрбана: индийские луддиты в английском саду // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2021с. – № 1. – С. 149–163.
 15. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – Москва: Ад Маргинем, 2014. – 328 с.
 16. Февр Л. Бои за историю. – Москва: Наука, 1991. – 632 с.
 17. Честертон Г.К. Рассказы. – Москва: Правда, 1989. – 464 с.
 18. Addley E.A. One-way Passage from India: Hackney Museum Explores Fate of Colonial Ayahs. – URL: <https://www.theguardian.com/culture/2020/mar/01/one-way-passage-from-india-hackney-museum-colonial-ayahs-london> (дата обращения: 15.04.2024).
 19. Anwar N.H., Sur M. Keeping in Motion: An Introduction to the Labours of Repair and Maintenance in South Asia // Economic and Political Weekly. – 2020. – Vol. 55, N 51. – P. 31–33.
 20. Banerjee S. 'Ayahs in British India' // Digital Encyclopedia of European History. – URL: <https://ehne.fr/en/encyclopedia/themes/europe-europeans-and-world/gender-and-empire/ayahs-in-british-india> (дата обращения: 15.04.2024).
 21. Banerjee S. Men, Women and Domestics: Articulating Middle-Class Identity in Colonial Bengal. – Delhi: Oxford University Press, 2004. – 247 p.
 22. Chaudhuri N. Memsahibs and Motherhood in Nineteenth-Century India // Victorian Studies. – 1988. – Vol. 31, N 4. – P. 517–535.
 23. Chaudhuri N. Memsahibs and Their Servants in Nineteenth-century India // Women's History Review. – 1994. – Vol. 2, N 4. – P. 549–562.
 24. Conway S. Ayah, Caregiver to Anglo-Indian Children, c. 1750–1947 // Children, Childhood and the Youth in the British World / Robinson S., Sleight S. (eds). – London: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 41–58.
 25. Dant T., Bowles D. Dealing with Dirt: Servicing and Repairing Cars // Sociological Research Online. – 2003. – Vol. 8, N 2. – P. 1–17.
 26. Davidoff L. Mastered for Life: Servant and Wife in Victorian and Edwardian England // Journal of Social History. – 1974. – Vol. 7, N 4. – P. 406–428.
 27. Davidoff L. Worlds Between: Historical Perspectives on Gender and Class. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 288 p.
 28. Denis J., Mongili A., Pontille D. Maintenance & Repair in Science and Technology Studies // Italian Journal of Science & Technology Studies. – 2015. – Vol. 6, N 2. – P. 5–15.

29. Denis J., Pontille D. Beyond Breakdown: Exploring Regimes of Maintenance // *Continent*. – 2017. – Vol. 6, N 1. – P. 13–17.
30. Denis J., Pontille D. Material Ordering and the Care of Things // *Science, Technology, & Human Values*. – 2015 – Vol. 40, N 3. – P. 338–367.
31. Domestic Workers Across the World: Global and Regional Statistics and the Extent of Legal Protection. – Geneva: International Labour Office, 2013. – 146 p.
32. Eaker A. An 'Effaced Itinerary': Joanna de Silva by William Wood // *Metropolitan Museum Journal*. – 2023. – Vol. 58. – P. 8–23.
33. From Global Care Crisis to Quality Care at Home: The Case for Including Domestic Workers in Care Policies and Ensuring Their Rights at Work. – 2024. – March. – URL: https://webapps.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_916326.pdf (дата обращения: 28.04.2024).
34. Gao Ch., Watanabe M. Understanding the “Service Economy”: A Marxist Critical Approach // *World Review of Political Economy*. – 2023. – Vol. 14, N 1. – P. 34–62.
35. Graham S., Thrift N. Out of Order: Understanding Repair and Maintenance // *Theory, Culture and Society*. – 2007. – Vol. 24, N 3. – P. 1–25.
36. Grossman J. Ayahs, Dhayes, and Bearers: Mary Sherwood’s Indian Experience and «Constructions of Subordinate Others» // *South Atlantic Review*. – 2001. – Vol. 66, N 2. – P. 14–44.
37. Hartman S. Venus in Two Acts // *Small Axe*. – 2008. – Vol. 12, N 2. – P. 1–14.
38. Haskins V. ‘Mrs Browne and the Bengalis: An Early Transcolonial Story of Domestic Service, 1816–1821 // *Asian Studies: The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)*. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2022 – Vol. 1. – P. 216–224.
39. Haskins V., Sen S. Introduction: Regulation and Domestic Service in Colonial Histories // *International Review of Social History*. – 2022. – Vol. 67, N 1. – P. 1–7.
40. Henke C.R. The Mechanics of Workplace Order: Toward a Sociology of Repair // *Berkeley Journal of Sociology*. – 2000. – Vol. 44. – P. 55–81.
41. Jackson S.J. Rethinking Repair // *Media Technologies: Essays on Communication, Materiality and Society* / Gillespie T., Boczkowski P., Foot K. (eds.). – Cambridge, MA: The MIT Press, 2014. – P. 221–240.
42. Jonna R.J., Foster J.B. Marx's Theory of Working-Class Precariousness – And Its Relevance Today // *Alternate Routes: A Journal of Critical Social Research*. – 2016. – Vol. 27. – P. 21–45.
43. Krause M. Model Cases: On Canonical Research Objects and Sites. – Chicago: Chicago University Press, 2021. – 224 p.
44. Lepore J. Historians Who Love Too Much: Reflections on Microhistory and Biography // *Journal of American History*. – 2001. – Vol. 88, N 1. – P. 129–144.
45. Lowrie C. Enduring Forms of Indenture Chinese Domestic Workers and the Use of Penal Sanctions in Colonial Singapore, 1920 s–1930 s // *Asian Studies: The Twelfth International Convention of Asia Scholars (ICAS 12)*. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2022. – Vol. 1. – P. 407–417.

46. Lowrie C. Travelling Servants and Moving Images: A Photographic History of Chinese Domestic Workers. – URL: <https://visualisingchina.net/blog/2021/03/11/guest-blog-claire-lowrie-on-travelling-servants-and-moving-images-a-photographic-history-of-chinese-domestic-workers/> (дата обращения: 28.04.2024).
47. Lowrie C. Murder and the Working Lives of Chinese Male Servants in Colonial Singapore, 1910 s–1930 s // *International Review of Social History*. – 2022. – Vol. 67, N 1. – P. 43–64.
48. Making Decent Work a Reality for Domestic Workers: Progress and Prospects Ten Years after the Adoption of the Domestic Workers Convention, 2011 (No. 189). – Geneva: International Labour Office, 2021. – 340 p.
49. Munck R. The Precariat: A View from the South // *Third World Quarterly*. – 2013. – Vol. 34, N 5. – P. 747–762.
50. Ofreneo R. Asia & the Pacific: Advancing Decent Work Amidst Deepening Inequalities. – Philippines: ITUC-AP, 2013. – 130 p.
51. Orr J.E. Talking About Machines: An Ethnography of a Modern Job. – New York: Cornell University Press, 1996. – 192 p.
52. Paul C. Book Review: Samita Sen and Nilanjana Sengupta, *Domestic Days Women, Work and Politics in Contemporary Kolkata*. (New Delhi: Oxford University Press, 2016. – 311 p.) // *Social Change*. – 2020. – Vol. 50, N 1. – P. 178–181.
53. Pinchbeck I. *Women Workers and the Industrial Revolution, 1750–1850*. – London: George Routledge and Sons Limited, 1930. – 342 p.
54. Ray R., Qayum S. *Cultures of Servitude: Modernity, Domesticity, and Class in India*. – New Delhi: Oxford University Press, 2010. – 272 p.
55. Robinson O. Travelling Ayahs of the Nineteenth and Twentieth Centuries: Global Networks and Mobilization of Agency // *History Workshop Journal*. – 2018. – Vol. 86. – P. 44–66.
56. Sarti R. From Slaves and Servants to Citizens? Regulating Dependency, Race, and Gender in Revolutionary France and the French West Indies // *International Review of Social History*, 2022. – Vol. 67, N 1. – P. 65–95.
57. Sen S., Sengupta N. *Domestic Days: Women, Work, and Politics in Contemporary Kolkata*. – New Delhi: Oxford University Press, 2016. – 311 p.
58. Shapin S. The Invisible Technician // *American Scientist*. – 1989. – Vol. 77, N 6. – P. 554–563.
59. Sherwood Mrs. *The Ayah and Lady. An Indian Story*. – Boston: Samuel N., Armstrong and Crocker & Brewster, 1822. – 108 p.
60. Sherwood Mrs. *The History of Little Henry and His Bearer*. – London; Wellington, Salop: Printed by and for F. Houlston and Son, 1826. – 139 p.
61. Sherwood Mrs. *The History of Little Lucy and Her Dhaye*. – London; Wellington, Salop: Printed by and for F. Houlston and Son, 1823. – 154 p.
62. *The Design of Everyday Life* / Shove E., Watson M., Hand M., Ingram J. – Oxford: Berg Publishers, 2007. – 192 p.
63. Sinha N. Genealogies of “Verification”: Policing the Master–Servant Relationship in Colonial and Postcolonial India // *International Review of Social History*. – 2022. – Vol. 67, N 1. – P. 9–41.

64. Servants' Pasts: Late Eighteenth to Twentieth-Century South Asia. Vol. 2 / Sinha N., Varma N. (eds). – New Delhi: Orient Blackswan, 2019. – 324 p.
65. Servants' Pasts: Sixteenth to Eighteenth Century South Asia. Vol. 1 / Sinha N., Varma N., Jha P. (eds). – New Delhi: Orient Blackswan, 2019. – 422 p.
66. Spivak G.Ch. Can the Subaltern Speak? // *Marxism and the Interpretation of Culture* / Nelson C., Grossberg L. (eds.). – Chicago: University of Illinois Press, 1988. – P. 271–313.
67. Stadtler F., Visram R. A Home for the Ayahs: From India to Britain and Back Again. – URL: <https://www.ourmigrationstory.org.uk/oms/a-home-for-the-ayahs-> (дата обращения: 28.04.2024).
68. Stanley J. Ayahs Who Travelled: Indian Nannies Voyaging to Britain in the Nineteenth Century // *Black and Asian Studies Association Newsletter*. – 2011. – N 58. – P. 5–8.
69. Stanley J. Black History Month: Ayahs at Sea // *Women History Network*. – 2011. – 9.10. – URL: <https://womenshistorynetwork.org/black-history-month-ayahs-at-sea/> (дата обращения: 28.04.2024).
70. Star S.L. *Ecologies of Knowledge: Work and Politics in Science and Technology* / Star S.L. (ed.). – New York: State University of New York, 1995. – 434 p.
71. Star S.L. The Ethnography of Infrastructure // *American Behavioral Scientist*. – 1999. – Vol. 43, N 3. – P. 377–391.
72. Stockett K. *The Help*. – Berkley, Ca.; New York: Penguin, 2009. – 530 p.
73. Stoler A. *Carnal Knowledge and Imperial Power: Race and the Intimate in Colonial Rule*. – Berkeley, Ca.: University of California Press, 2002. – 335 p.
74. *The Labour Provisions of the Peace Treaties*. – Geneva: International Labour Office, 1920. – 18 p.
75. Tregenna F. 'Services' in Marxian Economic Thought. – *Ideas: Cambridge Working Papers in Economics*. – 2009. – URL: <https://api.repository.cam.ac.uk/server/api/core/bitstreams/edcc89f9-b3d3-4fc1-97cc-16bfc2194090/content> (дата обращения: 28.04.2024).
76. Trivaletto F. Is There a Future for Italian Microhistory in the Age of History // *California Italian Studies*. – 2011 – Vol. 2, N 1. – P. 1–26.
77. Varma N. The Many Lives of Ayah: Life Trajectories of Female Servants in Early Nineteenth-Century India // *Servants' Past. Late Eighteenth to Twentieth-Century South Asia*. Vol. 2 / Sinha N., Varma N. (eds). – New Delhi: Orient Black Swan, 2019. – P. 73–108.
78. Visram R. *Ayahs, Lascars and Princes: The Story of Indians in Britain 1700–1947*. – New York: Routledge, 1986. – 334 p.
79. Watanabe M. Marx's Category of Service Labour // *Hitotsubashi Journal of Social Studies*. – 1991. – Vol. 23, N 1. – P. 25–36.

ЧАЛЫШЕВ А.Ю.* ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ГАБОНЕ КАК ФАКТОР УТЕРИ КОНТРОЛЯ ФРАНЦИИ В РЕГИОНЕ

Аннотация. Если взять карту Африки и отметить все страны, в которых в последние годы были свергнуты действующие власти, получится полоса стран, которая в западной геополитической науке всё чаще именуется «поясом мятежей». Среди этих государств мы увидим Судан, Чад, Мали, Буркина-Фасо, Нигер и Габон. Однако помимо того, что эта полоса является зоной нестабильности, она состоит из стран, которые исторически являлись зоной влияния Франции. Страны, богатые сырьевыми товарами, всегда были стратегически важны для французской экономики. На этой линии нестабильности Габон стал очередной страной, в которой военные свергли действующую власть и заняли антифранцузскую позицию. В работе рассмотрена реакция Пятой Республики на происходящие изменения. Подчеркнута важность военного и экономического пребывания в регионе, а также проанализированы перспективы французской стратегии с учетом переворота в Габоне.

Ключевые слова: военный переворот; путч; Габон; *françafrique*; франсафрика.

CHALYSHEV A.Yu. Military Coup in Gabon as a Factor in the Loss of French Control in the Region

Abstract. If you take a map of Africa and mark all the countries in which the current authorities have been overthrown in recent years, you will get a strip of countries that in Western geopolitical science is increasingly called the “coup belt”. Among these states we will see Sudan, Chad, Mali, Burkina Faso, Niger and Gabon. However, in

* © Чалышев Артемий Юрьевич – аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

addition to being a zone of instability, this strip consists of countries that have historically been a zone of French influence. Commodity-rich countries have always been strategically important to the French economy. Along this line of instability, Gabon became another country in which the military overthrew the current government and took an anti-French position. Thus, the work examines the reaction of the Fifth Republic to the changes taking place. The importance of a military and economic presence in the region is emphasized, and the prospects for French strategy are analyzed taking into account the coup of power in Gabon.

Keywords: military coup; putsch; Gabon; France; *françafrique*.

Для цитирования: Чалышев А.Ю. Военный переворот в Габоне как фактор утери контроля Франции в регионе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 3. – С. 61–71. – DOI: 10.31249/gva/2024.03.03

Введение

Африканский континент на сегодняшний день остается одним из наиболее нестабильных регионов мира. Только за последние пять лет регион Западной Африки пережил восемь военных переворотов: межнациональные и этнические конфликты, политические и социально-экономические кризисы, а наследие колониальной эпохи вызывает всё большее недовольство населения африканских стран. С 2017 г. перевороты произошли в Зимбабве, Судане, Мали, Гвинее, Буркина-Фасо, Нигере и Габоне, среди которых пять последних входят в непосредственную зону влияния Франции и являются важными составляющими ее экономики и военного присутствия в регионе.

Каждый переворот послужил фактором, пошатнувшим стратегию Франции, направленную на сохранение влияния в регионе. В августе 2020 г. переворот произошел в Мали, обусловленный обнищанием населения, ростом коррупции и активизацией террористических группировок, с которыми уже на протяжении многих лет не мог справиться французский военный контингент. В результате переворота была назначена новая администрация, которая уже в мае 2021 г. была вновь смещена ввиду нарушения ею хартии

переходного периода, временно заменившей конституцию. Новым главой государства стал полковник Ассими Гоита. Основная претензия к Франции была в отношении антитеррористической операции, новые власти утверждали, что главная цель Пятой Республики не в безопасности страны, а лишь в обеспечении для французских компаний безопасного доступа к ресурсам Мали, в частности, к урану. Уже в феврале 2022 г. Франция была вынуждена вывести войска из страны.

Переворот в сентябре 2021 г. в Гвинее имеет некоторые параллели с переворотом в Мали: он также происходил на фоне разгоревшегося социально-экономического кризиса, о котором заявил в своем обращении лидер путчистов полковник Мамади Думбуя. Бывший президент Альфа Конде был обвинен в кризисе, коррупции и профранцузской позиции, которая не позволяла развиваться стране.

Уже в январе 2022 г. происходит переворот в Буркина-Фасо. Причиной была названа неспособность режима защитить население от джихадистов, контролирующих треть территории страны. Переворот произошел сравнительно спокойно и бескровно, но уже через полгода произошел второй переворот. Временный президент Поль-Анри Дамibu был также свергнут ввиду неспособности справиться с исламистами. Пришедший к власти капитан Ибраим Траоре решил совершенно отказаться от связей и обратиться к «новым партнерам по борьбе с терроризмом». В январе 2023 г. Рейтер, ссылаясь на государственное телевидение страны, сообщило, что правительство Буркина-Фасо приостановило действие соглашения от 2018 г. о присутствии французских военных в стране.

На фоне произошедших переворотов Нигер продолжал оставаться верным партнером Франции, однако «пояс мятежей» настиг и его. В конце июля 2023 г. президент был свергнут армией. Причинами были названы коррупция, растрата государственных средств, а также кумовство. Переворот быстро принял антифранцузский характер, сторонники военной хунты скандировали «Франция, уходи», сорвали табличку с французского посольства в Ниамее, пытались поджечь дипмиссию. В октябре 2023 г. Франция начала вывод своих войск из страны.

Переворот в Габоне и реакция Франции

Последний на сегодняшний день переворот также имеет ряд параллелей с предыдущими. Он был произведен в августе 2023 г. военной хунтой, которая назвала причиной произошедшего политический, экономический и социальный кризисы, а также обвинила ближний круг президента в коррупции и кумовстве. Главой государства был назначен командующий Республиканской гвардией Габона генерал Брис Олиги Нгема.

Реакция международного сообщества на произошедшее разнилась и не была столь категоричной как в отношении Нигера, Франция стала единственной страной, которая дала событиям однозначно негативную оценку. Выступая в день переворота на пресс-конференции, представитель французского правительства Оливье Веран заявил, что Париж осуждает мятеж в Габоне и считает необходимым «признание результатов выборов, как только они будут утверждены» [1]. Несмотря на решительное осуждение антиконституционных событий, Веран отметил при этом, что Франция остается внимательной к ситуации. Уже через две недели после государственного переворота Эммануэль Макрон встречается с президентом Центральноафриканской Республики Фостеном-Аршанжем Туадерой, назначенным посредником Экономическим сообществом центральноафриканских государств [2]. На встрече президент в очередной раз высказывается о необходимости проведения прозрачных выборов, но основным рычагом влияния выделяет именно Экономическое сообщество.

Такая взвешенная позиция вписывается в новую политическую линию Парижа по отношению к его бывшим африканским колониям. «Во время своего визита в Габон в марте 2023 г. Эммануэль Макрон объявил о прекращении существования *Françafrique*», – вспоминает Кэролайн Русси [3], директор по исследованиям Института международных и стратегических отношений (IRIS). Таким образом, вполне вероятно, что мы наблюдаем смену политической стратегии Франции. Еще несколько месяцев назад Франция не осудила ни избрание Идриса Деби в 2021 г. в Чаде, ни Алаассана Уаттары в Кот-д'Ивуаре, переизбранного на третий срок в 2020 г. Сегодня Париж выводит французскую армию из Африки, осуждает государственные перевороты, но старается не вмеши-

ваться во внутренние дела страны. Такая дипломатия «отступления» Парижа кажется наиболее разумной в возникшем контексте, поскольку ситуация остается сложной. Бывшая колониальная держава, осознавая, что путчисты были хорошо встречены и поддержаны габонским населением, не может рисковать и встать на сторону «врага», семьи Бонго, находившейся у власти в течение полувека. Однако нельзя исключать и того, что французская дипломатия работает под прикрытием, пытаясь посредничать между оппозицией и хунтой.

Реорганизация военного присутствия

Почти сразу после путча, министр обороны Франции Себастьян Лекорну объявил в прессе о «частичной приостановке французского присутствия» в стране [4]. Такое решение было принято Парижем еще до начала лета в условиях неопределенности относительно того, что может произойти на выборах в Габоне, запланированных на 26 августа 2023 г.

О преобразовании военных баз в Африке, в частности, о сокращении численности французских военных на континенте, Эммануэль Макрон объявил еще в феврале на пресс-конференции в Елисейском дворце. «Трансформация начнется в ближайшие месяцы с заметного сокращения нашей численности и усиления присутствия на этих базах наших африканских партнеров», – сказал он, обнародовав новую стратегию Франции в Африке [5]. Выступая за «партнерские» связи в противовес «логике хищничества», Франция таким образом преобразует свои отношения с Африкой. Реструктурированием статуса военных баз Макрон хочет отойти от «наследия прошлого», которое, по его мнению, является «предлогом для многих противников Франции».

«Мы несем ответственность за прошлую политику, которую было решено изменить [...], пока у нас еще нет полных результатов этих изменений», – подчеркнул глава французского государства [5]. По его словам, необходимо проявить «глубокое смирение перед лицом того, что происходит на Африканском континенте». Следует отметить, что Макрон выступал перед поездкой, запланированной на период с 1 по 5 марта и во время которой он должен

был посетить Габон, Анголу, Конго, а затем Демократическую Республику Конго (ДРК).

Париж действительно потерял большую часть своего влияния на континенте, в частности, уйдя из Мали и Буркина-Фасо, с которыми отношения были очень напряженными в течение последних нескольких месяцев. Кроме того, военное сотрудничество между Францией и Центральноафриканской Республикой было приостановлено в 2021 г., что ознаменовало очередной провал в отношениях между Парижем и континентом. Последние французские военнослужащие покинули Центральноафриканскую Республику в 2022 г.

В марте на саммите Франции и Габона, президент республики снова заявил об окончании эпохи *FrancAfrique* и назвал Францию лишь «нейтральным собеседником». Именно на этом саммите габонской аудитории было объявлено о планах реорганизации военного присутствия Франции. Макрон призвал к новому «сбалансированному» и «ответственному» партнерству с континентом, а также к сокращению французского военного присутствия, сосредоточенного в Африке [6].

Несмотря на это, приезд Эммануэля Макрона был осужден частью политической оппозиции и общественности Габона, которые обвинили его в том, что он хочет «укрепить» позиции Али Бонго, переизбранного на спорных условиях в 2016 г. и который собирался баллотироваться на переизбрание в этом году [6]. Наиболее вероятно, что планы по реорганизации военного сотрудничества стали ответной мерой на дискредитацию влияния Франции на континенте. Отказ ряда стран от военного сотрудничества в пользу других партнеров, а также продолжающееся осуждение Франции в неокOLONIALИЗМЕ вынуждают Париж искать новые подходы. В том числе и переход к новым методам сохранения военного присутствия даже при номинальном согласии равноправного партнерства и совместного управления военными силами.

Экономические интересы Франции в Габоне

Несмотря на осуждение переворота французскими официальными лицами, ожидается, что региональное сотрудничество возобновится в рамках этого переходного режима. Стоит учиты-

вать, что в Габоне у Франции имеется ряд важных экономических интересов. Габон известен своими запасами нефти, древесины, марганца (металла, используемого в производстве стали и аккумуляторов) и запасами урана (хоть и почти истощенными), которые в период с 1961 по 1999 г. эксплуатировала французская компания Orano, бывшая Areva. Около 81 крупной французской компании имеют дочерние компании в этой стране, расположенной на атлантическом побережье континента, в том числе наиболее крупные: горнодобывающая группа Eramet (более 90% габонского марганца), нефтяная компания Perenco, нефтегазовые компании TotalEnergies и Maurel&Prom и инвестиционный фонд Meridiam [7].

За исключением горнодобывающего гиганта Eramet, большинство из этих компаний утратили свою влиятельную ауру за годы после колонизации, и многие из них теперь не имеют былого значения. Нефтяные скважины истощаются, и TotalEnergies, например, осторожно выводит свои активы из Габона.

Более того, котировки акций французских компаний, работающих в Габоне, активно падали в ходе торгов после военного переворота. Цена акции нефтегазодобывающей Maurel&Prom рухнула на 18,4%. Компания добывала в Габоне в первом полугодии по 15,779 тыс. баррелей в сутки, что составляло около 58% общего объема производства. Стоимость акций производителя цветных металлов Eramet упала на 16,3%. Eramet также объявила о приостановке всех операций и железнодорожных перевозок в стране, пишет MarketWatch. Котировки бумаг TotalEnergies снизились на 14,6%. TotalEnergies EP Gabon, которая существует свыше 90 лет, занимается добычей нефти и газа, владеет сетью из более чем 40 АЗС и является крупнейшим ритейлером страны. В 2022 г. добыча нефти компании составила 5,8 млн баррелей [8].

В возникшей ситуации Франции оказывается сложным не только углублять свое экономическое влияние, но просто сохранить его. Париж больше не может диктовать свои условия, остается лишь опция налаживания равноправного партнерства. Обвиняемая во вмешательстве со стороны стран Сахеля, «Франция старается не разжигать антифранцузские настроения, которые она вызывает в некоторых бывших колониях, таких как Нигер, занимая чью-либо сторону», считает Франсуа Гольм, исследователь, связанный с Французским институтом международных отношений

(IFRI) и автор книги «Габон и его тень» [3]. Франции остается лишь изображать из себя простого наблюдателя. Однако, учитывая долгую историю партнерства, Париж может воспользоваться своим хорошим знанием страны и выступить в качестве посредника, партнера или «давнего друга».

Габон долгое время оставался колыбелью Франсафрики. «Отношения между двумя дипломатиями со временем развивались», – пишет Кэролайн Русси [3]. В правление Омара Бонго контакты были чрезвычайно близкими, Но уже при французском президенте Олланде отношения сократились. А приход к власти сына Бонго Али «постепенно отдалил две столицы». Будучи англофилом, Али Бонго изначально стремился к тому, чтобы Габон вошел в состав Содружества. «Провокация, направленная на дистанцирование от бывшей колониальной державы», – комментирует Франсуа Гольм по вопросу вхождения Габона в Содружество [3]. В своем последнем, снятом на видео, выступлении свергнутый президент обратился за помощью к международному сообществу на английском языке, в то время как в Габоне по-прежнему широко говорят на французском.

В экономическом плане «Али Бонго также стремился ко все большему экономическому сближению с Китаем или Сингапуром в ущерб французским компаниям», – уточняет Франсуа Гольм [3]. Конечно, Франция все еще могла рассчитывать на нефть, марганец и древесину. Но некоторые ресурсы, такие как уран, истощились. Затем со временем французы потеряли рынки сбыта в агропромышленном секторе. Теперь же, после переворота, ситуация для Франции может стать еще сложнее.

Заключение

Тем не менее полный отказ от габонского рынка не планируется, так как интересы Франции в Габоне остаются. Более того, Габон остается франкофильной страной. В стране насчитывается 1400 французских эмигрантов, в основном поселившихся в Либревиле. И габонская диаспора во Франции очень заметна. Также, по мнению Кэролайн Русси, в Габоне нет антифранцузских настроений. Сравнивая переворот с аналогичным в Нигере, среди габонского населения не наблюдался радикальный всплеск антифран-

цузских настроений. «Политические оппоненты могли обвинить Францию в поддержке династии Бонго, но страна не выражает особых претензий к Франции, как в Нигере или Мали», – уточняет Франсуа Гольм [3].

Здесь возникает новое испытание для последовательности французской дипломатии. С учетом возникшего положения и габонских настроений, все может измениться. Не исключено, что позиция французского правительства, которое с самого начала кризиса играло роль канатоходца, в конечном итоге не вызовет новых антифранцузских настроений, если ситуация ухудшится. Не известно, как будет обыгран план реорганизации военного присутствия в стране, получится ли договориться с новой администрацией страны об условиях пребывания французского военного контингента. Получится ли в рамках новой дипломатической линии Франции установить равноправные отношения с африканским государством, о которых обещает Париж, или же это лишь очередной ход для сохранения своего влияния во время переходного режима?

На большей части территории Западной и Центральной Африки молодые граждане в значительной степени разочарованы традиционным политическим классом, даже теми, кто был законно избран. Это разочарование подпитывается рядом проблем – нехваткой рабочих мест и даже неформальных экономических возможностей для выпускников и малообразованных, раздражением из-за высокого уровня коррупции и привилегий внутри элиты, а также негодованием по поводу сохраняющегося влияния Франции как бывшей колониальной державы.

Глубокое негодование прослеживается по поводу того, как многие гражданские лидеры манипулируют избирательными процессами или конституционными нормами, чтобы продлить свое пребывание у власти. Снятие ограничения на количество президентских сроков, после спорных поправок к Конституции, является особенно острым источником недовольства. Злоупотребления подрывают моральный авторитет таких организаций, как Африканский союз и Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), которых часто называют «клубом действующих президентов», стремящихся заставить путчистов восстановить избранный гражданский режим [9].

Таким образом, африканское общество выступает новым фактором, который влияет на вектор развития стран, без его поддержки путчисты не имели бы такого успеха. Это вынуждает Францию выстраивать новый образ. Отказ от колониального наследия должен прослеживаться не только в словах, но и в действиях. Новый дипломатический подход прослеживается еще со времен президентства Франсуа Олланда, но практической реализации его всё еще не было найдено. Именно поэтому тень колониального прошлого накладывается на французскую деятельность в Африке, к ней нет доверия, особенно в условиях появления новых потенциальных партнеров. Новые игроки на континенте уже далеко опережают Францию, предлагая Африке то, чего нет у Парижа.

Авторитарные лидеры удобны – они могут предоставить все нужные условия французским компаниям и армии взамен на услуги со стороны Франции. Но попытка сохранить статус-кво будет встречена в штыки африканским сообществом, колониальное время прошло. Настало время меняться, время закрыть страницу Франсафрики.

Список литературы

1. Постникова Е. Почему военные сверг ли находившегося у власти 14 лет президента Габона // РБК. – 2023. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/08/2023/64ef6d389a7947729bcb336e> (дата обращения: 09.01.2024)
2. Dönmez Ü. Macron s'entretient avec le président centrafricain à l'Élysée [Macron meets with the Central African president at the Élysée] // l'Agence Anadolu. – 2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/fr/monde/macron-sentretient-avec-le-president-centrafricain-a-lelysee/2991781#> (дата обращения: 09.01.2024).
3. Le coup d'État au Gabon, nouvelle «mise à l'épreuve» de la diplomatie française en Afrique [The coup d'état in Gabon, a new «test» of French diplomacy in Africa] // France 24. – 2023. – URL: <https://www.france24.com/fr/afrique/20230901-le-coup-d-etat-au-gabon-nouvelle-mise-a-l-epreuve-de-la-diplomatie-francaise-en-afrique> (дата обращения: 09.01.2024).
4. Lavallet S. Coup d'État au Gabon: la présence militaire française à l'épreuve [Coup d'état in Gabon: the French military presence put to the test] // Le Point. – 2023. – URL: https://www.lepoint.fr/afrique/coup-d-etat-au-gabon-la-presence-militaire-francaise-a-l-epreuve-13-09-2023-2535268_3826.php#l1 (дата обращения: 09.01.2024).
5. Mohamed Ben F. Macron acte une «transformation» des bases militaires françaises en Afrique avec une «diminution» des effectifs [Macron acts on a «transformation» of French military bases in Africa with a «reduction» in numbers] // l'Agence

- Anadolu. – 2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/fr/afrique/macron-acte-une-transformation-des-bases-militaires-francaises-en-afrique-avec-une-diminution-des-effets/2832811> (дата обращения: 09.01.2024).
6. «L'âge de la Françafrique est révolu», assure Macron au premier jour de sa tournée en Afrique centrale [«The age of Françafrique is over», assures Macron on the first day of his tour of Central Africa] // La Croix. – 2023. – URL: <https://www.la-croix.com/Macron-participe-sommet-protection-forets-Gabon-2023-03-01-1301257380> (дата обращения: 09.01.2024).
 7. Dönmez Ü. Entreprises françaises au Gabon: 14.000 emplois et 3.5 milliards de chiffre d'affaires [French companies in Gabon: 14,000 jobs and 3.5 billion turnover] // l'Agence Anadolu. – 2023. – URL: <https://www.aa.com.tr/fr/afrique/entreprises-francaises-au-gabon-14000-emplois-et-35-milliards-de-chiffre-daffaires/2981032#:~:text=Quelque%2081%20grandes%20entreprises%20fran%C3%A7aises,le%20fonds%20d'investissement%20Meridiam> (дата обращения: 09.01.2024).
 8. Акции работающих в Габоне французских компаний резко подешевели // Интерфакс. – 2023. – URL: <https://interfax.az/view/898723> (дата обращения: 09.01.2024).
 9. Melly P. Coup d'État au Gabon: pourquoi les jeunes Africains célèbrent les coups d'État [Coup d'état in Gabon: why young Africans celebrate coups d'état] // BBC. – 2023. – URL: <https://www.bbc.com/afrique/region-66695998> (дата обращения: 09.01.2024).

МИХЕЛЬ Д.В.* ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСТОРИИ ЮЖНОАФРИКАНСКОГО АПАРТЕИДА: КАК ОНА РАССКАЗЫВАЕТСЯ. Рец. на кн.: ЖУКОВ Д. АПАРТЕИД. ОПЫТ ЮАР В БОРЬБЕ С САНКЦИЯМИ. – Москва: Родина, 2024. – 288 с.

Аннотация: Книга под названием «Апартеид. Опыт ЮАР в борьбе с санкциями» представляет собой сборник текстов, основными из которых являются книга Д.А. Жукова «Апартеид. История режима» и большая статья А.А. Манчука «Апартеид – южноафриканская трагедия», опубликованные впервые в 2007 г. Авторы не являются академическими исследователями и работают в жанре «популярной истории». При этом первый из авторов излагает апологетическую версию истории южноафриканского апартеида, сожалея об упадке белого государства африканеров, добившегося впечатляющих успехов в области экономического развития, науки и технологий. Второй же автор предлагает читателям критическую, даже обвинительную, версию истории южноафриканского апартеида, фокусируясь на сходствах «африканского рейха» с другими политическими режимами, основанными на идеях расизма и воинствующего национализма. Учитывая, что современная историческая наука также насыщена ценностями и многим исследователям свойственно придерживаться противоположных взглядов в оценке одних и тех же явлений, знакомство с книгой об истории южноафриканского апартеида позволит читателям задуматься над вопросом о пределах исторической объективности, а также о том, как следует писать и рассказывать историю тех или иных широко известных событий.

* Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Ключевые слова: Южная Африка; апартеид; история; белые и черные африканцы.

MIKHEL D.V. Returning to the History of South African Apartheid: How it is Told. Book Review: Zhukov D. Apartheid. Experience of South Africa in the Struggle Against Sanctions. Moscow: Rodina, 2024. 288 p. (in Russian)

Abstract. The book entitled “Apartheid. South Africa's experience in the fight against sanctions” is a collection of texts, the main ones being D.A. Zhukov's book “Apartheid. The history of the regime” and a large article by A.A. Manchuk “Apartheid: a South African tragedy”, published for the first time in 2007. The authors are not academic researchers and work in the genre of “popular history”. The first author presents an apologetic version of the history of South African apartheid, lamenting the decline of the white Afrikaner state, which had made impressive strides in economic development, science and technology. The second author offers readers a critical, even accusatory, version of the history of South African apartheid, focusing on the similarities between the “African Reich” and other political regimes based on ideas of racism and militant nationalism. Given that modern historical scholarship is also saturated with values and that it is common for many researchers to hold opposing views in assessing the same phenomena, reading this book on the history of South African apartheid will allow readers to reflect on the limits of historical objectivity, as well as on how the history of certain well-known events should be written and told.

Keywords: South Africa; apartheid; history; white and black Africans.

Для цитирования: Михель Д.В. Возвращаясь к истории южноафриканского апартеида: как она рассказывается // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 3. – С. 72–82. – Рец. на кн.: Жуков Д. Апартеид. Опыт ЮАР в борьбе с санкциями. – Москва: Родина, 2024. – 288 с. – DOI: 10.31249/rva/2024.03.04

Издательство «Родина» выпустило книгу, на обложке которой значится «Экономика апартеида. Опыт ЮАР в борьбе с санкциями». Под таким названием она фигурирует и на многочислен-

ных интернет-сайтах, где развернулась ее продажа. Однако открыв страницу, мы видим другое название: «Апартеид. Опыт ЮАР в борьбе с санкциями» [1]. Тот факт, что слово «экономика» с обложки книги пропало в ее заголовке, печалит, но это еще не всё. В аннотации к книге читаем: «Опыт ЮАР в борьбе с санкциями необычайно ценен, а ввиду нынешнего положения России становится актуален и для нас с вами» [1, с. 4]. Увы, в книге ничего не говорится об опыте южноафриканского государства по преодолению санкций, разве что полунамеком. Одним словом, это чисто коммерческий ход, предпринятый издательством, чтобы побудить читателя приобрести книгу. В реальности, книга, с которой нам предлагается ознакомиться, о другом – об истории апартеида в Южной Африке. При этом впервые она вышла в свет еще в 2007 г. под названием «Апартеид. История режима» [2]. Ее автор – Д.А. Жуков, к академической науке отношения не имеющий, но склонный к исследовательской работе. В этом смысле можно признать, что опубликованная «Родиной» книга Дмитрия Жукова 2007 г. – это так называемая «популярная история» южноафриканского апартеида. Стоит ли она того, чтобы читатель уделил ей свое драгоценное время?

Пожалуй, да. Но не по причине того, что для погружения в южноафриканский материал не существует других источников. Их хватает. Достаточно упомянуть лишь работу специалистов из Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН, которыми вносится важный вклад в разработку проблемы. На наш взгляд, с книгой следует ознакомиться для того, чтобы в очередной раз осознать, сколь поверхностны и противоречивы порой являются представления многих из нас об истории южноафриканского апартеида, как и в целом об Африке как таковой. Причины этой поверхностности и противоречивости недавно были объяснены директором Института Африки РАН И.О. Абрамовой, которая в своей совместной книге с видным российским африканистом Л.Л. Фитуни указывает на тот факт, что за последние 30 с лишним лет объем объективной научной информации с африканского континента в Россию значительно сократился, а в отечественных СМИ африканская тематика отошла на второй план [3, с. 315–336].

В существовании противоречивых представлений об истории южноафриканского апартеида дают убедиться собранные в

рецензируемом издании тексты. Так, если основной из них – книга Д.А. Жукова об апартеиде – предлагает нам позитивную трактовку южноафриканского апартеида, то, например, помещенная под ту же обложку большая статья украинского журналиста Андрея Манчука¹ «Апартеид – южноафриканская трагедия» [1, с. 168–246] предлагает прямо противоположный, обличительный взгляд на историю апартеида в ЮАР. Последняя была подготовлена по итогам поездки Манчука в ЮАР в начале 2000-х годов. Знакомство читателя со всеми материалами, собранными под обложкой книги, несомненно, вызовет у него вопрос о том, какой же была подлинная история апартеида в Южной Африке.

Чтобы ответить на этот вопрос, пожалуй, придется признать, что всякая история, которую рассказывает тот или иной автор, – это совокупность почерпнутых из тех или иных источников фактов, связанных единством сюжета. Как показал Х. Уайт, анализируя ситуацию с историческим знанием в Европе в XIX в., историки той эпохи были склонны связывать факты посредством различных сюжетных форм – романа, комедии, трагедии, сатиры [5, с. 172–173]. Что касается случая с историей южноафриканского апартеида, то Дмитрий Жуков и Андрей Манчук также воспользовались разными сюжетными формами. У первого факты связались в апологетическую историю апартеида, а у второго – в критическую, даже обвинительную, историю.

Не ставя себе задачей воспроизвести основные вехи истории апартеида в Южной Африке, обратимся к тому, как ее излагают упомянутые авторы. Приведем лишь наиболее характерные высказывания. Так, о предпосылках англо-бурской войны 1899–1902 гг. Д.А. Жуков пишет так: «В 1899 г. Великобритания нагло потребовала разоружить армию Трансвааля, и отказалась признавать его в качестве суверенного государства. К бурским границам начали подтягиваться британские войска. 11 октября 1899 г. началась Англо-Бурская война, ставшая одним из самых страшных преступлений Британской империи» [1, с. 38]. В свою очередь, А.А. Манчук связывает факты об этой войне следующим образом: «Романтический образ двух бурских республик, ведущих неравный бой с

¹ Манчук, Андрей Аркадьевич, 1978 г. рождения, украинский журналист и политолог левых взглядов, политический активист, координатор движения «Боротьба», автор книги об истоках конфликта на Донбассе [4].

войсками самой большой мировой империи, вызывал массовое сочувствие во всех европейских странах... Общественность Франции, Германии, США и России открыто поддерживала африканеров, а российские волонтеры воевали на их стороне в составе Европейского легиона под командованием полковника Евгения Максимова... Среди прочего, европейские обыватели возмущались тем, что Великобритания использовала против буров вспомогательные части из африканских аборигенов, сыгравших важную военную роль. Причем, бурские ополченцы беспощадно казнили попавших к ним в плен черных» [1, с. 183].

О роли Германии в колонизации Южной Африки, англо-германских противоречиях в этой части Чёрного континента и методах ведения войны соперничающих стран у Д.А. Жукова читаем: «За 30 лет колонизации немцы добились на этой земле довольно внушительных успехов. В течение продолжительного времени они боролись с местными племенами, подзуживаемыми англичанами... К началу 1905 г. германские отряды фон Троты и губернатора Генриха Геринга (отца будущего гитлеровского рейхсмаршала) одержали решающую победу. В итоге погибло более трех четвертей всего племени гереро – около 50 тысяч человек» [1, с. 50]. У А.А. Манчука о тех же событиях находим: «Вмешательство Германской империи, готовящей геноцид племен гереро в завоеванной ей Намибии, превратило ее в пролог к близящемуся мировому конфликту. Немецкий губернатор Генрих Геринг, отец будущего рейхсмаршала, предоставил бурам современное оружие: дальнобойные винтовки «маузер» и крупновесные орудия» [1, с. 182–183].

О влиянии Второй мировой войны на ослабление позиций Великобритании в Южной Африке и усиление позиций ориентированных на Германию африканерских политических лидеров читаем у Д.А. Жукова: «Парадоксально, но война, вопреки ожиданиям, не способствовала укреплению могущества “старой доброй Англии”... Обанкротившиеся лондонские политики не могли скрыть разочарования... они были вынуждены шаг за шагом отступать с позиций, с великим трудом завоеванных их предшественниками... Для южноафриканского общества война стала причиной еще большего раскола» [1, с. 86]. О тех же процессах читаем у А.А. Манчука: «С началом Второй мировой войны премьер-

министр ЮАС Герцог вполне предсказуемо потребовал от правительства заключить с Германией сепаратный мир, основав с другими политиками “Группу изучения нового порядка”. Южная Африка стояла на пороге гражданской войны... В это трудно поверить, но среди бурской политической элиты не было практически никого, кто не отдал бы дань искреннему восхищению германским нацизмом... Именно поэтому на этих землях вскоре восстал доморощенный африканский рейх» [1, с. 191–192].

О формировании режима апартеида после 1948 г., ограничении прав чернокожих и бантустанах читаем у Д.А. Жукова: «Закон о расселении по расовым группам предусматривал создание расовых локаций и резерватов, в которых право землевладения и поселения закреплялось за определенной расовой группой... Закон о туземных строительных рабочих разрешил обучение и регистрацию африканцев как квалифицированных рабочих, но только на территориях их локаций и резерватов и для работы там... Вводилась контрольная книжка, которая выдавалась всем африканцам с 16 лет. У владельца снимали отпечатки пальцев и отправляли их в Министерство по делам туземцев... Поправка к закону о туземцах запретила африканцам оставаться на какой-либо городской территории дольше 72 часов без особого разрешения... Десятки тысяч африканцев были, согласно этому закону, выписаны и выселены из городских районов» [1, с. 97–98]. О том же – у А.А. Манчука: «Погромный произвол апартхейда¹ покоился на обширной законодательной базе. Закон о борьбе с незаконным занятием помещений позволял властям сносить... трущобы, где со времен индустриального бума жили чернокожие пролетарии. Вплоть до начала 80-х их переселяли в гетто насильственным путем, а число перемещенных лиц достигло в итоге 3,5 млн человек... Помимо прочего, “трудовое законодательство” апартхейда позволило правительству остановить строительство промышленных предприятий в “белых” районах и перевести их в гетто, чтобы чернокожие работали в их пределах, а дым и копоть не портили воздух белых кварталов... Полиция постоянно проверяла документы у чернокожих, так как отсутствие пропуска было поводом для немедленного ареста и

¹ А.А. Манчук вместо термина «апартеид», который он считает устаревшим, предпочитает использовать более аутентичный «апартхейд». (На этом настаивал и Аполлон Давидсон).

предания суду с последующей депортацией на территорию “бантустана”» [1, с. 195–197].

О борьбе чернокожего населения с апартеидом, Нельсоне Манделе и Африканском национальном конгрессе – у Д.А. Жукова: «26 июля [1952 г. – Д.М.] была провозглашена кампания неповиновения, возглавил которую Нельсон Мандела. Начался призыв негритянских боевиков... 25–26 июля 1955 г. в деревне Клиптаун под Йоханнесбургом собралось около 3 тысяч “делегатов”, принявших так называемую “Хартию свободы”. Этот документ, будто бы написанный под диктовку коммунистов, представлял собой перечень откровенно демагогических заявлений и требований. Так, отмечалось, что “власть и богатства страны должны принадлежать народу”, “землю надо отдать тем, кто ее обрабатывает”... Подрывные силы развязали руки террористам. Негры при основательной поддержке белых ренегатов создали экстремистскую организацию “Умконтэ ве сизве” (“Копье нации”), открыто провозгласившую курс на совершение диверсионных действий для свержения власти белых» [1, с. 118–121]. У А.А. Манчука читаем: «Мандела начал политическую деятельность в Соуэто, возглавив радикальную молодежную организацию Африканского национального конгресса – а затем и сам АНК. Двадцать семь лет его жизни прошли в тюрьме... После “бойни в Шарпевиле” последовали аресты активистов сопротивления апартхейду... Ответом на репрессии стали вооруженные акции и саботаж. Организация “Копье нации” – “Умконтэ ве сизве”, боевое крыло АНК созданное в ответ на расстрел демонстрации и принудительное переселение в бантустаны, перешло к систематической практике партизанской борьбы... Силы в борьбе были не равны. Спецслужбы ЮАР арестовали и уничтожили многих участников подпольных организаций» [1, с. 224–225].

О вооруженной борьбе АНК против властей ЮАР, которая в 1980-е годы развернулась как на территории самой ЮАР, так и на территории соседних государств, – у Д.А. Жукова: «Поскольку базы боевиков располагались в “прифронтовых государствах”, САДФ¹ периодически наносила превентивные удары по Анголе, Лесото,

¹ САДФ (англ. South African Defense Force, SADF) – Южно-Африканские силы обороны; название вооруженных сил ЮАС, а затем ЮАР.

Ботсване, Замбии, Зимбабве. Такая практика вполне оправдывала себя до того времени, пока правительство ЮАР не капитулировало перед черным большинством и “мировым сообществом”» [1, с. 138]. А.А. Манчук повествует об этих событиях следующее: «Апартхейд сумел продержаться все 80-е годы. Его спецслужбы перенесли террор против АНК за пределы страны, подсылая к активистам наемных убийц, или взрывая их заминированными посылками... Продолжая тактику грубого террора, тайная полиция пыталась расколоть африканское движение, создавая марионеточные “племенные” организации, вроде зулусской националистической партии “Инката”. Этот метод израильских спецслужб, создавших исламистский “ХАМАС” в противовес светским движениям палестинского сопротивления, едва не привел к гражданской войне после крушения апартхейда» [1, с. 229–230].

Оценки деятельности АНК и деятельности властей ЮАР в период 1980-х годов – у Д.А. Жукова: «В самой ЮАР набирал обороты террор черных радикалов, и это при том, что основные законы апартеида были уже отменены... Тем не менее в “прогрессивной” прессе всего мира всевозможные “борцы за права” не скрывали своего одобрения действий террористов, при этом реальные факты переворачивались с ног на голову... О жертвах среди белых, как правило, стыдливо умалчивалось. Эта тенденция отчасти сохранилась и до настоящего момента... Действия черных террористов отнюдь не пользовались массовой поддержкой африканского населения. Факт остается фактом: негры жили в ЮАР лучше, чем в любой другой стране континента» [1, с. 144–151]; у А.А. Манчука: «Страна стояла перед угрозой трайбалистских конфликтов и военного путча правых бурских реваншистов... Гибель Криса Хани, одного из лидеров компартии и АНК, застреленного правым польским эмигрантом, едва не спровоцировала вспышку террора. Стало известно, что убийца Хани получил оружие из рук консервативного депутата парламента Южной Африки – чтобы сорвать переговорный процесс с Африканским национальным конгрессом» [1, с. 230].

Общая характеристика южноафриканского апартеида и его истории – у Д.А. Жукова: «Апартеид был порождением своего времени, своих геополитических условий. Нет смысла проводить параллели между апартеидом и, скажем, фашизмом (как это часто

делается). Ведь с таким же основанием уместно провести параллели между “режимом Претории” и демократией (особенно американской)... С момента создания Южно-Африканского Союза в стране установилась парламентская демократия, в которой имели место многопартийность, либеральная экономика, свобода слова и вероисповедания. Конечно, плодами этой демократии в полном объеме могли пользоваться только белые... Режим апартеида был уникальной системой, сложившейся в условиях Южной Африки как единственная возможная форма сохранения здесь белого присутствия и европейской цивилизации. С падением апартеида и переходом власти в руки черного большинства страна пошла по совершенно другому пути, характерному для абсолютного большинства государств африканского континента» [1, с. 164–165]; у А.А. Манчука читаем: «АНК выиграл первые свободные выборы 1994 г. Политическая система апартхейда рухнула, жители Южной Африки впервые в истории получили равные политические права... Однако это практически не повлияло на социально-экономическую структуру южноафриканского общества. Черное большинство получило политическую власть – однако экономика страны продолжает оставаться в руках “белого” бизнеса. Именно это противоречие... определяет нынешние социальные проблемы страны. Вся собственность, сконцентрированная в руках правящего класса за годы апартхейда, осталась у прежних владельцев – а около 80% сельскохозяйственных земель до сих пор находятся в руках белых фермеров... борьба против белых и черных господ до сих пор не завершена» [1, с. 230–234].

Апологетическая история южноафриканского апартхейда, представленная Д.А. Жуковым, завершается событиями 1994 г., когда власть в ЮАР перешла в руки АНК и черного большинства. Критическая история, рассказанная А.А. Манчуком, доведена до 2007 г., и автор в ней делает акцент на том, что очаги апартхейда в ЮАР пережили 1994 г. Хорошим примером этого, по его замечанию, является «Орания – знаменитая колония бурских расистов, широко известная в ультраправых кругах Америки и Европы» [1, с. 240]. Левый украинский журналист, горько сетующий о событиях Оранжевой революции 2004 г., с иронией отзываясь об этой колонии: «Орания – город вечной “Оранжевой революции”. На ее столбах и деревьях развешаны большие банты, очень похожие на

те, что украшали Киев в 2004 г. ... Еще более убогим смотрится местный “исторический музей” – скопище пожелтевших расистских плакатов, патриотических картин из жизни “вуртреккеров”¹, старых флагов ЮАР и символики прежней “белой” армии апартейда... Сюда, в Оранию, стоило бы переселить постсоветских нацистов – в этой пустынной резервации они найдут много похожих на себя людей и будут изолированы в безопасном для общества месте» [1, с. 243–245]. Д.А. Жуков подчеркивает, что история апартеида в Южной Африке закончилась после прихода к власти Манделы и его партии, для А.А. Манчука апартеид, а также связанные с ним расизм и воинственный белый национализм никуда не исчезли. Каждый из авторов смотрит на один и тот же феномен собственными глазами и делает отличные друг от друга выводы.

По итогам остается признать, что повествования об истории южноафриканского апартеида, если иметь в виду лишь двух упомянутых авторов², едва ли смогут до конца удовлетворить читателей, желающих приобрести более определенный, лучше однозначный, взгляд на историю южноафриканского апартеида. Возможно ли это в принципе? Последовательно занимая точку зрения каждого из упомянутых авторов, следует, пожалуй, согласиться, что такие истории не могут не быть нагружены ценностями и не могут

¹ Вуртрекеры (другое название «фуртрекеры», путешественники на фургонах. – Д.М.) – участники Великого трека 1835–1845 гг., т.е. переселения белых фермеров-буров внутрь африканского континента, в Трансвааль, Наталь и Свободную Оранжевую республику, по причине их несогласия с политикой британцев в Южной Африке, связанной с ограничением рабовладения и белого расизма в XIX и первой половине XX в.

² В книге также присутствует статья Рафиля Мустафина об истории создания атомной бомбы в 1970-е годы и последующем сворачивании атомного проекта в ЮАР, которая может быть интересна читателям [1, с. 247–255], а также статья «Белые африканцы сегодня: как живут белые в ЮАР после отмены апартеида» [1, с. 256–285], которая, если судить по стилистике, также подготовлена Д.А. Жуковым. Об этом свидетельствует ее финальный абзац: «Можно сколько угодно оплакивать самую развитую страну африканского континента, греша на англичан, американцев, черных террористов и деколонизацию. Факт остается фактом: белые южноафриканцы сами сдали свою страну первобытным дикарям, не пожелав поступиться экономическим благополучием. Глядя, как Южная Африка всё глубже погружается в постапокалиптическую архаику, невозможно не удивляться глупости этого решения» [1, с. 285].

не апеллировать к нашим чувствам справедливости и сострадания. Но, нам представляется, что своего рода лекарство для таких ситуаций всё-таки есть. Для этого историю южноафриканского апартеида следует писать и рассказывать не с позиций сочувствия белым бурам и не с позиций сочувствия черному африканскому большинству, а с позиций интересов российского общества, для которого южноафриканский опыт может быть весьма поучителен. Кажется, что соединив под одной обложкой двух разных авторов, рассказавших свою версию истории южноафриканского апартеида, издательство «Родина» и хотело достичь именно этой цели.

Список литературы

1. Жуков Д. Апартеид. Опыт ЮАР в борьбе с санкциями. – Москва: Родина, 2024. – 288 с.
2. Жуков Д. Апартеид. История режима. – Москва, 2007. – 56 с.
3. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Вопросы современной африканистики и проблемы развития. Избранные статьи и научные доклады (2012–2022 гг.). – Москва: Институт Африки РАН, 2022. – 480 с.
4. Манчук А. Кровь Донбасса. – Москва: Алгоритм, 2014. – 224 с.
5. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. – 528 с.

АЛЕКСАНИЯН Л.М.* ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТНОШЕНИИ СОМАЛИ (НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОГО АГЕНТСТВА ПО СОТРУДНИЧЕСТВУ И КООРДИНАЦИИ)

Аннотация. Африканское направление занимает приоритетное место во внешней политике Турецкой Республики. В последние годы динамично развиваются отношения Турции с Сомали, самым бедным и нестабильным государством Африканского Рога. Выбор Сомали в качестве стратегического партнера в регионе является частью более широкой внешнеполитической стратегии турецкого руководства, направленной на повышение значимости Турции в глобальной политике. Отправной точкой в турецко-сомалийских отношениях стал 2011 г., когда эта африканская страна столкнулась с беспрецедентной засухой, а Турция протянула руку помощи для борьбы с голодом. С этого момента началось укрепление турецких позиций в Сомали. Турция стала активно внедряться в таких сферах, как экономика, культура, оборона, религия. Конкретные шаги турецкого руководства и заинтересованность властей Сомали в сотрудничестве с турецкой стороной привели к установлению стратегического партнерства между двумя странами. Данная статья посвящена анализу гуманитарной политики Турции в отношении Сомали. Выявлены цели и задачи турецкой внешнеполитической стратегии, направленной на расширение турецкого присутствия в гуманитарном ландшафте в Сомали. Особое внимание уделено геостратегическому значению этого африканского государства во внешней политике Турции. Автором сделан вывод о том, что гуманитарная помощь Анкары Со-

* Алексанян Лариса Мгеровна – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

мали сыграла важнейшую роль в укреплении турецких позиций в данном государстве.

Ключевые слова: Турция; Сомали; гуманитарная дипломатия; Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA).

ALEKSANYAN L.M. Humanitarian Policy of Turkey towards Somalia (the Case of TİKA)

Abstract. Africa occupies important place in Turkey's foreign policy. In recent years, Turkey's relations with Somalia, the poorest and most unstable state in the Horn of Africa, have been developing dynamically. The choice of Somalia as a strategic partner in the region is part of the Turkish leadership's foreign policy strategy aimed at increasing Turkey's importance in global politics. The starting point for Turkish-Somali renewed relations began in 2011, when Somali faced an unprecedented drought and Turkey provided humanitarian assistance to combat famine. From that moment on, the strengthening of Turkish positions in Somalia began. Turkey began to actively introduce itself in such areas of the country as the economy, culture, defense, and religion. The foreign policy of Turkish leadership and the interest of the Somali authorities in cooperation with Turkey led to the establishment of a strategic partnership between the two countries. This article is devoted to the analysis of Turkey's humanitarian policy towards Somalia. The goals and objectives of the Turkish foreign policy strategy aimed at expanding the Turkish presence in the humanitarian landscape in Somalia are identified. Particular attention is paid to the geostrategic significance of this African state in Turkish foreign policy. The author concludes that Ankara's humanitarian assistance to Somalia played a vital role in strengthening Turkish positions in this state.

Keywords: Turkey; Somalia; humanitarian diplomacy; Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA).

Для цитирования: Алексанян Л.М. Гуманитарная политика Турецкой республики в отношении Сомали (на примере Турецкого агентства по сотрудничеству и координации) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 3. – С. 83–92. – DOI: 10.31249/rva/2024.03.05

Общий внешнеполитический курс турецкого руководства на превращение Турции в мировую державу, а также геоэкономиче-

ские интересы страны стали причинами повышенного внимания официальной Анкары к региону Африканского Рога, в частности государству Сомали. Выбор Сомали, как одного из основных направлений внешней политики Анкары на Африканском континенте, связан с рядом причин. Во-первых, это объясняется тем, что данное государство «по причине своей политической специфики к началу XXI в. не входило в сферу влияния ни одной из великих держав» [2] и являлось потенциальным плацдармом для распространения турецкого влияния в регионе Африканского Рога и на Черном континенте в целом. Во-вторых, Сомали как «неудавшаяся государственность», где лишь 60% территорий находится под контролем федеральных властей в Могадишо, а на севере и северо-востоке расположены самопровозглашенные государства Сомалиленд и Пунтленд, а также действуют разные исламистские группировки, открыло возможность для Турции повысить свою популярность во всей Африке. Дело в том, что отсутствие полной политической стабилизации в Сомали побуждает Турцию проверить свою способность участвовать в урегулировании вооруженных конфликтов в государстве [10], взять на себя роль посредника не только в Сомали, но и в других конфликтогенных регионах Африки. В-третьих, оказывая гуманитарную помощь Сомали и продвигая идею исламской солидарности, Турция старается позиционировать себя в качестве лидера исламского мира и защитника всех мусульман.

«Важность военно-политического и экономического присутствия Турции в Сомали определяется также стратегическим расположением этой страны в регионе Африканского Рога, что обеспечивает Анкаре доступ в Индийский океан и стратегически важный регион Красного моря, по которому идут основные поставки нефти в Европу» [2]. Контролируя этот важный транспортный и логистический узел, Турция может усилить свои позиции на мировой арене. Кроме этих факторов, Анкара крайне заинтересована также в добыче топливно-энергетических и минеральных ресурсов Сомали.

Центральное руководство Сомали, в свою очередь, заинтересовано в тесном сотрудничестве с Турцией, рассматривая ее в качестве страны, способной разрешить внутривнутриполитические и экономические проблемы Сомали, способствовать развитию государства.

Неслучайно, что наиболее восприимчивой к турецким инициативам среди всех африканских стран оказалось именно Сомали.

Турецко-сомалийское сотрудничество началось в гуманитарной сфере, когда Сомали столкнулось с серьезными проблемами из-за сильнейшей засухи за последние 50 лет. С этого момента Турция стала одним из крупнейших доноров Сомали, предоставляя ему обширную гуманитарную помощь. Анкара старалась продвигать свои экспансионистские планы под гуманитарным прикрытием.

При построении концепции гуманитарной дипломатии в отношении Сомали турецкое руководство во главе с Р.Т. Эрдоганом ссылалось на исламскую солидарность. На внеочередном заседании Организации исламского сотрудничества (ОИС) в Стамбуле по Сомали и на пресс-конференции по случаю возвращения из своего исторического визита в Могадишо в 2011 г. Эрдоган ссылался на Коран [7, р. 665] и призвал всех членов организации оказать помощь нуждающимся в Сомали. Анкара, выступая в роли неравнодушной страны и защитницы мусульман Сомали, начала противопоставлять свою помощь вмешательству «имперской Европы» с колониальным прошлым.

В рамках гуманитарной дипломатии «Турция стала вести планомерную работу по созданию “инфраструктуры доверия” своему присутствию в Сомали: государственные агентства и НПО начали регулярно участвовать в проектах развития и оказания гуманитарной помощи местному населению, а крупные национальные компании инициировать масштабные акции по сбору средств для борьбы с голодом» [3].

Сразу после визита Эрдогана в Сомали в 2011 г. Анкара предоставила чрезвычайную помощь, в частности 15 тыс. т продуктов питания и медикаментов. «В течение двух месяцев объем помощи государственных фондов и общественных пожертвований для Сомали достиг 300 млн долл.» [4, с. 189]. В ноябре 2011 г. в Могадишо открылось турецкое посольство, в то время как большинство государств, включая Соединенные Штаты, продолжали работать из-за пределов Сомали по соображениям безопасности, что также указывало на значимость сомалийского направления во внешней политике Турции. «Открытие посольства, последующее проведение Стамбульской конференции по Сомали в мае 2012 г. и воз-

главление проектов ОИС по оказанию помощи Сомали были среди инициатив, предпринятых Турцией для материализации своих отношений с Сомали» [5, р. 67]. Более того, в Сомали были направлены сотни турецких гуманитарных работников, врачей и государственных советников, были построены полевые госпитали, приюты. Анкара создала в Сомали передвижные пункты питания и превратила разбомбленные дома и другие здания в больницы, поликлиники и школы [19, р. 15]. Тысячи сомалийских школьников получили стипендию для обучения в Турции. Турецкие специалисты начали работать над восстановлением главных дорог столицы. 5 марта 2012 г. Turkish Airlines стала первым международным авиаперевозчиком, совершившим прямые рейсы в Могадишо после политического кризиса в Сомали в 1991 г. [19, р. 6]. Уже к 2013 г. Сомали стало вторым по величине получателем турецкой гуманитарной помощи после Сирии. Гуманитарное присутствие Турции в Сомали в последующие годы стало более всеобъемлющим. В 2013 г. Турция начала предоставлять помощь в целях развития и наращивания потенциала в Сомали, уделив особое внимание инфраструктуре, образованию и здравоохранению. Согласно годовому отчету Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (TİKA), с 2011 по 2017 г. Турция предоставила помощь Сомали в размере 805 млн долл. По данным, предоставленным посольством Турции в Могадишо, в 2015 г. в Сомали действовали три турецких больницы и десять турецких школ. Одна из этих больниц была построена правительством Турции, остальные две – турецкими НПО. Среди турецких школ особенно выделились религиозные и сельскохозяйственные школы. «Во время второго и третьего визитов Эрдогана в Сомали в 2015 и 2016 гг. соответственно было подписано несколько двусторонних соглашений и запущены новые проекты, такие как крупнейшее дипломатическое здание Турции в Могадишо, а также крупный научно-исследовательский и учебный госпиталь» [9, р. 4]. За последнее десятилетие Сомали получило турецкую помощь в размере 1 млрд долл. [1, с. 76]. Турция заняла первое место среди стран по объему реконструкции и строительства государственных учреждений, жилых комплексов, дорог, телекоммуникационных линий и культурно-религиозных центров в этом африканском государстве.

Значительный вклад в развитие гуманитарной отрасли турецко-сомалийского сотрудничества внесло Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA) [1, с. 76] – один из ключевых институтов гуманитарной дипломатии Турции. В 2011 г. это агентство открыло свой офис в Могадишо и начало координировать проекты в сфере инфраструктуры, сельского хозяйства, образования и здравоохранения. Это агентство имеет мандат на координацию всех потоков помощи, поступающих от других государственных учреждений Турции [6, р. 24]. К 2012 г. помощь Турции Сомали составляла 30,5% бюджета агентства [9, р. 3]. TİKA скоро начало реализовывать проекты не только в Сомали, но и в Сомалиленд и Пунтленд. Под контролем агентства было реконструировано 23 км ключевых дорог столицы, способствуя также развитию бизнеса и торговли в стране. Среди крупных проектов, реализованных агентством, была реконструкция аэропорта Могадишо.

Здравоохранение стало одной из основных сфер деятельности TİKA. Помимо создания четырех полевых госпиталей в Сомали для лечения больных истощением и холерой, TİKA предоставило десятки тысяч тонн медицинских материалов и продуктов питания [9, р. 2]. TİKA обеспечило необходимым медицинским оборудованием турецкий госпиталь в Могадишо – самую современную больницу в Восточной Африке [20, р. 3], а также государственную больницу Харгейса в регионе Сомалиленд (2019) [11, р. 95]. Параллельно всему этому TİKA совместно с турецкой учебно-исследовательской больницей имени Р.Т. Эрдогана начало заниматься подготовкой медицинских работников.

Турецкое агентство активно реализует также проекты в сфере медицинской инфраструктуры. В 2015 г. благодаря усилиям TİKA в Сомали был создан учебно-исследовательский центр имени Р.Т. Эрдогана, в 2022 г. – медицинский центр, предоставляющий профилактические медицинские услуги сомалийским солдатам [12]. В 2023 г. агентство создало систему отслеживания и управления пациентами в государственной родильной и детской больнице Банадыр в Могадишо [13].

Заметным сектором турецкой гуманитарной помощи Сомали является область образования. TİKA активно поддерживает высшее образование, обеспечив разные учебные заведения необходи-

мыми учебными материалами и современным оборудованием. Например, в 2020 г. агентство предоставило учебные материалы Восточноафриканскому университету (г. Буудул), благодаря чему студенты получили доступ не только к теоретическому образованию, но и практическим знаниям [14]. ТІКА также поддерживает Сомалийский национальный университет (Уммада) в Могадишо, реализовав проект «Социальное пространство». В рамках данного проекта были построены кафетерий, деревянные беседки, бассейн с фонтаном, открытая сцена, футбольное поле, баскетбольная площадка, общественные туалеты, раздевалки и душевые [18]. ТІКА реализует проекты, предполагающие строительство и реконструкцию учебных заведений. Агентство приняло участие в строительстве Центра образования и сирот Сомали и обеспечило его техническое оснащение (2022) [15]. Центр обеспечивает едой, кровом и образованием большое количество сомалийских сирот. ТІКА также играет важную роль в реализации проектов, предполагающих строительство турецких школ в Сомали и обучение сомалийцев в турецких университетах. Кроме этого, ТІКА занимается реализацией образовательных программ для поддержки профессиональной подготовки.

ТІКА развивает свою деятельность также в сфере сельского хозяйства, которая является жизненно важным сектором экономики для Сомали. «Программы ТІКА в данной сфере направлены на сокращение бедности в стране, обеспечение продовольственной безопасности, увеличение доходов бедных слоев населения» [1, с. 77]. ТІКА предоставляет бесплатное обучение по сельскому хозяйству и рыболовству, выдавая участникам сельскохозяйственное оборудование. Для улучшения сельскохозяйственного образования агентство установило две теплицы площадью 250 м² на факультете сельского хозяйства Сомалийского национального университета в Могадишо (2023) [8]. Такие теплицы были построены также на сельскохозяйственном факультете Университета Харгейсы, государственного университета в Сомалиленде (2021), с целью обучения сомалийцев современному тепличному земледелию и овощеводству [16]. ТІКА активно поддерживает реализацию «Проекта сельскохозяйственного развития» в юго-западном регионе Сомали [17]. Кроме этого, ТІКА активно реализует проекты в сфере защиты и управления водными ресурсами в Сомали. В частности,

агентство разрабатывает и реализует проекты «по обеспечению населения питьевой водой и установке водосточных сооружений в стране» [1, с. 77].

Таким образом, в 2011 г. в политическом ландшафте Сомали появился новый внерегиональный игрок – Турция, которая в силу своих экономических и геополитических интересов стала проводить активную политику в отношении этого африканского государства. Гуманитарная дипломатия стала эффективным инструментом внешней политики Турции в отношении Сомали, обеспечив прочную основу для развития стратегического партнерства между двумя странами. Благодаря проектам развития, чрезвычайной и официальной гуманитарной помощи Турции удалось обеспечить себя позитивным имиджем внутри страны, создать «инфраструктуру доверия» и укреплять свои позиции не только в Сомали, но и в регионе Африканского Рога. Учитывая масштаб реализованных и разработанных проектов ТІКА – ключевого института гуманитарной политики Турции, можно утверждать, что сомалийское направление турецкой внешней политики имеет потенциал дальнейшего развития и углубления.

Список литературы

1. Алексанян Л.М. Политика Турции в Африке на современном этапе (политический, экономический, гуманитарный аспекты) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2023. – № 2. – С. 67–80.
2. Тене А. О политике Турецкой Республики в регионе Красного моря и Африканского Рога в контексте ее соперничества с другими исламскими государствами // Исламоведение. – 2021. – Т. 12, № 1 (47). – С. 55–67.
3. Колесникова М. Сомали – «золотой ключик» Анкары? // Международная жизнь. – 2024. – 14.03. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/45042> (дата обращения: 12.03.2024).
4. Хайруллин Т. Катарско-турецкий альянс в борьбе за лидерство в Сомали // Ислам в общественно-политической жизни стран и народов. – 2021. – Том 17, № 4. – С. 187–200. – URL: [file:///C:/Users/Asus/Downloads/_%20\(1\). pdf](file:///C:/Users/Asus/Downloads/_%20(1).pdf) (дата обращения: 4.03.2024).
5. Abdulkarim Y.A. Economic Relations Between Türkiye and Somalia: Prospects and Challenges // Somali Studies. – 2022. – Vol. 7. – P. 64–86.
6. Turkish Aid Agencies in Somalia: Risks and Opportunities for Building Peace / Achilles K., Sazak O., Wheeler T., Woods E. // Saferworld and Istanbul Policy Centre. – 2015. – March. – URL: <https://www.saferworld-global.org/resources/pub>

- lications/893-turkish-aid-agencies-in-somalia-risks-and-opportunities-for-building-peace (дата обращения: 1.04.2024).
7. Altunisik M.B. Humanitarian Diplomacy as Turkey's National Role Conception and Performance: Evidence from Somalia and Afghanistan // *Southeast European and Black Sea Studies*. – 2022. – Vol. 23 (3). – P. 657–673.
 8. Boosting Somalia's Agricultural Infrastructure with TİKA // *iGrow News*. – 2023. – 21.11. – URL: <https://igrownews.com/boosting-somalias-agricultural-infrastructure-with-tika/> (дата обращения: 15.03.2024).
 9. Dahir A., Cismaan S. Turkey in Africa: A Decade of Turkish Aid and State-Building in Somalia // *TRT World Research Centre*. – 2021. – 16.08. – URL: <https://researchcentre.trtworld.com/featured/turkey-in-africa-a-decade-of-turkish-aid-and-state-building-in-somalia/> (дата обращения: 13.03.2024).
 10. Donelli f. Red Sea Politics: Why Turkey is Helping Somalia Defend Its Waters // *The Conversation*. – 2024. – 28.02. – URL: <https://theconversation.com/red-sea-politics-why-turkey-is-helping-somalia-defend-its-waters-224377> (дата обращения: 3.03.2024).
 11. Siradag A. Turkish-Somali Relations: Changing State Identity and Foreign Policy // *Sarajevo Journal of Social Sciences*. – 2016. – N 2. – P. 89–106.
 12. TİKA Built a Health Center in Somalia // *Reliefweb*. – 2022. – 15.04. – URL: <https://reliefweb.int/report/somalia/t-ka-built-health-center-somalia> (дата обращения: 2.04.2024).
 13. TİKA'dan Somali'nin Sağlık Altyapısına Destek // *TİKA*. – 2022. – 20.12. – URL: https://tika.gov.tr/detail-tika%27dan_somali%27nin_saglik_altyapisina_destek/ (дата обращения: 2.04.2024).
 14. TİKA Supports Higher Education in Somalia // *TİKA*. – 2020. – 17.08. – URL: https://tika.gov.tr/en/detail-tika_supports_higher_education_in_somalia/ (дата обращения: 2.04.2024).
 15. TİKA Supports the Orphans and Education Center in Somalia // *Reliefweb*. – 2022. – 21.04. – URL: <https://reliefweb.int/report/somalia/t-ka-supports-orphans-and-education-center-somalia> (дата обращения: 1.04.2024).
 16. TİKA Supports Agricultural Production in Somaliland // *Reliefweb*. – 2021. – 27.12. – URL: <https://reliefweb.int/report/somalia/t-ka-supports-agricultural-production-somaliland> (дата обращения: 15.03.2024).
 17. TİKA Supports Agricultural Development in Somalia // *TİKA*. – 2021. – 1.12. – URL: https://tika.gov.tr/en/detail-tika_supports_agricultural_development_in_somalia/ (дата обращения: 11.03.2024).
 18. Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA) Supports the Somali National University // *Ventures*. – 2023. – 3.02. – URL: <https://venturesafrica.com/apostories/turkish-cooperation-and-coordination-agency-tika-supports-the-somali-national-university/> (дата обращения: 2.04.2024).
 19. Wasuge M. Turkey's Assistance Model in Somalia: Achieving Much With Little. – Mogadishu: Heritage Institute for Policy Studies, 2016. – 29 p.
 20. Yusuf I.F., Wasuge M., Sharif M. Turkey's Role in Public Service and Infrastructural Development in Mogadishu. – Mogadishu: Somali Public Agenda, 2022. – 20 p.

МИХЕЛЬ И.В.* ИЕРУСАЛИМ: БЕСПРИСТРАСТНАЯ ИСТОРИЯ.
Рец. на кн.: КИЧА М.В. ИЕРУСАЛИМ. ВСЕ ЛИКИ ВЕЛИКОГО
ГОРОДА. – Москва: Бомбора, 2023. – 432 с.

Аннотация. Книга Марии Кича посвящена истории Иерусалима за последние четыре тысячи лет. Написанная для широкой аудитории, эта книга будет весьма полезна и специалистам. Автор предлагает попытку беспристрастного исторического повествования о великом городе, предоставив возможность на равноправной основе звучать голосам всех народов, сражавшихся за обладание этим городом. История Иерусалима сакрализирована и мифологизирована. Одни истины здесь непримиримо сталкиваются с другими, а аргументы противников совершенно не принимаются в расчет. Но по ту сторону вымыслов и фальсификаций лежит еще одна история, полная человеческих страданий и надежд. В 29 главах этой интересной и полезной книги читатели получают возможность увидеть город в разные его эпохи – от времен, предшествующих появлению там древних евреев, до настоящих дней, когда город вновь превратился в арену очередного межконфессионального конфликта.

Ключевые слова: Иерусалим; Мария Кича; беспристрастная история.

MIKHEL I.V. Jerusalem: An Unbiased History. Book Review.
Kicha M.V. Jerusalem. All the Faces of the Great City. Moscow:
Bombora, 2023. 432 p. (in Russian)

* Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. Maria Kicha's monograph focuses on the history of Jerusalem over the past four thousand years. Written for a general audience, this book will be of great use to specialists as well. The author offers an attempt at an unbiased historical narrative of the great city, giving equal voice to the voices of all the peoples who fought for the possession of this city. The history of Jerusalem is sacralized and mythologized. Some truths clash irreconcilably with others, and the arguments of opponents are completely disregarded. But on the other side of fictions and falsifications lies another story full of human suffering and hope. In the 29 chapters of this interesting and useful book, readers will have the opportunity to see the city in its different eras, from the time before the ancient Jews arrived there to the present day, when the city has once again become the scene of another inter-religious conflict.

Keywords: Jerusalem; Maria Kicha; unbiased history.

Для цитирования: Михель И.В. Иерусалим: беспристрастная история // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 3. – С. 92–99. – Рец. на кн.: Кича М.В. Иерусалим. все лики великого города. – Москва: Бомбора, 2023. – 432 с. – DOI: 10.31249/gva/2024.03.06

Мария Кича по роду своей основной специальности историк государства и права. В 2015 г. она защитила кандидатскую диссертацию по юридическим наукам, после чего избрала карьеру независимого исследователя. Самостоятельно изучив целый ряд языков Ближнего Востока (фарси, иврит, арабский и др.), она начала путешествовать по странам региона и изучать их историю [1]. К настоящему времени ею опубликовано пять книг [2; 3; 4; 5; 6], последняя из которых посвящена четырехтысячелетней истории Иерусалима. В настоящее время М.В. Кича работает над книгой о Саддаме Хусейне.

Написать беспристрастную книгу об истории великого города – непросто, поскольку вокруг него и по поводу его уже несколько тысячелетий кипят страсти. Как утверждает автор, «ни один другой город не повлиял на судьбу человечества так сильно и глубоко, как Иерусалим. Целые народы и отдельные правители мечтали овладеть им. Египтяне, хетты, ассирийцы, вавилоняне, персы, греки, римляне, византийцы, сарацины, крестоносцы, осма-

ны, британцы, арабы и израильтяне оставили свой след на страницах иерусалимской летописи. Историю города создавали библейские патриархи и цари, императоры и пророки, фараоны и халифы, апостолы и короли, султаны и полководцы – Авраам, Давид, Соломон, Александр Македонский, Помпей, Клеопатра, Ирод, Петр, Павел, Константин, Мухаммед, Ричард Львиное Сердце, Сулейман Великолепный... Согласно христианской традиции, величайший человек, когда-либо рожденный на земле, – Иисус Христос, – совершил в Иерусалиме величайший поступок: Его искупительная жертва и воскресение из мертвых увековечили славу города, сделав Иерусалим священным» [6, с. 10].

Книга М.В. Кичи написана в жанре популярной истории, но при этом насыщена ссылками на первоисточники и содержит приличный список литературы. Кроме того, в ней присутствует словарь географических понятий, а используемые постраничные примечания и изобилие терминов с использованием шрифтов восточных языков придает ей еще большую солидность. Безусловно, она не останется незамеченной не только специалистами, но и самой широкой аудиторией, к которой в первую очередь и обращена.

Об истории Иерусалима известно немало, но книга, о которой идет речь, кажется, позволяет удостовериться в том, что целостный взгляд на историю этого великого города всё еще далеко не сформирован. История Иерусалима уходит корнями вглубь времен и начинается задолго до прихода в эти земли евреев. Имеющиеся археологические данные позволяют судить, что первые поселения на этой земле, появились около пяти тысяч лет назад. Письменных свидетельств о первых двух тысячелетиях Иерусалима, в сущности, нет, лишь в 1000 г. до н.э., когда евреи завладели Ханааном, история города становится предметом внимания библейских авторов. В дальнейшем его история фиксировалась и другими народами – христианами, мусульманами, британцами и др. «1000 лет Иерусалим был иудейским, около 400 лет – христианским и 1300 лет – мусульманским» [6, с. 23].

Иерусалим называют «городом мира», но вся связанная с ним история была историей войн и разнообразных конфликтов. «Город был полностью разрушен как минимум два раза, осажден – 23 раза, атакован – еще 52 раза, захвачен и отбит – 44 раза. Он яв-

лялся ареной 20 восстаний и бесчисленных беспорядков – и лишь дважды переходил из рук в руки» [6, с. 12].

Книга включает в себя 29 глав, каждой из которых предшествуют один-два в высшей степени характерных эпиграфа. Обычно это высказывания известных авторов, как древних, так и современных, о Иерусалиме, причем напрямую относящиеся к предмету обсуждения в рамках главы. Названия самих глав связаны в основном с теми историческими лицами или событиями, которые оставили главный след в истории великого города в эти годы или десятилетия. «Город жертвы» – об Иерусалиме до прихода в Ханаан евреев во главе с Иисусом Навином. Жертвы Богу здесь приносились издавна, за много веков до крестной жертвы Иисуса Христа. «Город Давида», «Город Соломона», «Город в эпоху двух царств» – о городе, после того как он стал религиозным и административным центром еврейского мира и в нем был построен первый иудейский храм. «Разрушенный город», «Возвращение в город» – об Иерусалиме времен пророков, времен Вавилонского пленения и возвращения из Вавилонского плена. «Эллинистический город» – крайне интересная глава о том, как город иудеев был перекован в один из административно-политических центров греческого мира и какие потрясения это вызвало. «Город Ирода Великого» – о городе на рубеже двух тысячелетий, о знаменитом царе Ироде, чья деятельность была связана с воплощением крупных архитектурных проектов, и о строительстве второго иудейского храма. «Город Иисуса», «Восставший город», «Римский город» – об Иерусалиме времен Сына Божьего и его пророчества о том, что «не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено» (Мф. 24:2), об иудейских восстаниях против римлян и последовавшем за этим тотальном разрушении Иерусалима и его иудейского храма.

Глава «Город раввинов» – о постепенном возрождении города после подавления восстания Бар-Кохбы 135 г. и реорганизации еврейской жизни в Палестине Сирийской. С этого момента он получил римское название – Элия Капитолина, и под таким именем существовал еще несколько веков. «Византийский город» – о городе во времена Восточно-Римской империи и официального признания христианства, когда в городе вновь развернулось величественное каменное строительство и была образована Иерусалимская патриархия. «Исламский город» – о городе после его захвата ара-

бами, когда из Элии Капитолины он превращается в Аль-Кудс (Святой город) и прирастает мусульманскими мечетями, в том числе знаменитой Аль-Акса, которая была построена на знаменитой Храмовой горе, где некогда стояли первый и второй иудейские храмы, и которая стала третьей по значимости святыней ислама после мечетей в Мекке и Медине. «Город крестоносцев» – о еще одном христианском столетии города, когда он вновь превратился в Иерусалим и духовно-политический центр Святой Земли. «Город Саладина» – о городе, вновь вернувшемся в лоно ислама. «Беззащитный город», «Город в хаосе», «Город в забвении» – об истории города с XIII по XVI в., когда пребывал во власти исламских правителей Египта – Айюбидов и мамлюков. «Османский город», «Сдавшийся город» – о жизни Иерусалима и его жителей с XVI по XIX в., когда он постепенно утратил свое бывшее величие и превратился в захиревшее селение, на которое почти никто не обращал внимания вплоть до середины XIX в., когда политическое ослабление Османской империи стало поводом для вмешательства в дела ее ближневосточных владений более могущественных держав – Англии, Франции, Германии и России.

«Город под британским мандатом» – об истории Иерусалима между двумя мировыми войнами, когда он стал центром еврейской миграции и превратился в предмет борьбы между мусульманской и растущей еврейской общинами. «Город во время войны» – об Иерусалиме во время арабо-израильской войны 1948 г., по итогам которой город оказался разделен на западную (израильскую) и восточную (арабскую) часть. «Разделенный город» – о городе с 1948 по 1967 г., когда он продолжал быть пространством непримиримого противостояния двух его главных общин, поддерживаемых с одной стороны Израилем, а с другой – соседними арабскими государствами. «Объединенный город» и «Город, не ставший единым» – об Иерусалиме после очередной арабо-израильской войны, приведшей к силовому захвату израильской армией Восточного Иерусалима, находившегося до этого под властью Иордании, и израильской политике, направленной, с одной стороны, на умиротворение палестинцев, а с другой – на вытеснение арабского населения за пределы города. «Город и международное право», «Политические решения для города» и «Осажден-

ный город» – последние три главы – о Иерусалиме нашего времени и его неразрешимых проблемах.

Чтобы охарактеризовать лишь некоторые из них, следует привести несколько выдержек из финальной части книги. «Вопреки всем клише о нем, Иерусалим никогда не был городом братской любви и сегодня таковым не является. Это Ноев ковчег христианских монахов в капюшонах, мусульманских шейхов в тюрбанах и евреев в черных лапсердаках. Они проходят друг мимо друга по белокаменным ступеням, и каждый молча созерцает свое грандиозное видение Иерусалима, в котором людям, идущим рядом с ним, нет места» [6, с. 411]. «И палестинцы, и израильтяне уверены, что имеют законные права на одни и те же объекты. И те и другие объявили Иерусалим столицей своего государства: израильтяне – в 1948 г., палестинцы – в 1988 г. Ни один переговорщик не может отказаться от претензий на город. В Кэмп-Дэвиде Арафат заявил Клинтону: “Я не могу предать свой народ. Ты хочешь прийти на мои похороны? Я лучше умру, чем соглашусь на суверенитет Израиля над Харам аш-Шариф. Я не войду в арабскую историю как предатель”. Месяц спустя Эхуд Барак фактически повторил слова своего врага: “Ни один израильский премьер-министр никогда не передаст исключительный суверенитет над Храмовой горой арабам. Это колыбель и сердце самобытности еврейского народа на протяжении 3000 лет”» [6, с. 418]. «Проблема разделения Иерусалима связана отнюдь не только со статусом святых мест и Старого города. Спор вокруг Иерусалима – это спор о деньгах и недвижимости, о преступлениях (реальных и мнимых), об интеграции и сохранении идентичности, о перспективах диалога и его фактическом отсутствии, о роли государства в жизни общества и его способности (или неспособности) коммуницировать с разными социальными слоями, а также о многом другом. Это центр арабо-израильского конфликта во всех проявлениях, его суть и сердце. Сегодня Иерусалим, вопреки израильскому законодательству, разделен как никогда – национально, религиозно, идеологически, экономически, политически, физически, наконец (забором и КПП). Аннексировав арабские деревни, Израиль официально вычленил их из состава Западного берега и присоединил к своей столице, но это не принесло никому ничего хорошего. Арабо-израильский конфликт, напротив, усугубился, оброс новыми противоречиями,

обидами и претензиями. Ибо спор о статусе Иерусалима – это спор о добре и зле, а их понимание у обеих сторон конфликта принципиально различается» [6, с. 421].

Как показывает автор, история Иерусалима не только сакрализована, но и крайне мифологизирована. Современному человеку тяжело разобраться, что в ней правда, а что вымысел или фальсификация. Существовало ли единое иудейско-израильское государство во времена древних пророков? Были ли в городе дворцы? Был ли храм на Храмовой горе, который согласно Библии был разрушен. Современные арабские политики настаивают, что его не было. Современные израильские политики доказывают, что он несомненно был. Но, как утверждает М.В. Кича, «все это неважно, ибо для восточного человека – главное память, причем не только историческая, но и мифологическая» [6, с. 423].

Если же говорить о реальном Иерусалиме, находящемся по ту сторону вымысла и мифологии, то ситуация выглядит более прозаично. «На протяжении тысячелетий многие желали обладать Иерусалимом, но мало кто заботился о нем. Длительные периоды заброшенности и запустения чередовались с краткими промежутками, когда Иерусалим развивался» [6, с. 423]. Сегодня Иерусалим – один из беднейших городов Израиля, хотя он густонаселен и весьма популярен у паломников и туристов.

Весьма примечательны выводы автора об Иерусалиме. «Это эсхатологический город, находящийся сразу в начале и конце времен. Если реальный Иерусалим не раз умирал и возрождался, то идеальный Иерусалим не умрет никогда... Всякий раз захватчики (города. – И.М.) падали под ударами нового поколения завоевателей. Обладание Иерусалимом в определенный отрезок времени – даже в течение десятков или сотен лет – не является и не может являться веским аргументом в пользу неотъемлемого права собственности на него ни в настоящем, ни в будущем... сейчас в Иерусалиме – пожалуй, в большей мере, чем где бы то ни было на земле – нет ни настоящего, ни будущего, только прошлое, повторяющееся снова и снова» [6, с. 423–424.]

Специалисты, склонные к анализу мелких деталей, могут упрекнуть автора за ее стремление дать общую панораму и нежелание входить в частности. Нам представляется, что со своей задачей автор успешно справился и представил текст, который может

вдохновлять на новые, более глубокие и детализированные исследования. Однако читатель, безусловно, не пройдет мимо этой полезной и интересной книги, которая читается на одном дыхании. Она была закончена автором 8 июля 2023 г. в Багдаде, ровно за три месяца до очередного крупного ближневосточного конфликта, ареной которого на этот раз стали Газа и Западный берег. В новейшей истории противостояния на Святой земле Иерусалим пока еще остается на втором плане. Но долго ли это продлится? Как показывают предыдущие несколько тысячелетий, Иерусалим после некоторого промедления всегда возвращался в самый центр событий. Случится ли так вновь, неясно. В любом случае, история Иерусалима продолжается.

Список литературы

1. Ракуль Е. Ростовский юрист Мария Кича путешествует и изучает Ближний Восток. – URL: <https://rg.ru/2023/10/25/reg-ufo/rostovskij-iurist-mariia-kicha-puteshestvuet-i-izuchaet-blizhnij-vostok.html> (дата обращения: 05.02.2024).
2. Кича М.В. Стамбул. Перекресток эпох, религий и культур. – Москва: Бомбора, 2020. – 432 с.
3. Кича М.В. Мекка. Биография загадочного города. – Москва: Бомбора, 2020. – 368 с.
4. Кича М.В. Династии. Как устроена власть в современных арабских монархиях. – Москва: Бомбора, 2021. – 408 с.
5. Кича М.В. Афганистан. Подлинная история страны-легенды. – Москва: Бомбора, 2022. – 472 с.
6. Кича М.В. Иерусалим. Все лики великого города. – Москва: Бомбора, 2022. – 432 с.

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

ЧАЙНИКОВ Ю.В.* МАЛЕНЬКАЯ КРАСНАЯ ТОЧКА. Рец. на кн.: ЛИ КУАН Ю. ИЗ ТРЕТЬЕГО МИРА – В ПЕРВЫЙ. ИСТОРИЯ СИНГАПУРА (1965–2000). Москва: МИФ, 2023. 576 с.

Аннотация. В книге выдающегося государственного деятеля Ли Куан Ю описан 35-летний опыт его пребывания на посту премьер-министра Сингапура, попытки страны найти свое место в мировом хозяйстве, реформы, которые были необходимы для удержания этого места, международные контакты на высшем уровне, разные условия жизни китайцев в разных странах.

Ключевые слова: Сингапур; Ли Куан Ю; реформы.

CHAINIKOV Yu.V. Small Red Dot. Book Review. From Third World to First. The Singapore Story. 1965–2000. Moscow: MIF, 2023, 576 p. (in Russian)

Annotation. The book of the outstanding statesman describes the 35-year experience of his tenure as Prime Minister of Singapore, the country's attempts to find its place in the world economy, the reforms that were necessary to retain this place, international contacts at the highest state level, different living conditions of Chinese in different countries.

Keywords: Singapore; Lee Kuan Yew; reforms.

Для цитирования: Чайников Ю.В. Маленькая красная точка // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 3. – С. 101–112. – Рец. на кн.: Ли Куан Ю. Из третьего мира – в первый. История Сингапура

* Чайников Юрий Викторович – ведущий редактор Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

(1965–2000). – Москва: МИФ, 2023. – 576 с. – DOI: 10.31249/rva/2024.03.07

Формально – это разбитые на 42 главы воспоминания о жизни на посту премьера Сингапура, более или менее последовательно и обстоятельно изложенные, правда, иногда с резкими нырками воспоминаний в другие времена и обстоятельства. По сути книга состоит из четырех корпусов, каждый из которых объединен своей темой, это: проблемы и реформы (главы 1–15); отношения с соседями (Малайзия, Индонезия, Таиланд, Филиппины, Бруней, Вьетнам, Мьянма и Камбоджа, АСЕАН), т.е., тот фон, на котором решались все проблемы (гл. 16–20); отношения со странами Британского содружества и развитыми странами (Европа, СССР, Америка, Азия), общение с руководителями государств (главы 21–33); разная организация жизни китайцев в разных странах (Гонконг, Тайвань, КНР) (гл. 34–40).

Вначале Ли Куан Ю фрагментарно касается обстоятельств появления на политической карте мира Сингапура как самостоятельного государства, но именно они, эти обстоятельства (прокоммунистическая попытка государственного переворота в 1965 г. в Индонезии и реакция на него всех государств региона), поставили Сингапур, территорию с преобладанием этнических китайцев, перед жестким вызовом: 9 августа 1965 г. федеральное правительство (а Сингапур тогда был в составе Федерации Малайзии) потребовало от Сингапура выйти из состава Федерации. Так, штат стал независимым государством, идущим по непроторенному пути. «Мы столкнулись с огромными препятствиями, и наши шансы на выживание были невероятно малы. Сингапур являлся искусственным образованием. Созданный англичанами в качестве торгового форпоста, он постепенно стал центральным пунктом их всемирной морской империи. С ее крахом мы унаследовали остров без материка, сердце без тела» (с. 17).

С самого начала своего существования Сингапур выживал как перевалочный пункт мировой торговли. «Каким образом мог выжить независимый Сингапур, не являясь более центром обширного региона, которым Великобритания когда-то управляла как единым целым?» Перед страной встал вопрос пути развития. Максимально использовать те немногочисленные активы, которые

имелись в его распоряжении, в первую очередь природную гавань мирового класса, имеющую выгодное стратегическое расположение на одном из самых оживленных перекрестков всемирной сети морских путей (с. 21).

«Если бы мы не смогли найти новую парадигму развития, то наше будущее выглядело бы довольно мрачно» (с. 51). Надо было так выстроить экономику, чтобы население было занято, а товар востребован. Внутренний рынок очень мал (население 2 млн человек), конкурировать с промышленными гигантами бессмысленно. Промышленное производство на территории, не имеющей источников воды, – безумие. Надо было найти свою нишу, создать свои рабочие места (с. 54).

В сущности, речь шла о возвращении к старому образцу – снова стать одним из ключевых элементов мирового хозяйства. Но как найти «свой товар», с которым можно было бы выйти на мировые рынки? Этого никто не знал.

Были в избытке рабочие руки, которые нужно было занять на выгодной для всей страны работе. Пришлось приложить много усилий по привлечению иностранного капитала. В условиях напряженных отношений с соседями на помощь пришли китайцы из Гонконга и Тайваня с простыми трудоемкими технологиями, которые частично решали проблему безработицы, но не решали проблему развития радикально, не выводили страну на мировой рынок в качестве крупного производителя. Это последнее было неременным условием развития страны, а поскольку соседи взяли курс на сокращение экономических связей с Сингапуром (последствия политического кризиса в регионе 1965 г.), то было решено наладить связи с развитыми странами: Америкой, Европой, Японией, – привлекать их производителей для создания предприятий в Сингапуре и последующего экспорта своей продукции в развитые страны.

Перелом произошел в октябре 1968 г., после визита делегации компании «Тэксас инструменстс» и открытия предприятия по производству полупроводников, Американские МНК заложили фундамент развития масштабной, высокотехнологичной электронной промышленности Сингапура. «Тогда мы еще не знали, что электронная промышленность позволит Сингапуру преодолеть

проблему безработицы, а в 80-х годах превратит его в крупного экспортера электроники» (с. 62).

Новое производство потребовало радикальных изменений в абсолютно всех областях жизни – изменений в отношении человека к земле и воде, в образе жизни, в мышлении, в отношениях между людьми. А в заданных условиях ограниченного пространства перемены были вынужденно связаны с особыми мерами и с новыми правилами жизни, которые футурологи экспонируют на весь мир в возможно не столь далеком будущем. И в этом дополнительный интерес к книге: посмотреть, как с задачами справился Сингапур, приложить схему решения к нашим условиям и попытаться заглянуть в один из возможных вариантов развития.

Все великие дела начинаются с первого шага, с самого простого, с наведения бытового порядка «в доме», от которого зависело выживание острова-государства. Пришлось много сделать, чтобы решить проблему мусора, очистить реки, вообще воду. Борьба с грязью – канализация, водостоки, очистка сбросов и т.д. Одной из главных причин, побуждавших содержать Сингапур в чистоте, была нехватка необходимой для выживания пресной воды, которую раньше малайский штат Сингапур получал с полуострова. Были и свои источники (река, пруды), но они были просто грязными. Для того, чтобы они стали пригодными, необходимо было в корне изменить образ жизни местного населения.

Начиная с основания Сингапура в 1819 г., лодки, барки и открытые баржи покрывали реку Каланг, каналы. Люди жили на этих судах – работали, готовили пищу и справляли естественные надобности. Примерно такую же картину представляли улицы, запруженные лотками и повозками торговцев. Половину загрязнения воды давали ремесленники. Пришлось действовать решительно. Примерно 3000 мелких мастерских были перемещены в промышленную зону, оборудованную специальными отстойниками для нефти, масла и других отходов. 5000 уличных торговцев продовольствием и другими товарами были перемещены подобным же образом в специально отведенные торговые центры. «Мы ввели лицензирование лоточников, готовивших пищу, и переместили их с обочин дорог и тротуаров в оборудованные надлежащим образом центры, с проточной водой, канализационными коллекторами и мусоропроводами. К началу 80-х годов мы переместили в эти цен-

тры всех лоточников» (с. 151). Привыкшие к торговле на дорогах и тротуарах, где им не надо было платить арендную плату, а доступ к клиентам был легким, торговцы сопротивлялись перемещению в центры, где им приходилось платить арендную плату, а также плату за электричество и воду.

Еще одним серьезным источником загрязнения было традиционное для этих мест сельское хозяйство – свиноводство и прудовое разведение рыбы. «Мы постепенно сокращали стоки от более чем 900 тыс. свиней, которых разводили на 8 тыс. ферм, так как свиной навоз и отходы загрязняли наши ручьи. Мы закрыли множество мелких водоемов по разведению рыбы, оставив только 14 из них в агропарках и несколько – для любительского лова рыбы» (с. 155). Приходилось бороться также со скотиной в городе, пребывавшей на «самовыпасе». Эта операция прошла быстро и решительно – все животные были отловлены и отвезены на бойню. Ли Куан Ю специально не развивает этот сюжет, но всем кто более или менее в теме ясно, что правительство действовало на грани высочайшего риска, ибо свободно пасущиеся животные – элемент некитайского хозяйства и простой компенсацией (как с мусульманами-малайцами) дело могло не обойтись, если речь идет о священных животных индусов. Автор специально не говорит об этом, но мы заметим, что вопрос бытовой санитарии, грамотной организации жизни на низовом, муниципальном уровне – одна из основных проблем социального развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, в чем можно легко убедиться хотя бы просмотрев ролики в Интернете, сравнив улицы и дома Сингапура с улицами и домами в других странах региона. Проблему решать придется, и вполне возможно, что эта работа будет сделана силами, которые объявят себя спасителями нации, и методами, гораздо более крутыми, чем те, к которым пришлось прибегнуть Ли Куан Ю.

Путем удаления «всего лишнего» с улиц и водных артерий правительство дошло до полного преобразования городской инфраструктуры – магистралей, жилых застроек, промышленных и агрозон.

Пространственная стесненность многонационального сообщества задала параметры градостроительства и социальной политики. Руководство Сингапура отказалось от основанного на конкуренции системы «государства благосостояния» (так Ли Куан Ю

описывает обычный капитализм), при которой победитель получал все, и принял на вооружение идею «справедливого общества» (товарное производство с сильной регуляторной функцией государства, которое определяло меру справедливости практически во всех областях жизни). В бытовом плане акцент был сделан на работу Центрального фонда социального обеспечения (ЦФСО), задуманного еще в колониальные времена как простая пенсионная сберегательная схема. Ли Куан Ю с коллегами решили расширить эту обязательную сберегательную схему и превратить ее в фонд, который позволил бы каждому рабочему стать владельцем жилья. С 1955 по 1968 г. ставка отчислений в ЦФСО оставалась неизменной. «Я постепенно увеличил ее, – пишет Ли Куан Ю, – с 5% до максимального уровня в 25% в 1984, в результате чего норма сбережений достигла 50% зарплаты. Позднее она была снижена до 40%» (с. 90). Число желающих купить новые квартиры выросло с 3 тыс. человек в 1967 – до 70 тыс. человек в 1996 г. Более половины тех, кто покупал жилье в 90-х годах, уже были домовладельцами, желавшими улучшить свои жилищные условия. В 1996 г. в Управлении жилья и городского развития было 750 тыс. квартир, из которых только 9% сдавались внаем, остальные были заняты собственниками.

Не все переселения в новое жилье были добровольными: иногда ради выкраивания площадей для дальнейшего развития Сингапура руководству приходилось прибегать к таким аргументам, на которые простым людям было трудно возразить. Переселившиеся испытывали культурный шок: новые условия жизни, новые услуги, за которые надо платить (а раньше не платили – все было свое у себя во дворе). Люди тянули в квартиры мелкий скот и домашнюю птицу, отделяя для них пространство в городской квартире. По большей части такая картина была характерна для некитайских этносов Сингапура.

Естественно, что люди всегда были недовольны, когда их переселяли или заставляли сменить род занятий. «Фермеры старшего поколения не знали, чем заниматься и что делать с полученной компенсацией. Живя в квартирах, они скучали по своим свиньям, уткам, курам, плодовым деревьям и грядкам с овощами, которые снабжали их бесплатной пищей. Даже через 15–20 лет после переселения в новые районы многие все еще голосовали

против Партии народного действия (ПНД). Они считали, что правительство разбило их жизнь» (с. 156). Ли Куан Ю понимал их правоту, но настаивал на собственной правоте: возможно, их жизнь разбита, но речь идет о жизни страны и будущем детей этих в общем несчастных людей.

Существенные изменения произошли и в транспортной инфраструктуре. Наряду со строительством дорог, решалась проблема их перегруженности транспортом. Бессмысленно иметь дорогу, если по ней трудно или вовсе невозможно проехать. И здесь Ли Куан Ю сделал очередной шаг к идеалу Клауса Шваба, о котором тогда еще мало кто знал. «Я считал, что решение проблемы состояло в ограничении темпов роста парка автомобилей до такого уровня, который позволил бы избежать заторов на дорогах. Сколько бы подземных туннелей, эстакад и скоростных магистралей мы не строили, рост парка автомобилей все равно привел бы к образованию пробок» (с. 175). И тогда он предложил, чтобы желающие приобрести новый автомобиль приобретали право на покупку и эксплуатацию автомобиля на аукционах. Число сертификатов, выдаваемых ежегодно, зависело бы от пропускной способности дорожной сети. Остановились на схеме, согласно которой будущие владельцы автомобилей должны были приобретать на аукционах сертификаты на право эксплуатации нового автомобиля в течение десяти лет.

«Эта система оказалась эффективной и ограничила темпы ежегодного прироста парка автомобилей до трех процентов. Первые лоты на аукционах по продаже сертификатов ушли недорого, но потом цены стали просто астрономическими. В 1994 г. стоимость сертификата на право эксплуатации автомобиля с объемом двигателя более 2000 кубических сантиметров превысила 100 тыс. сингапурских долларов» (с. 157).

Стискивание жизни в ограниченном пространстве, пространственное переустройство среды обитания – материальные шаги, но при этом все-таки средства для достижения цели – выведения Сингапура в «первый мир». Второй частью своей стратегии Ли Куан Ю называет создание оазиса «первого мира» в регионе «третьего мира» (с. 58). Если бы Сингапур смог выйти на уровень принятых в странах «первого мира» стандартов общественной и личной безопасности, здравоохранения, образования, телекомму-

никаций, транспорта и обслуживания, то он стал бы базовым лагерем для предпринимателей и инженеров, менеджеров и других профессионалов, которые собирались заняться бизнесом в этом регионе. Ли Куан Ю считал, что сингапурцев надо обучить и обеспечить всем необходимым, чтобы они смогли достичь стандартов обслуживания, принятых в развитых странах. «Я полагал, что... мы могли перевоспитать, переориентировать людей с помощью школ, профсоюзов, общественных центров и организаций. Если коммунисты в Китае смогли уничтожить всех мух и воробьев, то мы тем более сумели бы заставить наших людей изменить привычки...» (с. 58). У Ли Куан Ю это получилось: был введен запрет на использование пиротехники, даже во время Китайского Нового года – тесно и опасно. Запрещена реклама сигарет. Запрещена жевательная резинка. И всё это в рамках «подгонки» людей под новую среду обитания. «В других городах есть чистые и зеленые пригороды, которые позволяют их жителям отдохнуть от центра города. Маленькие размеры Сингапура вынуждали нас работать, отдыхать и жить в пределах того же самого маленького пространства, и это сделало необходимым сохранение окружающей среды и для богатых, и для бедных» (с. 156).

В борьбе за выживание сингапурцы руководствовались простым принципом: Сингапур должен был стать более организованным, более эффективным и более энергичным, чем другие страны региона. «Если бы мы были просто так же хороши, как наши соседи, у предпринимателей не было бы никаких оснований для того, чтобы обосноваться в Сингапуре» (с. 59).

И здесь, брошенный в пучину, Сингапур «вынырнул с рыбой в зубах»: используя свое положение на сетке часовых поясов (между Сан-Франциско и Цюрихом), он занял свою нишу, став одним из мировых финансовых центров.

Одной из самых главных частей культурной трансформации общества был языковой вопрос. «Когда в 1959 г. мы сформировали правительство, то решили, что государственным языком будет малайский, что должно было подготовить условия для воссоединения с Малайей. Но вскоре мы поняли, что рабочим языком и языком межнационального общения должен был стать английский язык. Являясь, по сути, международным сообществом торговцев, Сингапур не смог бы выжить, если бы его жители пользовались

малайским, китайским или тамильским языками. Использование английского языка не давало преимуществ представителям ни одной национальности» (с. 128). Особенно остро необходимость наличия общего языка ощущалась в армии. Да и с китайским языком не все было так просто: в отличие от, например, Гонконга, где подавляющее большинство говорит на кантонском диалекте китайского, в Сингапуре проживают носители минимум семи южно-китайских диалектов, которые явно испытывают лингвистические трудности в общении друг с другом. Была начата кампания «Говори на литературном китайском». «Число семей, в которых разговаривали на китайском литературном языке, выросло с 26% в 1980 г. до более чем 60% в 1990 г. и продолжает расти. При этом число семей, в которых говорят на английском языке, выросло с 20% в 1988 г. до 40% в 1998 году» (с. 135).

Но на каком бы языке ты ни говорил, сингапурскому руководству важно, чтобы сказанное не противоречило интересам государства. «Прошло немало лет, прежде чем молодое поколение журналистов 80-х годов поняло, что культура Сингапура отличалась, отличается и будет отличаться от западной. Тем не менее наши журналисты подвержены влиянию политических взглядов и стиля репортеров американских средств массовой информации, всегда скептически и цинично настроенных по отношению к властям. Китайская и малайская пресса не копирует западную, наша культура побуждает их оказывать конструктивную поддержку политике правительства, с которой они согласны, и выступать со взвешенной критикой политики, с которой они не согласны» (с. 159).

«Я заявил о своем несогласии с правом владельцев газет печатать все, что им заблагорассудится. В отличие от министров правительства Сингапура, владельцев газет и их журналистов никто не выбирал. Я закончил свою речь на конференции следующими словами: “Свобода прессы, свобода средств массовой информации должна быть подчинена насущным потребностям Сингапура, подчинена примату задач, решаемых избранным народом правительством”» (с. 163) «Я не согласен с западной практикой, предоставляющей богатым газетным магнатам право решать, что следует читать избирателю» (с. 164). «Мы должны добиться того, чтобы среди всей этой какофонии голосов голос сингапурского правительства был слышен. Жителям Сингапура важно

знать официальную позицию их правительства по основным вопросам» (с. 169). Глава 14 («Управление средствами массовой информации») содержит массу конкретных примеров такого управления, о которых Ли Куан Ю пишет не без гордости – у него получилось. У него получилось не только это, но и практически все, за что он брался, брался решительно, держал крепко, не выпуская из рук до полного завершения дела.

Книга вышла в серии «Истории замечательных людей» – абсолютное соответствие заявке: мы многое узнаем о мире, о том, как Сингапур из третьего мира вошел в первый, но, пожалуй, не меньше узнаем о человеке – Ли Куан Ю, и тем ценнее, что с его собственных слов, из манеры подачи материала. Уверенное впечатление от текста: это, несомненно, самостоятельная (а не подготовленная «литературными рабами») работа. Более того, похоже, что даже услуги редактора или creative writer'a были отвергнуты. Этот неприглаженный текст – как рваным стилем, так и лексикой и построением наррации – будто специально старается создать впечатление о характере автора – порывистом, властном, чтобы не сказать грубом и авторитарном. Такой характер, возражать которому не отважится ни один подчиненный («У Вас все прекрасно написано, умри, а лучше не скажешь»). Стилистические шероховатости могут раздражать, но по ходу чтения к ним привыкаешь и о них забываешь, потому что есть в этом произведении то, что делает его в положительном смысле уникальным: панорамный взгляд с высоты (должность премьер-министра – это очень большая высота) на события в той части света. Ли Куан Ю излагает только ему доступный материал – подробное изложение общения «в верхах» в наиболее критические моменты исторического развития. Он охватывает ход истории только «со своей колокольни», больше ни у кого такой наблюдательной позиции нет. Наверняка, по каждому региону, стране, периоду, по каждому конкретному, отдельному вопросу существует масса «более глубокой, фундаментальной» литературы, но если такой специалист приложит к своим научным разысканиям панорамное видение нашего автора, то получит вполне стереоскопическую целостную картину. В этом несомненный плюс книги, но он же указывает и на недоработки издателя, на пути улучшения подачи материала. Так, отсутствие в книге «аппарата» явно не помогает в столь объемном, а порой и фрагментар-

ном тексте найти нужное место. Иногда это бывает критически важно, когда речь идет о портрете политического деятеля, об изменении его позиции на протяжении длительного периода, а эти эпизоды разбросаны по всей книге. Особенно полезен такой аппарат, когда дело касается восточных реалий – персоналий, партий, организаций. (Например, не сразу сообразишь, что ПДД это Партия Демократического Действия, если она впервые мельком упоминалась несколькими десятками страниц ранее). Впрочем, это то самое пресловутое «худо», которое оказалось «не без добра»: отдельные трудности делают книгу открытой системой, заставляют обращаться к справочному материалу, скажем, в Интернете, где можно получить еще и картинку, прекрасную картинку, вызывающую массу реминисценций... Вот одна из них. В фильме К. Худякова «Успех» (1984) заезжий режиссер «ломает» актеров и гениально ставит пьесу. У зрителей, у критиков – восторг, у тех, кто на сцене – успех, купленный уступкой части личности, а отдельным участникам даже стоивший жизни. Современный Сингапур – несомненный успех Ли Куан Ю, расхваливаемый всеми зрителями, но каково жить в этих «сценических обстоятельствах» – вопрос отдельного исследования.

Через всю книгу отдельной темой проходит сравнение положения Сингапура с положением Израиля: маленькое государственное образование в море мусульманских стран-соседей, тип включенности экономики Израиля в мировую экономику, специального внимания заслуживают страницы, посвященные помощи Израиля в строительстве вооруженных сил Сингапура... Ли Куан Ю вспоминает реакцию президента Индонезии Хабиби на несколько припоздавшее поздравление из Сингапура с его избранием: Переживём, не страшно. Подумаешь, Сингапур, какая-то маленькая красная точка в зеленом море ислама. Так к уже имевшимся мемам (тонкая красная линия, маленькое черное платье), четко обозначившим свои эпохи, добавился еще один – маленькая красная точка.

Премьеру Ли Куан Ю ценой громадных усилий удалось заново встроить Сингапур в мировое хозяйство, не дать потеряться маленькой красной точке на карте мира. Но его усилия – он не скрывает это, и это проходит через весь текст – были направлены на борьбу с коммунизмом и продвижение интересов МВФ в ре-

гионе. Времена меняются, меняется структура мирового хозяйства, лидеры в мировом сообществе. Интересно, удастся ли Сингапуру удержаться в мировом товаропотоке, не станет ли маленькая красная точка краснее?

МОЗИАС П.М.* СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ: КИТАЙСКИЙ ОПЫТ В СВЕТЕ ОБЩЕМИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Аннотация. Более половины от общего числа существующих в мире свободных экономических зон приходится на долю Китая. Китайский зональный опыт воплощает в себе и специфику этой страны, и универсальные, общемировые тренды. В этом смысле его можно считать архетипическим. В начале 2010-х годов казалось, что потенциал свободных экономических зон в Китае уже близок к исчерпанию. Но новый импульс их развитию был придан созданием в Шанхае, а затем и в целом ряде других провинций «экспериментальных зон свободной торговли». Они предназначены не только для привлечения иностранных инвестиций, но и для опытной отработки новых, рыночных институтов. Создание дополнительных зон отражает как общегосударственные структурные приоритеты, так и острое соперничество местных правительств между собой за ресурсы и фискальные доходы.

Ключевые слова: Китай; свободные экономические зоны; депелоперы; прямые иностранные инвестиции; урбанизация.

MOZIAS P.M. Free Economic Zones: China's Experience in Global Perspective

Abstract. China accounts for more than a half of the total number of free economic zones in the world. The Chinese experience in the field embodies both the specifics of that country and universal, global trends as well. In this sense, it can be considered archetypal. In the early 2010s, it seemed that the potential of free economic zones in

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ.

China had been already close to exhaustion. But a new impetus to their development was given by the creation of “experimental free trade zones” in a number of provinces, starting from Shanghai. They are designed not only to attract foreign investment, but also for the experimental development of new market institutions. The creation of additional zones reflects both national structural priorities and the intense competition between local governments for resources and fiscal revenues.

Keywords: China; free economic zones; developers; foreign direct investment; urbanization.

Для цитирования: Мозиас П.М. Свободные экономические зоны: китайский опыт в свете общемировых тенденций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 3. – С. 112–140. – DOI: 10.31249/tva/2024.03.08

Когда в самом начале рыночных реформ на рубеже 1970–1980-х годов Китай создавал свои первые свободные экономические зоны (СЭЗ), то он мог учесть при этом наработки зарубежного опыта. Порты беспошлинной торговли существовали в некоторых странах Средиземноморья еще в Средние века, а в XX в. эта практика была воспринята многими западными государствами. Зоны экспортной обработки, где культивировались трудоемкие, низкотехнологичные отрасли обрабатывающей промышленности, появились в развивающихся странах (в том числе у соседей Китая – Южной Кореи, Индии и др.) в 1960–1970-е годы. Сейчас же, по прошествии нескольких десятилетий, когда заходит речь о самом общемировом феномене СЭЗ, то на ум приходят прежде всего китайские зоны. В КНР таких территориальных образований больше, чем где бы то ни было, и при этом многие китайские СЭЗ выглядят достаточно успешными. Даже если добиться сколько-нибудь существенного притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в те или иные зоны и не удалось, все равно картины того, как на месте бедных, обшарпанных городков и поселков благодаря государственным капиталовложениям в инфраструктуру вырастают массивы новеньких, с иголки, многоэтажек, не могут не будоражить воображение.

Тем не менее вопрос о соотношении страновой специфики Китая и общемировых трендов развития СЭЗ остается актуальным. Это так уже потому, что китайская зональная политика не однолинейна, а в известной степени зигзагообразна. В 1980-е годы главный упор в ней делался на создание СЭЗ размером с целые города или даже провинции (это были «специальные экономические зоны» в четырех городах Юго-Востока страны и провинции Хайнань; 14 «открытых» приморских городов; «открытые» приморские зоны на части территорий пяти провинций), и тогда от СЭЗ хотели в общем-то всего и сразу – и привлечения современных технологий, и создания дополнительных рабочих мест, и притока валютных доходов от экспорта, и культивирования импортзамещающих производств.

В 1990-е годы подход властей стал более сдержанным и прагматичным. Стали создаваться совсем небольшие (площадью 1–2 кв. км) зоны узкой функциональной направленности: «зоны высоких технологий», «зоны беспошлинной торговли», пограничные «открытые» зоны, «зоны экспортной обработки». В крупных городах и на прилегающих к ним территориях учреждались значительные по размерам «новые зоны», но и они затем делились на маленькие функциональные субзоны.

Эта линия вполне гармонировала с тем, что с середины 1990-х годов системы налоговых преференций для иностранных инвесторов в СЭЗ стали постепенно сворачиваться. С одной стороны, в специальных льготах уже не было нужды, так как приток капитала из-за рубежа стабилизировался на высоком уровне, а с другой – созрели предпосылки для распространения условий, которыми ранее пользовались только предприятия с иностранными инвестициями (ПСИИ), и на китайский корпоративный сектор. Дополнительный импульс таким изменениям придало присоединение Китая к ВТО в 2001 г.: соответствующие соглашения предусматривали постепенное выравнивание режимов хозяйствования для ПСИИ и китайских предприятий.

К тому же в китайской региональной политике к началу 2010-х годов вообще возобладал кластерный подход. От межпровинциальных мегапроектов («освоение Запада», «оживление Северо-Востока», «подъем Центра») она сдвинулась к «точечным» проектам на относительно небольших территориях – так, чтобы

можно было задействовать сравнительные преимущества расположенных по соседству нескольких городов (часто относящихся административно к разным провинциям). Позитивный эффект должен был достигаться не за счет введения на этих территориях селективных налоговых льгот, а путем реализации межпроизводственной синергии, помогать этому должны были государственные капиталовложения в инфраструктуру. Тогда казалось, что и сохранившимся СЭЗ, уже практически лишенным бывшего преференциального режима, не осталось ничего другого, как просто слиться с массивом этих новых кластерных образований.

Однако в 2010-е годы в политике «территориальной открытости» произошел новый поворот. В 2013 г. в Шанхае была создана СЭЗ нового типа – «экспериментальная зона свободной торговли», которой были приданы задачи не просто привлекать инвесторов за счет преимуществ бизнес-среды в интернационализованном приморском мегаполисе, но и отрабатывать новые меры либерализации экономики, развивать институты рыночного хозяйства в ускоренном режиме по сравнению с остальной территорией страны – с тем, чтобы впоследствии удачные разработки можно было внедрять повсеместно.

К настоящему времени таких зон создано в разных провинциях Китая уже больше двух десятков. Их роль как «полигонов реформ» постоянно акцентируется на политико-идеологическом уровне. Так было в 1980-е годы со «специальными экономическими зонами», поэтому и можно говорить о неких синусоидных движениях в политике «территориальной открытости».

Нужно учитывать и то, что создавать СЭЗ в Китае имеют право не только центральные, но и местные власти (не только в провинциях, но и в городах и уездах). Зон местного подчинения в несколько раз больше, чем зон общенационального уровня. Временами центральное правительство проводит кампании по их ликвидации, но этот ограничительный эффект действует обычно недолго, а потом число таких зон снова начинает расти. К существованию различных функциональных типов СЭЗ общенационального и местных уровней в 2010–2020-е годы добавилось возникновение таких региональных феноменов, как «умные города», «экологичные города» и т.д.

В такой ситуации становится уже сложно определить, какие территориально-производственные комплексы относятся к СЭЗ, а какие нет. Очевидно, назрела необходимость в том, чтобы вернуться к базовым вещам (определению СЭЗ, их необходимым атрибутам, мотивации к их созданию) – так, чтобы китайский опыт при всей его значимости рассматривался как проявление универсальных тенденций зональной практики. Эта проблематика активно обсуждается и китайскими, и англоязычными специалистами.

Эксперты Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) [1] обобщили информацию о функционировании СЭЗ в 147 странах. Они определили СЭЗ как географически ограниченные территории, где власти поощряют хозяйственную деятельность посредством предоставления инвесторам фискальных и регулятивных стимулов, не действующих на остальной территории страны, и ведения инфраструктурного строительства [1, р. 128, 133]. К СЭЗ примыкают другие региональные формирования, которые СЭЗ в строгом смысле слова не являются, хотя и похожи на них.

Так, под определение СЭЗ не подпадают «индустриальные парки», которые в современном мире существуют практически во всех более или менее крупных городских агломерациях. У индустриальных парков четко определенные территории, и в них за счет государственных средств строятся инфраструктурные объекты, но их режим не предполагает отличий от общенационального в предоставлении преференций для инвесторов и регулятивной практике.

Не могут считаться СЭЗ и «научно-производственные парки», которые создаются государством в местах сосредоточения университетской, фундаментальной науки для культивирования высокотехнологичных производств и венчурного бизнеса. У них тоже четкие географические границы, они могут рассчитывать на поддержку государства в создании необходимой инфраструктуры. Но, как и индустриальные парки, они не предоставляют инвесторам фискальные и регулятивные преференции, и этим они отличаются от такой разновидности СЭЗ, как «зоны высоких технологий».

В развитых странах в депрессивных регионах с высокой безработицей часто создаются «предпринимательские зоны» для поддержки создания малых предприятий, и вот там могут использоваться специальные фискальные льготы. В этом смысле такие

зоны похожи на СЭЗ, но перед ними обычно не ставятся задачи кластерирования определенных отраслей.

В некоторых странах льготы предоставляются отдельным предприятиям без привязки к определенной локации, где бы концентрировалось много предприятий (примеры – это мексиканские *maquiladoras* и их аналоги в других странах Латинской Америки). Такой режим можно рассматривать как аналог СЭЗ, но без четко зафиксированных территориальных границ. Противоположный случай – это создание СЭЗ размером с целую провинцию, как это в свое время делалось в Китае. Но в таких зонах обычно используется уже сложившаяся инфраструктура, так как создать новую на таких больших территориях трудно.

Достаточно размыты не только базовые критерии, по которым те или иные региональные комплексы относятся / не относятся к СЭЗ, но и собственно типология СЭЗ. В любом случае в большинстве СЭЗ так или иначе существует режим свободной таможенной зоны. Таковы были истоки практики создания СЭЗ в истории, большинство СЭЗ в развитых странах и сейчас близко к этой изначальной модели, т.е. они выступают как места сосредоточения компаний, предоставляющих услуги, связанные с внешне-торговой деятельностью. В развивающихся же странах СЭЗ обычно предназначены для привлечения инвестиций в промышленность, и там зональный режим включает в себя таможенную, налоговую и регулятивную составляющие. Но правильнее судить о специфике СЭЗ не только по особенностям их режима, но и по их специализации, по тому, какие отраслевые кластеры там предполагается культивировать. И тогда такие формирования, как индустриальные и научно-производственные парки, могут рассматриваться как близкие аналоги СЭЗ [1, p. 133–136].

В целом, преобладание тех или иных типов СЭЗ в стране соответствует переживаемой ею стадии развития. Если в 1975 г. в мире существовало 79 СЭЗ, то в 2018 г. – 5383. Из них более половины (2543) находились в Китае, причем 552 китайские зоны имели общенациональный статус, а 1991 – провинциальный. Всего в развивающихся странах было 4772 СЭЗ, в развитых – 374, а в странах с переходной экономикой – 237 [1, p. 128–129, 137–138]. Примечательно, что Россия, где само мнение властей о необходимости иметь свои СЭЗ за последние 30 лет неоднократно меня-

лось, была поставлена экспертами ЮНКТАД на пятое место в мире по числу действовавших в 2018 г. зон – после Китая, Филиппин, Индии и США, общее число СЭЗ в России достигало 130 (с учетом «территорий опережающего развития») [1, р. 141, 151].

В странах Запада СЭЗ – это, как правило, свободные таможенные зоны, т.е. логистические центры, облегчающие функционирование трансграничных цепочек поставок. Относительно небольшое их число объясняется тем, что инвестиционный климат в этих странах и так достаточно привлекательный, а субъекты внешнеторговой деятельности и за пределами СЭЗ могут пользоваться беспошлинными складами и установленными на общенациональном уровне процедурами возврата таможенных пошлин. В развитых странах считается, что экономическая политика должна ориентироваться на создание равных условий для всех экономических агентов, без предоставления кому-то из них особых привилегий. Зоны свободной торговли и создаются там в рамках этого курса – для устранения искажений в действии рыночного механизма, вызванных взиманием импортных пошлин и самим существованием «издержек» импортного регулирования [1, р. 139, 152].

Режимы СЭЗ сильно различаются по странам, но они всегда так или иначе включают в себя следующие элементы:

- особые таможенные процедуры, в том числе льготы по уплате таможенных пошлин, упрощенные условия растаможивания товаров и хранения их на специальных складах и т.д.;

- меры поощрения инвестиций, в том числе систему «одного окна», услуги специальных инвестиционных агентств, гарантии от политических рисков, включение стабилизационных оговорок в инвестиционные контракты;

- содействие в создании предприятий, в том числе допуск ПИИ в отрасли, закрытые для них на остальной территории страны;

- преференциальный доступ инвесторов к использованию земельных участков в зоне, в том числе разрешение иностранным инвесторам покупать землю в частную собственность или брать ее в долгосрочную аренду, установление для инвесторов пониженной арендной платы или освобождений от налога на недвижимость;

- налоговые стимулы и льготы;

- особые стандарты регулирования трудовых отношений и природоохранные нормы, причем они могут быть как более жест-

кие, так и менее требовательные, чем на остальной территории страны [1, р. 161–162, 166–167].

Для управления зонами всегда создаются отдельные организационные структуры. Со стороны *государства* для руководства всеми СЭЗ в стране учреждается специальное агентство или госкомпания, другой возможный вариант – это соответствующий департамент в одном из министерств. Эти структуры имеют свои представительства в отдельных зонах. Они осуществляют планирование развития зон, проводят соответствующие технико-экономические обоснования; собирают информацию об эффективности зон, готовят предложения по ее повышению; подбирают девелоперов в зоны; разрабатывают меры интеграции зон с национальной экономикой, в том числе через инфраструктурное строительство. В ведении этих структур часто находятся и выдача разнообразных разрешений, в том числе на строительство в зонах, выдача виз и разрешений на работу иностранным гражданам и т.п.

Собственно за развитие конкретной зоны отвечают *девелоперы*. Они распределяют земельные участки между отдельными инвесторами и осуществляют строительство инфраструктурных объектов. В большинстве зон девелоперы выступают и как *управленческие компании*. Но функция управления может поручаться и отдельным структурам, на которые тогда возлагаются предоставление инфраструктурных услуг, консультирование инвесторов, организация режима «одного окна», создание агентств по подготовке и набору персонала и т.д.

Однако соотношение государственных и частных элементов в структурах управления зонами может быть различным. Если не только общенациональная компания управления зонами, но и девелоперы и управляющие компании отдельных зон находятся в госсобственности или под госконтролем, то отношения между ними выглядят как иерархическое подчинение, хотя многие полномочия при этом могут передаваться «сверху вниз». Такая система обычно складывается в тех странах, где и земля, и инфраструктурные объекты в зонах остаются в государственной собственности (примеры – это СЭЗ в России, Таджикистане и Вьетнаме).

Если частные девелоперы привлекаются на конкурсной основе, то они обычно имеют широкую автономию, а государственные органы могут воздействовать на их поведение только в уста-

новленных правовыми актами рамках. В таких случаях и отношения девелоперов с привлекаемыми в зоны инвесторами строятся на основе инвестиционных контрактов, причем девелоперы могут оказывать инвесторам услуги в пределах своих бизнес-компетенций. Такой «приватизированный» вариант системы управления зонами существует, в частности, в Грузии, Сербии и Уругвае.

Наконец, смешанный вариант предполагает, что девелоперы могут быть как частными, так и государственными. А привлечение инвесторов осуществляется девелоперами на договорной основе, хотя косвенно на этот процесс влияют и госструктуры. При такой модели в качестве девелоперов могут выступать и местные правительства. В Китае как раз принята такая гибридная модель управления зонами (как и в Польше, Эфиопии и некоторых других странах) [1, р. 168–171].

Опыт успешных СЭЗ (это прежде всего зоны в странах Восточной и Юго-Восточной Азии) свидетельствует о необходимости стратегической фокусировки их деятельности, т.е. зоны должны быть не механизмом поощрения инвестиций вообще, а инструментом промышленной политики. Иначе говоря, успешными становятся такие зоны, где предпринимателей привлекают в определенные группы отраслей со сходными пропорциями использования факторов производства и соответствующей конфигурацией связей со смежниками. В таких отраслевых кластерах может быть реализован синергетический эффект, налажены совместное использование ресурсов предприятиями и распределение издержек между ними. Попытки же развивать в СЭЗ сразу все отрасли без должной специализации обычно ничем хорошим не заканчиваются. Безуспешны бывают и попытки развивающихся стран загодя стимулировать создание в зонах высокотехнологичных предприятий. Быстроразвивающиеся СЭЗ в странах с невысоким подушевым ВВП – это, как правило, места сосредоточения трудоемких отраслей (текстильной, швейной, электроники и электротехники) [1, р. 130, 190, 192].

В разных странах мира полным-полно таких СЭЗ, куда капитал так и не пришел. Многие даже эффективно работающие зоны остались анклавами, слабо связанными со смежными производствами на остальных территориях стран базирования. Сама идея учреждения особого, менее требовательного регуляторного режима

на части территории государства чревата появлением дополнительных социальных проблем: несоблюдением прав трудящихся (даже при более высоком уровне зарплат в зонах, чем в стране в целом) и занижением экологических стандартов деятельности предприятий.

Тем не менее побудительные мотивы к созданию СЭЗ у правительств по-прежнему сильны, это:

- возможность задействовать СЭЗ для экспериментального осуществления назревших реформ в ситуациях, когда сделать это сразу по всей стране затруднительно;

- относительно низкие издержки создания СЭЗ по сравнению со строительством необходимой инфраструктуры в пределах всей страны. Обычно затраты государства сводятся поначалу к инвестициям в инфраструктурные объекты по периметру зоны, а собственно освоение территории поручается девелоперам. А дополнительные издержки, растущие по мере прихода в зону промышленных компаний, могут быть покрыты за счет арендной платы с инвесторов как землепользователей. Правда, предоставление налоговых льгот инвесторам предполагает значительную упущенную выгоду, но эти соображения инициаторами создания зон обычно не рассматриваются как довод «против»;

- международное конкурентное давление. В течение 2010-х годов приток ПИИ в обрабатывающую промышленность развивающихся стран существенно ослаб, да и в целом в мире объемы ПИИ были меньше, чем в предыдущее десятилетие. Обострение соперничества за ограниченные инвестиционные ресурсы тоже побуждает правительства создавать новые СЭЗ [1, p. 129–130].

Более конкретно то, как выглядит мотивация к созданию новых СЭЗ в Китае, показывают Цзян Яньпэн (факультет урбанистики и регионалистики Восточнокитайского педагогического университета, Шанхай) и П. Уэйли (географический факультет Лидского университета, Великобритания) [2]. Они не проявляют такой щепетильности в определениях, как сотрудники ЮНКТАД, и используют широко распространенный в китайской литературе термин «зоны развития» (ЗР). Под эту категорию подпадают не только различные типы СЭЗ, но и такие образования, как «экогорода», «экономические коридоры» в долинах рек и т.д.

В принципе, задача, которая обычно ставится перед ЗР, – это привлечение инвестиций в обрабатывающую промышленность. Но решить ее напрямую сложно, и поэтому ЗР на деле превращаются в инструмент политики развития городов. Провинциальные, уездные и городские власти вкладываются в строительство производственной и социальной инфраструктуры в надежде на то, что она заинтересует инвесторов из числа промышленных компаний. В частности, власти рассчитывают на то, что, создав достаточный жилой фонд, они подготовят условия для притока в город молодых, образованных специалистов, а наличие тех облегчит поиск инвесторов. Инфраструктурное строительство обычно быстро распространяется и на пригороды, но при этом происходит определенная расфокусировка политики: цели промышленного развития отступают на второй план, ЗР превращаются прежде всего в инструмент урбанизации.

На сравнительно больших территориях строятся дороги, производственные помещения под аренду, школы и т.д. Многие из этого простаивают или задействуются не в полной мере. Но логика соперничества местных властей друг с другом за приток инвестиций подталкивает их ко все новым вложениям в инфраструктуру. Для чиновников это еще и способ получить дополнительные доходы в провинциальный или местный бюджет. Успехи на поприще реализации инфраструктурных проектов сулят им и повышение по службе.

В реальности, таким образом, урбанизация в ЗР предшествует индустриализации, и условия для этого созданы самой конструкцией китайского партократического государства, в котором местные администрации имеют широкую автономию и конкурируют между собой. Все это можно назвать «урбанизацией с черного хода», так как под предлогом создания ЗР земли сельскохозяйственного назначения переводятся в категорию земель, выделенных под промышленные объекты, но их застраивают еще до прихода промышленных инвесторов. А «урбанизация с парадной двери» – это когда на территорию сначала привлекаются инвестиции извне, а затем на ней вследствие расширения спроса со стороны корпоративных инвесторов создается нужная инфраструктура [2, р. 753].

Но «перетягивание каната» идет не только «по горизонтали» – между соперничающими друг с другом местными правительства-

ми, но и «по вертикали» – между Центром и местами. Влияние пекинских властей на темпы и масштабы создания ЗР в регионах то усиливается, то слабеет. Показателем рецентрализации выступает, в частности, появление в крупных городах «новых зон», т.е. проектов расширения городской застройки и промышленного освоения территорий, инициируемых самим общенациональным правительством.

Провинции получили право создавать ЗР, находящиеся в их ведении, с 1988 г. Бум учреждения таких зон происходил волнообразно все последующие десятилетия, хотя центральные власти пытались его сдерживать, в том числе и для того, чтобы не допускать чрезмерного выбытия земель из сельхозоборота. Например, с июля 2003 по декабрь 2004 г. в результате проверки деятельности ЗР их число было сокращено с 6866 до 1568. Но к 2018 г. зон стало 2543, из них 552 были зонами общенационального уровня, а 1991 – провинциального, и эти данные не включали в себя огромное число ЗР, созданных властями на уровнях, ниже провинциального [2, р. 758–759].

Эти тенденции прослеживаются Цзян Яньпэном и П. Уэйли на примерах ЗР в двух городах: уездном центре Чичжоу (пров. Аньхуэй), это пример относительно бедного города в материковой части Китая, и Сучжоу – крупного города в преуспевающей приморской провинции Цзянсу. Материалы для исследования собирались во время четырех экспедиций в Чичжоу в 2015–2020 гг. и двух поездок в Сучжоу в 2018 и 2019 гг. [2, р. 754–755].

В Чичжоу несколько ЗР, и у них разные статусы: есть зоны местного, провинциального и даже общенационального уровня. В 2015 г. их было 13, создание их диктовалось как логикой конкуренции между общегородским правительством и властями отдельных районов города за инвестиции, так и желанием городских властей не допустить поглощения Чичжоу соседними более экономически успешными административными единицами. Границы отдельных зон были проведены нечетко, все зоны по сути пытались культивировать одни и те же отрасли промышленности. Под ЗР были заняты большие земельные площади, ради этого землю отбирали у местных крестьян, но где-то строительство объектов так и не началось, а где-то построенные сооружения недоис-

пользовались. Однако это не мешало властям затевать все новые стройки в зонах.

В 2018–2019 гг. городские власти, идя в русле указаний из Пекина, сократили число ЗР до шести, остальные были или закрыты, или присоединены к сохранившимся. Из этих оставшихся четыре имеют статус районных, а две – уездных. Но и в последующие годы большинство из них так и не смогли обеспечить существенный приток инвестиций извне, хотя местные власти действительно много сделали для развития инфраструктуры, по сути отстроив город заново. А уж о следовании официально заявленной специализации ЗР на высокотехнологичных производствах говорить вообще не приходится [2, р. 762–764].

Напротив, в Сучжоу такая специализация в целом выдерживается и это урбанизации не мешает. В этом городе действует зона, официально именуемая «промышленный парк». Она была создана в 1994 г., в качестве девелопера выступало совместное предприятие, где мажоритарным пайщиком было правительство Сингапура. Промышленный парк возник на части площади «новой зоны» города. Последующие конфликты управленцев промышленного парка и «новой зоны» побудили сингапурцев уменьшить свою долю в компании-девелопере.

Территория промышленного парка многократно расширялась, но она застроена только наполовину, а остальные площади отведены под рекреационные зоны. Внешне же промышленный парк Сучжоу выглядит как обычный современный китайский город, причем такой, где ведут бизнес многие высокотехнологичные компании и где находится несколько престижных вузов. Индустриализация и урбанизация идут, таким образом, в Сучжоу параллельно.

Надо сказать, что прогрессу Сучжоу во многом способствовала географическая близость Шанхая. Одно время иностранные фирмы предпочитали открывать свои производства не в шанхайских ЗР, а в промышленном парке Сучжоу, так как там были ниже издержки на оплату труда и аренду земли. По мере роста затрат в Сучжоу, приближения их к шанхайскому уровню, компании стали перемещаться в Шанхай, преимуществом которого является наличие морского порта. Но в 2017 г. шанхайские власти объявили войну небольшим нелегальным фабрикам, действовавшим в при-

городах мегаполиса, и многие из них нашли пристанище и официальный статус в промышленном парке Сучжоу. Сейчас же издержки производства в двух городах одинаково высоки, и соперничают они за привлечение инвесторов по-другому – возводя дополнительную коммерческую и офисную недвижимость.

Итак, для властей Чичжоу создание ЗР – это средство обеспечить выживание своей территориальной единицы в административной иерархии, но побочным результатом их действий является ускоренная урбанизация, несмотря на не слишком большие успехи в индустриализации. А в Сучжоу функционирование зоны более гармонично, с соседним крупным городом Сучжоу не только соперничает, но и испытывает на себе позитивные экстерналии от его развития [2, р. 765–767].

Взаимосвязь зональной практики и урбанизации исследует и Т. Оукс (Центр азиатских исследований Университета Колорадо, Боулдер, США) [3]. Но в сфере его внимания «новые зоны» (НЗ). Первая такая зона Пудун была создана в 1990 г. в восточной части Шанхая. К настоящему времени НЗ имеются и в остальных городах центрального подчинения: зона Сюньань в Пекине, зона Биньхай в Тяньцзине, зона Лянцзян в Чунцине. А всего в Китае в 2023 г. существовало 19 НЗ общенационального уровня и 40 – провинциального и уездного [3, р. 577].

В НЗ часто включаются не только уже урбанизированные, но и сельские районы сразу нескольких уездов, так что учреждение НЗ действительно может рассматриваться как механизм урбанизации, диктуемой «сверху», а не развивающейся спонтанно «снизу», т.е. это составная часть попыток Центра усилить свой контроль над ходом урбанизации [3, р. 579]. Здесь мнение Т. Оукса совпадает с точкой зрения Цзян Яньпэна и П. Уэйли. При этом границы между городом и деревней внутри НЗ остаются размытыми. Поэтому, считает Т. Оукс, разумно видеть основной смысл существования НЗ в инфраструктурном строительстве, а уж доступ жителей к инфраструктурным сетям как раз и выступает как спонтанный процесс индустриализации. Функционирование инфраструктуры, в свою очередь, диктует особенности системы управления в зонах. НЗ можно, таким образом, рассматривать как формы организации горизонтальной мобильности внутри упорядоченных инфраструктурных сетей, как альтернативу гравитаци-

онной мобильности, полюсом которой является единственный городской центр [3, р. 581–582].

Эти теоретические выкладки проверяются Т. Оуксом на материалах по НЗ, созданной в 2014 г. в Гуйяне – административном центре пров. Гуйчжоу. Полевые исследования проводились автором в 2017–2019 гг. в четырех деревнях, находящихся на территории НЗ. Были также опрошены 32 местных чиновника, эксперта и сельских лидера [3, р. 577].

При организации зоны ей были приданы задачи развития сферы услуг, основанных на технологиях больших данных, искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Предполагалось также сделать Гуйян с помощью НЗ «умным» и «экологичным» городом. Но хотя с тех пор в центральной части зоны велось масштабное строительство, остальная ее территория и сейчас представляет собой преимущественно сельскую местность. Правда, по ней проходят теперь многополосные шоссе и линия высокоскоростной железной дороги, но наличие их облегчает мобильность между городом и селом, а не ведет само по себе к урбанизации села. Предоставление инфраструктурных услуг предшествует, таким образом, в НЗ собственно урбанизации.

В зону были включены куски территорий двух сельских муниципалитетов, внутри нее выделено 12 функциональных субзон, в том числе сельскохозяйственных, туристических и рекреационных. По идее, само учреждение НЗ призвано было ускорить урбанизацию благодаря появлению юрисдикции, объединяющей части разных уездов. Но на деле между администрацией НЗ и уездными властями происходит острое соперничество; и те, и другие выдвигают свои инициативы по освоению территорий.

Итак, теперь пейзаж обрабатываемых полей и деревень пересекают недавно построенные автодороги. В то же время многие поля заброшены, так как крестьяне находят себе более денежную работу в промышленных субзонах, расположенных на пересечениях шоссе. Ведется строительство многоэтажных жилых домов для крестьян, чьи дома сносятся при освоении территории. Но некоторые из уже построенных зданий так и не заселены, в том числе потому, что бывшие крестьяне предпочитают перебираться поближе к центру Гуйяна. Такие изолированные друг от друга,

разбросанные посреди сельской местности микрорайоны часто выглядят как «города-призраки».

Многие из сохранившихся деревень теперь населены уже бывшими крестьянами, которые ныне занимаются физическим трудом в городской сфере услуг. Некоторые из деревень новыми дорогами разделены на части, так что, добираясь до своих полей, те, кто продолжает работать на земле, рискуют попасть под машину. Впрочем, часть сельских жителей воспользовалась переменами в своем образе жизни для открытия собственного бизнеса: вдоль дорог возникают небольшие гостиницы, магазины и т.п. Отчасти они инвестируются за счет тех средств, которые выплачиваются крестьянам в качестве компенсаций за снос их жилых домов и хозяйственных построек.

Адаптация крестьян к новым условиям жизни по-любому происходит с разным успехом. Некоторые из них просаживают компенсации за снесенные старые дома в игорных салонах или покупают на эти деньги мало полезные им в жизни автомобили – лишь бы показать свой якобы более высокий, чем раньше, социальный статус. Часто их обманывают мошенники.

Т. Оукс считает, что само состояние временности и переходности, когда люди чувствуют себя и селянами, и горожанами одновременно, когда они, вроде бы, имеют постоянное жилье, но всё время перемещаются из дома на работу и обратно на достаточно далекие расстояния, – все это как раз во многом объясняет, почему люди в Китае очень даже предприимчивы в повседневной жизни, но они не требуют политических перемен. Им и так постоянно кажется, что они на пороге больших изменений, но время идет, а те так и не происходят. Тем не менее люди считают, что им как раз нужно быть мобильными: столь быстрые социально-экономические сдвиги, как те, что происходят в Китае, вызывают у людей ощущения уязвимости и дискомфорта; им представляется, что, только перемещаясь с места на место, они и могут остаться «в тренде», не быть оттесненными на обочину жизни. Эту потребность и удовлетворяют возводимые в НЗ инфраструктурные сети. Однако и тут сами возможности мобильности у людей разные – в зависимости от того, как конкретно прошли новые дороги по их землям [3, р. 585–587].

В целом, опыт китайских НЗ вписывается в современные общемировые тренды урбанизации. Имеются в виду: возрастающее значение «зеленой» повестки дня; всё большая роль, которую играют пригороды; превращение городов в преимущественно логистические, а не промышленные центры. Развитие инфраструктуры и связывает эти тенденции воедино, делает городскую структуру дисперсной и гибкой, менее зависимой от доминирующего центра. Но в то же время опыт НЗ вполне укладывается и в ту урбанизационную модель, которая начала реализовываться в Китае еще в 1980-е годы, – модель не столько органического роста старых городов, сколько возникновения новых урбанистических образований «снизу» в результате индустриализации сельской местности. Речь, таким образом, идет о совмещении локальных и космополитических элементов, и, как отмечает Т. Оукс, в науке для его характеристики пока даже нет адекватной терминологии [3, p. 588].

Подобное сочетание С. Хейлманн, Л. Ши (Трирский университет, Германия) и А. Хофем (независимый исследователь) [4] обнаружили и в функционировании китайских «зон высоких технологий» (ЗВТ), создаваемых в соответствии с действующей еще с 1988 г. госпрограммой «Факел» (она нацелена на внедрение новых технологий в производство и продвижение их на рынки). Эти специалисты отмечают, что о китайской научно-технологической политике обычно говорят как о слишком централизованной, отдающей приоритет поддержке НИОКР на госпредприятиях, а не в частных малых и средних фирмах. При этом ссылаются на результаты реализации таких программ, как «863» (она была принята в 1986 г. для поощрения прикладных НИОКР), «973» (в ее рамках с 1997 г. финансируется фундаментальная наука) и План развития науки и техники на средне- и долгосрочную перспективу (2006–2020).

На их фоне программа «Факел» действительно выглядит как более децентрализованная, что и выражается, в частности, в существовании разбросанных по территории страны ЗВТ. С. Хейлманн и его коллеги насчитали их 83 по состоянию на 2011 г. [4, p. 897], но по официальной статистике за 2018 г., которую привели Цзян Яньпэн и П. Уэйли, таких зон общенационального уровня было уже 156 [2, p. 759].

При оценке эффективности ЗВТ С. Хейлманн и его соавторы сознательно отказались от традиционного количественного метода определения инновационного потенциала страны, когда такие показатели, как доля расходов на НИОКР в ВВП, число исследователей, количество зарегистрированных патентов и публикаций в реферируемых журналах, сравниваются с некими ориентирами, установленными исходя из данных по успешным экономикам. Они предпочли не отталкиваться от зарубежных практик, считающихся лучшими, а выяснить, насколько реально существующая в КНР инновационная система обеспечивает абсорбцию зарубежных технологий и самостоятельное генерирование знаний. В этом плане ключевое значение имеет то, насколько национальная научно-технологическая политика способна учиться на собственных ошибках, осуществлять своевременные самокорректировки.

Для поддержания такой способности как раз и нужно, чтобы институциональная система была в достаточной степени децентрализованной – так, чтобы она порождала обратные связи и с их помощью адаптировалась к изменениям на внутреннем и внешнем рынках. Изменения в политике выглядят тогда не как признание неудач, а как перенаправление ресурсов в более производительные сферы. Успешные наработки, аккумулированные на местах, тиражируются тогда в общенациональном масштабе, невзирая на территориальные юрисдикции и «вертикальную» иерархию. Это как раз общепризнанное преимущество китайских СЭЗ, но, по мнению С. Хейлманна и его коллег, это и атрибут успешных инновационных систем вообще [4, р. 899–900].

Если говорить более конкретно, то китайские ЗВТ учреждаются в рамках программы «Факел» централизованно, перед ними ставятся определенные «сверху» задачи, но сам смысл существования зон состоит в проведении организационных экспериментов, по результатам которых модифицируются и сами базовые установки Центра. Как ни парадоксально, но сам негативный политический контекст, окружавший программу «Факел» с самого начала, сыграл в ее пользу. Ее инициаторами в 1980-е годы выступили руководители тогдашней Госкомиссии по науке и технологиям (в 1998 г. эта комиссия получила статус министерства), но им противостояли соперники из центральных плановых органов, которые считали сферу НИОКР своей епархией. В результате в 1988–2005 гг.

в финансировании программы «Факел» доля бюджетных средств составляла всего 1%, тогда как программы «863» – 39%, а программы «973» (в 1997–2005 гг.) – 96%. То, что реализация программы «Факел» происходила преимущественно за счет средств самих предприятий и банковских кредитов, как раз и сделало ее достаточно восприимчивой к запросам рынка [4, р. 901–902].

Приоритеты ее менялись со временем. Сначала ЗВТ ориентировались на коммерциализацию технологий, разработанных национальными предприятиями. Но с начала 1990-х годов перед ними была поставлена и задача привлекать ПИИ, она была в силе до начала следующего десятилетия, когда акцент снова сместился на поощрение национальных инновационных компаний. Начиная с 2006 г. стали говорить о том, что ЗВТ должны привлекать из-за рубежа «опытных ученых и предпринимателей».

Но это в идеале, а к нему приблизились только некоторые, успешные ЗВТ. В тех же зонах, которые преуспели меньше, культивировались не инновационные, а поточные, крупномасштабные производства, а для определенных зон главной вообще стала непрофильная деятельность – операции с недвижимостью. Были и такие зоны, которые использовались как «черные дыры» для ухода от налогообложения. В любом случае рост промышленного выпуска и экспорта обеспечивался в ЗВТ в большей степени за счет деятельности ПСИИ, а не компаний с чисто китайским капиталом. Впрочем, это не помешало ЗВТ генерировать полезные институциональные новинки, которые затем распространялись Центром на другие области хозяйства.

Например, механизм привлечения научно-технических специалистов и предпринимателей из числа зарубежных китайцев (*хуацяо*), отработавшийся с 2006 г. в ЗВТ г. Уси (пров. Цзянсу), был затем масштабирован на всю эту провинцию, особенно на ЗВТ в городах Нанкин, Сучжоу и Чанчжоу. Создаваемым хуацяо стартапам предоставлялись госсубсидии на формирование начального капитала, а также бесплатные офисы и жилые помещения для учредителей. А начиная с 2008 г. аналогичная программа «Тысяча талантов» стала осуществляться и на общенациональном уровне.

Впервые внедренная в 2006 г. в пекинской ЗВТ Чжунгуаньцунь система торгов акциями малых наукоемких предприятий, которые не удовлетворяли формальным количественным критериям

допуска на фондовые биржи, в конечном счете превратилась в «третью фондовую площадку» (в дополнение к биржам в Шанхае и Шэньчжэне), запущенную в 2013 г. в виде общенациональной системы электронных торгов. После того как в 2009 г. Чжунгуаньцуню был придан статус «модельной зоны самостоятельно генерируемых инноваций», началось лоббистское соперничество за распространение такой практики, и в 2010 г. аналогичный статус был присвоен ЗВТ Дунху в Ухане, а в 2011 г. – ЗВТ Чжанцзян в Шанхае [4, р. 908–913].

Итак, особенность программы «Факел» в том, что она выдвигает только самые общие, довольно расплывчатые требования к создаваемым ЗВТ, выделяет им лишь скудные финансовые ресурсы, но зато дает значительную автономию. Местные чиновники заинтересованы не только в поддержании экономического роста на своих территориях, но и в накоплении личного политического капитала ради служебного продвижения. Это побуждает отдельные ЗВТ конкурировать друг с другом, затевать или подхватывать различные эксперименты, а как следствие, масштабы институциональных инноваций оказываются больше, чем если бы они внедрялись просто по указаниям из Центра.

Но эти эксперименты мониторяются «верхами», их результаты учитываются при корректировках программы «Факел»; по указаниям пекинских управленцев позитивные наработки отдельных ЗВТ распространяются по стране. Такое взаимодействие Центра и мест в развитии зон – это и есть специфика Китая, так что, скажем, пекинская ЗВТ Чжунгуаньцунь совсем не похожа на калифорнийскую Силиконовую долину, чей институциональный механизм чисто рыночный. Однако китайский подход включает в себе и важную универсальную составляющую, считают С. Хейлманн, Л. Ши и А. Хофем. Если инновации по определению связаны с неопределенностью, то научно-технологическая политика, призванная уменьшить риски, сама должна включать в себя значительный элемент экспериментирования и готовности к «открытиям». А это условие будет соблюдаться, если в ней будут заложены децентрализация и обратные связи – так политике будет проще реагировать на непредвиденные изменения ситуации [4, р. 915–916].

То, насколько китайским СЭЗ свойственны черты обособленных анклавов, Сюй Мэйна, Те Ин (НИИ международной эко-

номики и торговли Шанхайского университета внешних экономических связей и торговли) и Куан Цзэнцзэ (Шанхайский таможенный институт) [5] выясняют на примерах «зон экспортной обработки» (ЗЭО). Такие зоны стали создаваться в Китае начиная с 2000 г., а в 2011 г. их было уже 65 [5, с. 44].

ЗЭО – это закрытые по отношению к остальной территории страны образования с особым режимом таможенного регулирования. В них существуют специальные таможенные структуры, которые уполномочены осуществлять пропуск импортных и экспортных товаров 24 часа в сутки. Товары, поступающие в ЗЭО с остальной территории страны, рассматриваются как импорт, а вывозимые из ЗЭО на остальную территорию страны – как экспорт.

Упрощенные процедуры регулирования внешнеторговых операций и либеральный режим ввоза и вывоза капитала призваны способствовать наращиванию экспорта из ЗЭО, созданию там всё новых рабочих мест, получению предприятиями валютных доходов. Но помимо этого власти хотят также стимулировать развитие связей между предприятиями в зонах и за их пределами с тем, чтобы технологические экстерналии, порождаемые присутствием ПСИИ в зонах, распространялись по всей экономике страны. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы наладить «вертикальное» разделение труда между ПСИИ и национальными предприятиями.

Однако на практике сплошь и рядом получается, что если иностранные инвесторы и вступают с китайскими предприятиями из-за пределов зон в кооперационные отношения, то только как с поставщиками технологически простой продукции производственного назначения. Более того, само создание ЗЭО может искусственно разорвать налаженные связи между предприятиями, оказавшимися в зонах, и их партнерами за пределами зон, в том числе и потому, что эти две группы предприятий пользуются разными таможенными режимами. Ведь для того, чтобы товары, произведенные на остальной территории страны, могли поступать в зону, нужно специальное разрешение. Но и продукция, произведенная в ЗЭО, не может поставляться на остальную территорию КНР, не проходя через таможню.

Когда предприятия с остальной территории продают свои товары предприятиям в ЗЭО, то они вынуждены нести не только издержки, связанные с таможенным оформлением соответствующей

щих грузов, но и издержки складирования и возможного возврата товаров. В то же время товарооборот не только между предприятиями, базирующимися в одной и той же ЗЭО, но и между предприятиями, находящимися в разных зонах, осуществляется гораздо легче. Поэтому такие предприятия предпочитают налаживать кооперационные связи между собой, а не с внезональными предприятиями.

Реагируя на эту ситуацию и желая стимулировать поставки в ЗЭО товаров с остальной территории страны, власти в 2010-е годы санкционировали создание в ЗЭО беспошлинных логистических центров. Их цель – «достроить» цепочки создания стоимости в ЗЭО за счет стадии оказания услуг производственного характера (сборка, ремонт и т.д.) и тем самым сократить издержки, возникающие при взаимодействии зональных и внезональных предприятий друг с другом. Но пока эти задачи полностью не решены. Всё это не может не ограничивать эффект позитивных технологических экстерналий, распространяющихся от ПСИИ в зонах к китайским предприятиям за пределами зон [5, с. 42–45].

Для оценки реальной силы этого эффекта Сюй Мэйна и его коллеги с помощью эконометрической модели исследовали, как воздействует режим ЗЭО на качество экспортных товаров, происходящих из городов, где находятся ЗЭО, – как в целом, так и в разбивке по зональным и внезональным предприятиям. Поскольку учреждение отдельных ЗЭО происходило не одномоментно, а по мере поступления инициатив от соответствующих городов, то авторы при построении регрессии использовали метод DID (Difference In Difference). Он выявляет, как изменились условия для экономических агентов после того, как произошли принципиальные корректировки в государственной политике, и учитывает то, что сила действия этого фактора может варьироваться со временем.

В соответствии с этим методом города Китая были поделены на фокусную группу (города, где были созданы ЗЭО) и контрольную группу (города, где таких зон нет). При формировании групп учитывались и такие показатели: наличие в городах СЭЗ других типов; совокупный объем добавленной стоимости, производимой в городе; число занятых в городском хозяйстве; объем привлеченных ПИИ; объемы транспортных перевозок в городе; число сту-

дентов в вузах города; расходы местного бюджета на образование и здравоохранение; административный статус города, его принадлежность к тому или иному меридианальному поясу Китая (Восток, Центр или Запад); наличие / отсутствие порта в городе; то, является ли город провинциальным центром.

С учетом этих показателей обе группы были уменьшены так, чтобы быть более представительными. Собственно выборка для регрессионного исследования формировалась с использованием метода PSM (Propensity Score Matching), который позволяет скорректировать структуру выборки так, что из нее удаляются объекты, слишком сильно отличающиеся в ту или иную сторону от основного массива.

В регрессии объясняемой переменной является качество экспортной продукции городского предприятия, а объясняющими – наличие / отсутствие ЗЭО в городе и продолжительность времени, прошедшего с ее создания, если она там есть. В модель включены также переменные, описывающие экстерналии, генерируемые ПСИИ в зонах, а также контрольные переменные, характеризующие особенности исследуемых предприятий (объемы их импорта и валютных доходов, а также производительность труда на предприятиях).

В расчетах по модели использовались панельные данные по 61 823 предприятиям за 2000–2006 гг., причем 29 920 были отнесены в фокусную группу, а 31 903 – в контрольную. Число исследуемых городов в каждой группе составляло по 38. Отслеживалась информация о качестве 3357 экспортных товаров, включенных в соответствующую классификацию ООН [5, с. 46–47].

Расчеты показали, что качество экспортных товаров со временем улучшается у предприятий обеих групп. Но вопреки надеждам, возлагавшимся на ЗЭО, качество экспортных товаров, произведенных в городах, где ЗЭО нет, выше, чем у товаров, происходящих из городов, где такие зоны созданы. По крайней мере, так обстояло дело в первые годы после учреждения ЗЭО. Правда, со временем разница в качестве между двумя группами предприятий постепенно уменьшается.

Подтвердилось, что присутствие ПСИИ оказывает позитивное влияние на качество экспортной продукции китайских предприятий, действующих в том же городе, что и ПСИИ. Это касается

экстерналий, передаваемых и «вверх», и «вниз» по производственной цепочке, т.е. и на предыдущие, и на последующие стадии производства добавленной стоимости. Однако такие позитивные внешние эффекты более ощутимы в тех городах, где ЗЭО нет, а не в тех, где они есть.

В то же время обнаружилось, что негативные моменты дробления производственных цепочек, провоцируемые введением режима ЗЭО, действительно слабеют, если в зонах создаются беспошлинные логистические центры. И наоборот, усиливаться негативное влияние может, если при создании ЗЭО были выбраны неправильные, не соответствующие сравнительному преимуществу города отраслевые приоритеты [5, с. 48–50].

Отсюда следует, считают Сюй Мэйна, Те Ин и Куан Цзэцзэ, что не надо увлекаться созданием всё новых обособленных таможенных анклавов. Лучше вводить новые меры торговой либерализации не в отдельных СЭЗ, а для всех действующих в КНР компаний. Это и будет способствовать распространению «дивиденда от открытости» на все новые территории без углубления разрывов в производственных цепочках между предприятиями, работающими на внешний и на внутренний рынки [5, с. 51–52]. По сути, это констатация, что время массового учреждения СЭЗ уже прошло, вреда от него может быть больше, чем пользы.

Но пока «экспериментальных зон свободной торговли» (ЭЗСТ), а это самая модная на сегодняшний день тема в китайской региональной политике, становится все больше. Таких зон уже 21: в августе 2013 г. была создана ЭЗСТ в Шанхае; в апреле 2015 г. – в Тяньцзине и провинциях Гуандун и Фуцзянь; в августе 2016 г. – в Чунцине и провинциях Ляонин, Сычуань, Хубэй, Хунань, Чжэцзян и Шэньси; в августе 2019 г. – в провинциях Хэбэй, Хэйлунцзян, Цзянсу, Шаньдун, Юньнань и Гуанси-Чжуанском автономном районе; в сентябре 2020 г. – в Пекине, провинциях Аньхуэй и Хунань. Как уже отмечалось, ЭЗСТ призваны привлекать инвесторов не фискальными льготами, а скоростью формирования рыночных институтов.

Не Пинсян и Ю Цзяхуэй (НИИ международной торговли и экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР) [6] выделили следующие системные блоки в политике по улучшению инвестиционного климата в ЭЗСТ.

Во-первых, это внедрение принципа «негативного перечня». По существу, речь идет о переходе от разрешительного к уведомительному порядку регистрации ПСИИ. Согласовывать с властями нужно только инвестиционные проекты в определенном, ограниченном круге отраслей (их список – это и есть «негативный перечень»). В остальных отраслях регистрация предприятий происходит просто после представления нужных документов. После того как в 2013 г. «негативный перечень» ввели в Шанхайской ЭЗСТ, он там ежегодно пересматривался, из него исключали все новые отрасли, т.е. ограничения для инвесторов постепенно снимались. За 2013–2020 гг. из 190 изначальных мер особого регулирования в Шанхайской ЭЗСТ остались в силе только 30: из 152 ограничительных мер осталось только 12, а из 38 запретительных мер сохранилось 18 [6, с. 52–53]. Под воздействием опыта, накопленного в ЭЗСТ, принцип «негативного перечня» был закреплен в принятом в 2019 г. новом Законе КНР об иностранных инвестициях, такой механизм постепенно внедряется и на остальной территории страны.

Во-вторых, изменение функций правительства. В 2018 и 2021 гг. были изданы два постановления Госсовета КНР, согласно которым с общенационального на уровень ЭЗСТ были переданы права на утверждение проектов с ПИИ в строительстве, рекрутинговой деятельности, а также проектов по учреждению турагентств с участием капиталов из Гонконга и Макао. В свою очередь, определенные функции по утверждению проектов были переданы на уровень ЭЗСТ и от городских или провинциальных правительств. В Шанхае так было сделано в 2015 г. В Гуандуне в 2015, 2017 и 2021 гг. в три приема с провинциального на уровень ЭЗСТ было передано 105 управленческих полномочий, а в 2017 и 2018 гг. 202 полномочия были переданы в пользу Гуандунской ЭЗСТ от отдельных городов провинции. В 2020 г. в Юньнани 73 административных полномочия были переданы ЭЗСТ с провинциального уровня, в 2021 г. 98 таких полномочий были переданы ЭЗСТ в Хунани.

В целом, к настоящему времени в Шанхае, Сычуани, Фуцзяни и Шэньси в пользу ЭЗСТ переданы права утверждать создание ПСИИ в целом; в Ляонине, Фуцзяни, Хэнане, Шэньси и Юньнани – права утверждать создание учебных профессиональных центров с

иностранным участием; в Ляонине, Сычуани, Фуцзяни, Хэнани и Чунцине – права создавать транспортные ПСИИ; в Фуцзяни и Хэнани – права утверждать создание паевых и контрактных совместных предприятий (СП) по водным перевозкам; в Фуцзяни, Хэнани, Цзянсу и Шэньси – создание паевых и контрактных СП в сфере развлечений; в Сычуани, Хубэе и Цзянсу – создание паевых и контрактных СП в полиграфии и предприятий полной иностранной собственности в полиграфии и переплетном деле; в Хунани и Хэйлунцзяне – учреждение непроизводственных представительств иностранных компаний [6, с. 53–54].

В-третьих, учреждение системы «одного окна» для регистрации ПСИИ и решения их текущих вопросов. В октябре 2013 г. такая система была введена в Шанхайской ЭЗСТ для процедур создания китайских предприятий и ПСИИ, регистрации ПСИИ, выдачи им промышленно-торговых лицензий, постановки их на налоговый учет. В октябре 2015 г. к этому были добавлены процедуры регистрации для ведения внешнеторговой деятельности, выдачи регистрационных удостоверений на право осуществления таможенных операций и о прохождении санитарного контроля, о регистрации уставов предприятий и их удостоверений юридического лица. С 30 июня 2018 г. этот порядок был распространен на всю территорию страны в части оформления предприятиям прав на внешнеторговую деятельность и получения лицензий от промышленно-торговых администраций.

В-четвертых, поощрение и защита капиталовложений. С апреля 2021 г. в ЭЗСТ, действующей в Гуанси-Чжуанском автономном районе, ПСИИ, использующим кредиты для осуществления инвестиционных проектов, стали выделяться субсидии по банковским процентам (но в части, не превышающей 30% установленной банком ставки), они выдаются на срок не более трех лет, общий объем субсидий за это время не может быть больше 6 млн юаней.

Ради защиты прав инвесторов на интеллектуальную собственность в ЭЗСТ создаются специальные суды, занимающиеся именно этой проблематикой, это уже сделано в Шанхае, Гуандуне и Шаньдуне. В Шанхае создана отдельная арбитражная служба для разрешения споров с участием иностранных инвесторов. Исходя из этого опыта в общенациональный закон об иностранных инвестициях, принятый в 2019 г., было включено положение о

том, что такая структура должна быть в любом местном правительстве уровня уезда и выше [6, с. 54–56].

Чжоу Чао (факультет современного сельского хозяйства Пекинского университета) [7] задается вопросом, как сочетаются режим ЭЗСТ и нормы, заложенные в подписанные Китаем с другими странами соглашения о свободной торговле (ССТ). По состоянию на 2022 г. у КНР было 19 двусторонних ССТ с 26 странами и территориями [7, с. 70]. Чжоу Чао построил гравитационную модель, объясняющую, как воздействуют друг на друга режим Шанхайской ЭЗСТ и условия имеющихся ССТ. При этом 2013 г., когда была основана ЭЗСТ в Шанхае, взят как водораздел; по отдельности анализируются эффекты, вызываемые ССТ, заключенными до и после 2013 г.

Модель построена в трех вариантах. В первом из них оборот торговли Шанхая с отдельными странами поставлен в зависимость от наличия / отсутствия в городе режима ЭЗСТ. Рассматривается период 2002–2019 гг. В модель включены и контрольные переменные: абсолютный и подушевой валовый региональный продукт Шанхая, ВВП и подушевой ВВП страны – торгового партнера, географическое расстояние между Шанхаем и страной-партнером.

Во втором варианте модели учитывается только оборот торговли Шанхая со странами, с которыми Китай еще до 2013 г. заключил ССТ, а в третьем варианте – оборот торговли города со странами, с которыми такие соглашения были подписаны в 2013 г. и позже. В выборку в целом были включены те 50 стран, с которыми у КНР в 2019 г. торговля была наибольшей.

Расчеты показали, что учреждение Шанхайской ЭЗСТ стимулировало развитие внешней торговли города. Однако на торговлю со странами, с которыми у Китая еще до 2013 г. были ССТ, создание зоны повлияло мало, расчеты не обнаружили тут статистически значимого эффекта. А вот на торговлю со странами, с которыми ССТ были заключены после 2013 г., наличие Шанхайской ЭЗСТ оказало отчетливое позитивное воздействие.

По-видимому, такой результат расчетов обусловлен тем, что либерализация в рамках ЭЗСТ во многом повторила и тем самым обесценила условия, которые закладывались в ССТ, подписанные до 2013 г. Не случайно некоторые из этих соглашений (с АСЕАН, Пакистаном, Сингапуром и Чили) после 2015 г. были пересмотрены

в сторону большей либерализации режимов торговли и инвестиций. В то же время экспериментальная отработка в Шанхайской ЭЗСТ стандартов регулирования, приближенных к действующим в странах с развитой рыночной экономикой, способствовала подписанию ССТ с теми государствами, с которыми раньше их у Китая не было [7, с. 76–78].

Впрочем, эксперты ЮНКТАД отметили, что в двусторонние и региональные торговые соглашения редко включаются положения, непосредственно затрагивающие деятельность СЭЗ. Да и соглашения, действующие в ВТО, только обязывают страны-участницы сообщать о режиме, действующем в СЭЗ, в мониторинговые службы этой организации [1, р. 173–176].

В гораздо большей степени среду существования СЭЗ, в том числе и китайских, уже в ближайшей перспективе будут формировать те структурные изменения, которые разворачиваются в мировом хозяйстве. Культивирование в большинстве стран мира идей устойчивого развития и «зеленой» экономики ставит пределы попыткам обеспечить конкурентоспособность СЭЗ путем занижения экологических и социальных требований к инвесторам. В свою очередь, учет при инфраструктурном строительстве таких параметров, как возможность использования инвесторами объектов возобновляемой энергетики и утилизации отходов, как раз может стать средством достижения синергетического эффекта в зонах.

Параметры международного производства и конфигурация цепочек создания стоимости меняются и под воздействием новой Промышленной революции – внедрения цифровых технологий, роботов, 3D-печати, больших данных и Интернета вещей. В таких условиях уменьшается значение экономии на издержках оплаты труда при выборе локации производства, отрасли обрабатывающей промышленности все активнее «возвращаются» в развитые страны. Эта ситуация создает и вызовы, и возможности для СЭЗ, последние связаны с предоставлением инвесторам доступа к квалифицированному местному персоналу и развитием кластеров отраслей «новой экономики».

Фрагментация и регионализация мировой экономики, происходящие из-за усиления геополитической напряженности, тоже во многом определяют перспективы конкретных СЭЗ: их привлекательность для инвесторов во все большей степени зависит от

возможностей выходить через них на определенные региональные рынки и обходить протекционистские барьеры [1, p. 131–132].

Список литературы

1. UNCTAD. World Investment Report 2019 : Special Economic Zones. – Geneva: United Nations, 2019. – XIV, 218 p.
2. Jiang Yanpeng, Waley P. Keeping up with the Zone (es) : How Competing Local Governments in China Use Development Zones as Back Doors to Urbanization // Urban Geography. – 2023. – Vol. 44 (4). – P. 752–772.
3. Oakes T. The National New Area as an Infrastructure Space : Urbanization and the New Regime of Circulation in China // China Quarterly. – 2023. – N 255. – P. 575–590.
4. Heilmann S., Shih L., Hofem A. National Planning and Local Technology Zones : Experimental Governance in China's Torch Programme // China Quarterly. – 2013. – N 216. – P. 896–919.
5. Сюй Мэйна, Те Ин, Куан Цзянцзэ. «Зоны экспортной обработки» и повышение качества экспортной продукции предприятий: теоретическое осмысление путей трансформации анклавных функциональных зон = Чукоу цзягунцзюй юй цие чукоу чаньпинь чжилян шэнцзи – цзяньлунь «фэйдисин» цзинцзи гун-нэнцзюй чжуаньсин луцзин // Гоцзи маои вэньти. – 2019. – № 2. – С. 41–53. – Кит. яз.
6. Не Пинсян, Ю Цзяхуэй. Поощрение инвестиций в «экспериментальных зонах свободной торговли» Китая : достижения, проблемы и предложения для экономической политики = Чжунго цзымао шияньцзюй тоуцзы бяньлихуа чэнсяо, вэньти цзи дуйцэ // Гоцзи цзинцзи хэцзо. – 2022. – № 1. – С. 51–59. – Кит. яз.
7. Чжоу Чао. Анализ взаимосвязей многосторонних и двусторонних межгосударственных соглашений о свободной торговле и «экспериментальных зон свободной торговли» в Китае = Добянь, шуанбянь цзымаоцзюй цзи гонэй цзымао шияньцзюй гуаньси бяньси // Гоцзи цзинцзи хэцзо. – 2022. – № 4. – С. 67–78. – Кит. яз.

ФИЛИППОВ Д.А.* РЕФОРМА ПО ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В ПРОГРАММНЫХ ДОКУМЕНТАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЯПОНИИ И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ НА ВЫБОРАХ 2009 г.

Аннотация. В данной статье рассматривается политика Демократической партии Японии в области децентрализации власти как в рамках политической платформы партии до победы на выборах 2009 г., так и во время ее правления в 2009–2012 гг. Вопрос пересмотра прав и обязательств центральных и местных властей являлся одним из ключевых в политической программе Демократической партии, и предлагаемая ей реформа предусматривала масштабный перевод полномочий и финансовых потоков из Токио в японские регионы. Для обозначения своего видения децентрализации партия создала концепцию «регионального суверенитета».

После прихода к власти в 2009 г. новое правительство предприняло ряд мер для реализации задуманной реформы: были созданы новые ведомства, занимающиеся вопросами децентрализации, опубликованы документы, описывающие принципы грядущих преобразований, приняты законопроекты, закладывающие основу под планирующиеся изменения. Однако в целом работа правительства на данном направлении не принесла значимых результатов. Во-первых, политика «регионального суверенитета» во многом повторяла курс предыдущего правительства и была лишена конкретики. Во-вторых, правительство столкнулось с противодействием со стороны центральной бюрократии и было слишком занято решением других вопросов как во внутренней политике, так и во внешней. В итоге на момент поражения партии на выборах 2012 г. ее планы по достижению «регионального суве-

* Филиппов Дмитрий Александрович – PhD, научный сотрудник Отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

ренитета» оставались преимущественно на бумаге, а сменившая ее администрация Синдзо Абэ отдала приоритет экономическим и конституционным реформам.

Ключевые слова: Демократическая партия Японии, децентрализация, региональный суверенитет, местный суверенитет, реформа, внутренняя политика.

FILIPPOV D.A. Decentralisation Reform in the Democratic Party of Japan's Political Platform and Its Implementation After Winning the 2009 General Election

Abstract. The article examines the Democratic Party of Japan's decentralisation policy both as part of its political platform before winning the 2009 general election and during its governance between 2009 and 2012. Revising the central and local authorities' rights and obligations was among the key issues in the Democratic Party's manifestos, while the proposed reform entailed a large-scale transfer of authority and financial flows from Tokyo to the regions. The party introduced the concept of "regional sovereignty" to describe its vision of decentralisation.

After winning the election, the party undertook various measures aimed at implementing the reform by instituting new bodies overseeing the decentralisation process, presenting documents outlining the fundamental principles of future transformations, and passing bills providing a legal basis to planned changes. Overall, however, the new government's steps in that direction did not engender notable results. The "regional sovereignty" policies largely followed the previous administration's measures and lacked necessary details. Furthermore, the new government faced opposition from central bureaucracy and was distracted by pressing issues both domestically and internationally. As a result, by the time the party lost the 2012 general election, its plans of achieving "regional sovereignty" mostly remained on paper, while the incoming Abe Shinzo administration prioritised economic and constitutional reforms instead.

Keywords: The Democratic Party of Japan; decentralisation; regional sovereignty; local sovereignty; reform, domestic politics.

Для цитирования: Филиппов Д.А. Реформа по децентрализации власти в программных документах демократической партии Японии и ее осуществление после победы на выборах 2009 г. // Социальные и гумани-

тарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2024. – № 3. – С. 141–155. – DOI: 10.31249/gva/2024.03.09

В августе 2009 г. в Японии прошли очередные выборы в нижнюю палату парламента, по итогам которых правящая коалиция во главе с Либерально-демократической партией (ЛДП) потерпела поражение от Демократической партии Японии (ДПЯ). Победа ДПЯ стала оглушительной и беспрецедентной, поскольку ЛДП управляла страной почти неизменно начиная с 1955 г.

Лидер ДПЯ Хатояма Юкио, ставший новым премьер-министром, собрал кабинет правительства, который начал работу 16 сентября. Комментируя победу на выборах, он заявил, что ДПЯ намеревается создать новую политику, которая оправдает ожидания людей. Ожидания от нового правительства были понятны: начиная с 2003 г. партия декларировала в своих ежегодных манифестах множество преобразований как в экономической, так и в административной сферах.

Одним из ключевых программных обещаний, обеспечивших ДПЯ победу на выборах, было создание условий для большей децентрализации власти. Демократы предусматривали пересмотр прав центральной и местной властей с тем, чтобы последние могли сами принимать решения по касающимся их вопросам. Это дало бы органам местного самоуправления возможность принимать понятные, эффективные и близкие для своих жителей меры. В итоге регионы стали бы обладать независимыми от токийского правительства полномочиями и источником доходов.

Надо заметить, что первые шаги по децентрализации власти предпринимались еще при ЛДП в 1990-е годы. Так, в 1995 г. был принят закон о развитии децентрализации, а на его основе собран одноименный комитет. В его задачу входила разработка рекомендаций для правительства, на основе которых в 2000 г. был принят ряд мер, которые ЛДП объявила первой реформой по децентрализации. Ее главным результатом стало упразднение системы делегирования ведомственных функций, при которой глава местной власти в лице губернатора префектуры или мэра муниципалитета рассматривался частью структуры центрального правительства и выполнял возложенные Токио обязанности под

надзором того или иного министерства. По сути, данная система являлась ядром централизованного управления.

Ряд вопросов, однако, оставался неразрешенным (прежде всего увеличение финансовой независимости регионов), и с 2006 г. началась подготовка к дальнейшим преобразованиям. В 2007 г. появился Штаб развития реформы по децентрализации с премьер-министром во главе, а чуть позже принят одноименный закон и сформирован новый комитет. Хотя данный комитет дважды подавал правительству ЛДП рекомендации по стимулированию децентрализации, действия правительства ограничились принятием в 2008 г. так называемого руководства по развитию реформы по децентрализации, тогда как сама реформа так и не была проведена. Препятствовали этому министерства, оказывавшие правительству яростное сопротивление, считая содержание рекомендаций комитета излишне радикальным.

Таким образом, нельзя сказать, что предложение ДПЯ развивать независимость регионов стало чем-то новым для Японии. Однако для реализации этого предложения они избрали собственную концепцию под названием «региональный суверенитет» (*тишки сю: кэн*). Отчасти новый термин был выбран для того, чтобы дистанцироваться от политики ЛДП в этом направлении – общепринятым японским словом, используемым в документах предыдущих правительств и обозначающим децентрализацию власти, является *бункэн*.

Следует сказать, что инициатива «регионального суверенитета» подверглась критике со стороны научных кругов. Например, профессор Токийского университета Оомори Ватару заявил, что это выражение допустимо для политической платформы, однако не может быть осуществлено при действующей Конституции [2].

Сирафудзи Хироюки, профессор права Университета Сэнсю, отметил, что в обычной лексике слово «суверенитет» может быть использовано как политический слоган, но с правовой точки зрения концепция суверенитета вызывает множество вопросов [3].

Перед тем как рассмотреть шаги правительства ДПЯ по осуществлению реформы в области децентрализации, следует проанализировать видение «регионального суверенитета» и его эволюцию в политических программах партии.

Децентрализация исполнительной власти с самого создания партии была важной частью ее платформы и упоминается в схематичном виде в первой программе, обнародованной в 1998 г. ДПЯ предлагала рационализировать роль центрального правительства, ограничив его полномочия сферами, которые затрагивают основы существования государства и жизни людей, как то: внешняя политика и оборона, создание и поддержание законов, а также установление жизненного минимума в пенсионной и иных сферах. Каждый местный орган власти был бы обеспечен независимыми источниками финансирования, в то время как центр руководил бы только координированием финансов между регионами.

Так же кратко предлагаемая реформа изложена и в платформе 2003 г., причем там вместо «регионального суверенитета» речь идет о «революции децентрализации» (*бункэн какумэй*) [8]. По мнению авторов документа, использование термина «революция» правомерно, поскольку в Японии реализовать подобный проект крайне непросто: областями управляет центр, центром в свою очередь – коррумпированные чиновники, а корнем всего зла, по убеждению ДПЯ, является система правительственных субсидий – главный источник финансирования регионов. Их распределение осуществляет центральная бюрократия, растрачивающая государственные средства.

Чтобы исправить положение, ДПЯ предлагала отменить выплаты 18 трлн иен из 20 трлн иен государственных субсидий и предоставить местным властям возможность распоряжаться этими денежными средствами на свое усмотрение и под свою ответственность. В программе также содержалось размытое упоминание создания системы проверки и оценки местных властей.

Более полное видение реформы руководителями партии было представлено в платформе 2004 г., где преобразования в этой сфере также проходили под заголовком «революция децентрализации» [9]. По замыслу ДПЯ работа по реализации столь масштабной реформы должна была проходить по двум направлениям – во-первых, перераспределение финансовых ресурсов в регионы путем изменения системы субсидий, и, во-вторых, ограничение исполнительной власти центрального правительства и поддержка автономных стремлений местных властей. Следует заметить, что эти на-

правления остались ключевыми для ДПЯ и во всех последующих программах.

Как было замечено раньше, главным сдерживающим фактором развития самоуправления демократы считали систему правительственных субсидий. Дело в том, что в послевоенной Японии законодательство позволяло правительству с помощью субсидий контролировать бюджетную политику местных властей, поскольку субсидии являлись целевыми – правительство не просто выделяло их на те или иные сферы, но и требовало от местных правительств выполнения жестких стандартов. Например, в случае общественных работ центральное правительство зачастую определяло даже производителя строительных материалов и запчастей [13].

В предлагаемой ДПЯ системе субсидирования центральное правительство определяло лишь общие сферы применения денежных ресурсов, например образование или сельское хозяйство. Это должно было, во-первых, позволить регионам использовать деньги на нужды своих жителей, а во-вторых, заставить местные власти соревноваться в создании лучших условий для граждан, что ожидают регионы и Японию в целом.

В программе 2005 г. предлагалась двухступенчатая реформа по перенаправлению финансовых потоков в регионы [10]. Первая ступень – конвертирование целевых субсидий в субсидии без определенного целевого назначения, на что отводилось три года. Помимо уже упомянутого отличия в степени определения расходов средств, при новой системе местной администрации не нужно было бы подавать центральному правительству петиции на выдачу субсидий. Кроме прочего, осознание того, что она сама может распоряжаться деньгами, заставило бы местную власть сократить невыгодные проекты.

В ходе второй ступени должно было произойти усиление функций местной администрации, в первую очередь в сфере налогообложения, что увеличило бы число финансово независимых от центра ОМС до более чем 50%.

Программа 2007 г. развивала идею децентрализации, предлагая разделить в будущем страну на приблизительно 300 разнообразных автономных образований, которые бы получили всю полноту административных функций, в том числе и примерно половину тех функций, которыми обладала префектуральная адми-

нистрация [11]. Центральное правительство, согласно этому плану, занималось бы лишь международными отношениями, обороной, антикризисным управлением, установлением рыночной экономики и крупномасштабными государственными проектами. Помимо того, за центром оставалось бы последнее слово в вопросах образования и социального обеспечения. Разумеется, такая крупная реформа не могла быть осуществлена быстро, а потому на ее реализацию отводилось от пяти до десяти лет.

Окончательную структуру реформа приобрела в предвыборной платформе 2009 г., причем некоторые ее особенности были еще более радикальными, нежели прежде [12]. Среди нововведений: создание органа под условным названием Совет по возрождению правительства, при помощи которого должна была произойти передача полномочий и средств из центра в регионы, а также организация форума для дискуссий между центральной и местной властью. ДПЯ хотела также упразднить региональные представительства токийских министерств. По сути, речь шла о повышении эффективности работы как национального правительства, так и органов местного самоуправления, поскольку в существовавшей дуальной системе управления некоторые функции местной власти и региональных представительств совпадали. Наконец, в качестве меры по сокращению бремени расходов, лежащего на органах местного самоуправления, было предложено освободить местную власть от необходимости вносить денежные вклады в государственные проекты под непосредственной юрисдикцией центрального правительства, такие как дороги или плотины. По подсчетам, это должно было принести 1 трлн иен в год.

В целом можно говорить о преемственности политики ДПЯ в сфере развития децентрализации власти. В частности, перевода полномочий на региональный уровень касались рекомендации правительству ЛДП Комитета по развитию реформы по децентрализации, а реформа 2000 г. на практике сократила вмешательство центрального правительства в местные дела. Однако новую программу ДПЯ под слоганом «регионального суверенитета» нельзя назвать повторением прошлых устремлений ЛДП. Очевидно, что предложения ДПЯ являлись значительно более смелыми, особенно в сфере финансовой независимости регионов. Изменение системы субсидирования, отмена целевых субсидий и упразднение регио-

нальных представительств центральных ведомств, несомненно, выходили за пределы как рекомендаций Комитета по развитию реформы по децентрализации, так и действий предыдущих правительства.

Действия ДПЯ по развитию децентрализации после прихода к власти в 2009 г. представляется целесообразным сгруппировать следующим образом:

- 1) создание органов, занимающихся вопросами реформы;
- 2) принятие документов по поощрению децентрализации;
- 3) принятие законопроектов, связанных с реформой.

Рассмотрим сначала работу ДПЯ по формированию органов, занимающихся вопросами реформы.

В ноябре 2009 г. по решению кабинета министров был создан Совет по стратегии регионального суверенитета. Туда входили представители министерств, а руководил им лично премьер-министр. Это ведомство заменило упраздненный новым правительством Штаб развития реформы по децентрализации, сформированный ЛДП в 2007 г., а главной задачей нового органа являлось осуществление реформы «регионального суверенитета». В декабре 2009 г. были приняты основные принципы политики децентрализации, известные как План Харагути, о которых речь пойдет чуть ниже.

Спустя два месяца, в январе 2010 г. Министерство внутренних дел и коммуникаций учредило Совет по местной администрации и финансовой проверке во главе с министром внутренних дел. На новый орган возлагалась задача радикального пересмотра закона о местной автономии, тесно связанного с реформой по децентрализации (при администрации ЛДП эти функции выполнялись Советом по исследованию системы местного правительства). Закон о местной автономии был принят еще в 1947 г. и учредил существующую в Японии структуру местной власти. С момента принятия этого закона в него ни разу не вносились поправки.

С появлением таких структур, как Совет по стратегии регионального суверенитета и Совет по местной администрации и финансовой проверке, в рамках которых могли приниматься решения, непосредственно касающиеся реформы, ДПЯ приступила к работе. В декабре 2009 г. Совет по стратегии регионального суверенитета провел первое совещание, и уже в том же месяце кабине-

том министров был принят План развития реформы по децентрализации управления, объявленный первым шагом на пути утверждения «регионального суверенитета» [6].

Этот документ представлял собой скорее набросок будущего законопроекта и касался трех общих тем: ослабления возлагаемых токийским правительством на местные власти обязательств, учреждения форума для диалога центра и регионов и создания структуры для дальнейшего стимулирования децентрализации. План развития реформы по децентрализации во многом повторял прошлые рекомендации одноименного комитета, созданного еще при ЛДП, и отражал, по сути, политику прошлой администрации.

Программным же заявлением ДПЯ стал так называемый План Харагути – документ, составленный министром внутренних дел Харагути Кадзухиро и представлявший собой общие направления политики нового правительства в отношении «регионального суверенитета» [4]. Принципиальными задачами назывались: во-первых, провести реформу быстро, сосредоточенно и в установленные временные рамки, а во-вторых, определить этапы работы, поставить ясные задачи и достигнуть стратегических и эффективных результатов.

Процесс реализации реформы был разделен на две фазы. Первая, на которую времени отводилось приблизительно до лета 2010 г., предполагала законодательное закрепление Совета по стратегии регионального суверенитета в структуре правительства, после чего тот должен был выработать Фундаментальные принципы стратегии децентрализации. По линии финансов в Плате Харагути намечалось, во-первых, исследование путей для изменения системы субсидий; во-вторых, увеличение денежных средств в распоряжении местной администрации; и, в-третьих, отмена возложения на местные власти части расходов, связанных с проектами, находящимися в прямом ведении центрального правительства. В правовой сфере были подтверждены намерения реформировать систему региональных представительств центральных министерств и пересмотреть закон о местной автономии.

Вторая фаза начиналась летом 2010 г. и должна была завершиться летом 2013 г. Именно за эти три года и планировалось претворить в жизнь «региональный суверенитет». Прежде всего это означало дальнейшую децентрализацию власти, перевод полномо-

чий с префектурального уровня на муниципальный. Кроме того, с 2011 фин. г. ступенчато должна вводиться новая система субсидий.

Как видно из изложенного, и План развития реформы по децентрализации, и План Харагути составлены довольно туманно, с использованием множества общих фраз, повторяя во многом политические программы ДПЯ. Ни один из документов также не давал ясного представления о том, какие именно действия будут осуществляться правительством на практике. Заметное отличие заключалось лишь в том, что оба плана были не просто заявлениями претендентов на позицию правящей партии, а программами, принятыми новой администрацией.

В июне 2010 г. согласно первой фазе Плана Харагути правительством были приняты Фундаментальные принципы стратегии «регионального суверенитета», куда включали как общее видение реформы, так и ее основные направления [5]. В целом документ также не содержал кардинально новой информации или подробностей и лишь в очередной раз подтверждал уже существующие планы ДПЯ в области децентрализации власти. Примечательно, что в крупнейших японских газетах Ёмиури, Асахи и Майнити не было ни одного упоминания Плана Харагути или Плана по развитию реформы по децентрализации, тогда как Фундаментальные принципы упоминались вскользь лишь в Ёмиури и Асахи. Таким образом, принятые документы не вызвали резонанса ни в прессе, ни в обществе и, вероятно, предназначались прежде всего для внутрипартийного и правительственного пользования.

Помимо создания органов по вопросам проведения децентрализации и подготовки различных документов, описывающих планы правительства в этой области, ДПЯ передала в марте 2010 г. на рассмотрение в парламент три законопроекта, два из которых были связаны с «региональным суверенитетом», а целью третьего являлся пересмотр закона о местной автономии.

Одна из задач первого законопроекта состояла в создании законодательной базы для сформированного в ноябре 2009 г. Совета по стратегии регионального суверенитета. Именно в нем разъяснялись юридические определения, связанные с данной концепцией: реформа по региональному суверенитету – это «реформа, которая обеспечит в соответствии с идеями Конституции Японии решение непосредственно касающихся повседневной жизни насе-

ления административных вопросов государственными органами при помощи автономных и всеобъемлющих методов, а также даст жителям возможность решать различные вопросы в рамках их собственных суждений и ответственности».

Второй законопроект касался учреждения форума для дискуссий между токийской и местными администрациями, идея о котором впервые была высказана в программе ДПЯ 2009 г. Согласно законопроекту, со стороны центрального правительства предполагалось участие в форуме генерального секретаря кабинета министров, министра, ответственного за реформу «регионального суверенитета», министра внутренних дел, министра финансов, а также других министров, назначенных премьер-министром. Со стороны же местных властей в форуме принимали участие представители шести ассоциаций органов местного самоуправления. При этом премьер-министр мог в любое время посещать и принимать участие в данном форуме. Подобные встречи между властями должны проводиться определенное (но в законопроекте не уточненное) число раз в финансовом году.

Последний, третий законопроект был связан с частичным пересмотром закона о местной автономии и составлен на основе доклада от июня 2009 г., подготовленного Советом по исследованию системы местного правительства [1]. Законопроект содержал, среди прочих, предложения о повышении числа участников местных собраний и спектра рассматриваемых в ходе этих собраний вопросов, а также об отмене ряда обязательств местных властей перед Токио.

Хотя данные законопроекты были переданы на рассмотрение в марте 2010 г. к 174-й сессии парламента, они были приняты только в конце сессии в июне того же года. Более того, их реализация была отложена в свете необходимости дальнейших обсуждений, и заметных положительных тенденций в реализации данных законопроектов так и не намечилось в силу смены администраций ДПЯ в июне 2010 г., обострения отношений с Китаем в сентябре и других событий, требующих большего внимания со стороны правительства.

Итак, предложив накануне выборов 2009 г. смелую программу по развитию децентрализации под лозунгом «регионального суверенитета», ДПЯ, одержав победу, быстро приступила к ее

реализации. До конца года правительство создало систему, в рамках которой реформа могла быть претворена в жизнь, обнародовало документы, зафиксировавшие планируемые направления работы в этой сфере, и, наконец, добилось принятия в парламенте законопроектов, связанных с концепцией «регионального суверенитета». Таким образом, при администрации ДПЯ реформа по децентрализации получила новое название, новую структуру и новый план развития.

Несмотря на данные положительные первоначальные результаты, можно говорить о том, что на всех трех направлениях деятельности в области децентрализации ДПЯ скорее создавала видимость активной работы и пыталась противопоставить свое видение данного вопроса видению ЛДП. Во-первых, новые органы – Совет по стратегии регионального суверенитета и Совет по местной администрации и финансовой проверке – попросту заменили структуры, существовавшие при ЛДП. Любопытно, что законопроект о пересмотре закона о местной автономии был подготовлен на основе работы не нового Совета по местной администрации и финансовой проверке, а его «предшественника», Совета по исследованию системы местного правительства. Что касается Совета по стратегии регионального суверенитета, то было неясно, в чем заключаются его конкретные функции и его отличие от Штаба развития реформы по децентрализации, учрежденного еще в 2007 г.

Говоря о принятых кабинетом министров документах, следует заметить следующее: во-первых, хотя они и очерчивали намерения правительства касательно децентрализации, в них не были указаны конкретные шаги, которые должны предприниматься для развития реформы. Во-вторых, не были предприняты действия по реализации содержимого документов, а потому большинство предложений ДПЯ так и остались лишь на бумаге. Кроме того, несмотря на то что упомянутые три законопроекта были утверждены, они не были приведены в действие, а без этого изменение самой структуры по развитию децентрализации теряло смысл.

Наконец, японская пресса отмечала нехватку конкретных планов по проведению реформы по децентрализации со стороны главы правительства. Если Хатояма был сторонником реформы, однако у него не было возможности посвятить ее реализации достаточно времени и усилий из-за кризиса в японо-американских

отношениях, то премьер-министр Кан Наото был слабо заинтересован в реформе, почти не выступал на заседаниях Совета по стратегии, а в документах, обнародованных в рамках его кампании накануне выборов председателя ДПЯ, этот орган был ошибочно назван Советом по *развитию* регионального суверенитета. Последний же премьер-министр ДПЯ Нода Ёсихико зависел в ходе своего срока от токийской бюрократии, которая воспринимала предлагаемую реформу в негативном ключе, а тема децентрализации поднималась в его выступлениях лишь вскользь.

Следует упомянуть и о противодействии реформам правительства ДПЯ. Как уже было сказано, сильное давление на новую администрацию оказывала центральная бюрократия. Ключевым вопросом, беспокоящим ее, являлась сама возможность изменения сложившихся финансовых, экономических и политических связей между центром и регионами в результате дальнейшей децентрализации [7]. Согласно планам ДПЯ реформа должна была существенно ограничить роль центрального правительства, что неминуемо привело бы к конфликту интересов между токийскими ведомствами и кабинетом министров. Приведем следующий пример: когда центральным министерствам было поручено упразднить региональные представительства, чиновники сообщили, что лишь 10% полномочий данных представительств могут быть переданы местным властям. Такая ситуация, разумеется, отличается от «принципиального упразднения», заявленного как в партийной программе 2009 г., так и в Фундаментальных принципах.

Другое серьезное препятствие для ДПЯ представлял и парламент, на перевыборах в верхнюю палату которого летом 2010 г. она потерпела поражение. Тот факт, что верхняя палата стала контролироваться оппозицией, означало, что возможность гладкого проведения законопроектов была для ДПЯ потеряна.

Новая система субсидий, предлагаемая ДПЯ, также вызывала вопросы: несмотря на то что, по мнению партии, большая свобода в использовании дотаций оживит регионы, породив здоровую конкуренцию, некоторые эксперты ставили этот тезис под сомнение. Среди них – президент университета Сига Сава Такамицу, утверждавший, что «региональный суверенитет», напротив, лишь обострит неравенство регионов, в то время как существующие со

времен господства ЛДП целевые субсидии помогали эти неравенства стереть [14].

Что же касается намерения передать как можно больше полномочий из центра в регионы, то необходимо заметить, что местные администрации, будь то префектуры или муниципалитеты, подчинены центральному правительству; таким образом существует предел автономии, которой могут достичь регионы. При этом, как замечает Сава, в создании гармоничного общества в Японии главным фактором являлось то, что вся инфраструктура была создана именно токийским правительством.

На фоне конфликта администрации Хатояма с токийскими чиновниками, напряженности отношений сначала с США, а затем с Китаем, землетрясения в марте 2011 г. и потери ДПЯ общественного мандата у новой правящей партии не получилось добиться существенных результатов в вопросе проведения реформы по децентрализации. Выдвигаемые новым правительством идеи либо были слишком масштабными, либо повторяли политику ЛДП в этой области, и даже принятые законопроекты оказались не реализованными на практике.

В результате прошедших в декабре 2012 г. выборов ДПЯ потерпела поражение, и ЛДП во главе с Синдзо Абэ вновь заняла свою традиционную позицию как партия власти. Несмотря на то, что правительство Абэ заявляло о намерении проведения мер по децентрализации, приоритетами администрации стали стабилизация и укрепление экономики, конституционная реформа и внешняя политика, тогда как вопрос передачи полномочий органам местного самоуправления отошел на второй план. Таким образом, реформа по децентрализации исполнительной власти не получила должного развития и после смены власти.

Список литературы

1. Конго но кисо дзититай оеби канса/гикай сэйдо но аrikата ни кансуру то: син = Исследование будущей базовой структуры автономии и доклад о состоянии парламентской системы. – URL: https://www.soumu.go.jp/main_content/000034495.pdf (дата обращения 15.04.2024).
2. Оомори В. Хэнка ни тё: сэнсуру дзититай – кибо: но дзититай гё: сэйгаку = Испытание автономии переменами – изучение желательного образа автономной администрации. – Токио: Дайитихо: ки, 2008. – 417 с.

3. Сирафудзи Х. Тиики сюкэн какумэй но кихон мондай = Главный вопрос «революции регионального суверенитета» // Хо: то минсююги = Право и демократия. – 2010. – № 445 (1). – С. 20–28.
4. Тиики сюкэн сэньяку но ко: тэй хё: (Харагути пуран) = Схема развития стратегии «регионального суверенитета» (План Харагути)). – URL: https://www8.cao.go.jp/shougai/suishin/kaikaku/s_kaigi/k_13/pdf/s1.pdf (дата обращения 15.04.2024).
5. Тиики сюкэн сэньяку тайко: = Фундаментальные принципы стратегии «регионального суверенитета». – URL: <https://www.cao.go.jp/bunken-suishin/ayumi/chiiki-shuken/doc/100622taiko01.pdf> (дата обращения 15.04.2024).
6. Тихо: бункэн кайкаку суйсин кэйкаку = План развития реформы по децентрализации. – URL: <https://www.cao.go.jp/bunken-suishin/ayumi/chiiki-shuken/doc/091215keikakutou01.pdf> (дата обращения 15.04.2024).
7. Сапрыкин Д.А. Курс Демократической партии Японии на дальнейшую децентрализацию и «местный суверенитет» // Российский японоведческий журнал. – 2010. – № 1. – С. 62–70.
8. DPJ. Manifesto for 2003 General Election. – URL: https://www.dpj.or.jp/english/manifesto_eng/images/fullmanifesto.pdf (дата обращения 15.04.2024).
9. DPJ. Manifesto for July 2004 Upper House Election. – URL: https://www.dpj.or.jp/english/manifesto4/pdf/manifesto_2004_a4.pdf (дата обращения 15.04.2024).
10. DPJ. Manifesto for September 2005 General Election. – URL: https://www.dpj.or.jp/english/manifesto5/pdf/manifesto_05.pdf (дата обращения 15.04.2024).
11. DPJ. Manifesto for July 2007 Upper House Election. – URL: <https://www.dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto2007.pdf> (дата обращения 15.04.2024).
12. DPJ. Manifesto for August 2009 Lower House Election. – URL: <https://www.dpj.or.jp/english/manifesto/manifesto2009.pdf> (дата обращения 15.04.2024).
13. Mihaljek D. Japan // Fiscal Federalism in Theory and Practice. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 1997. – P. 285–324.
14. The Japan Times. Too Much Local Sovereignty? – URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2011/08/16/commentary/too-much-local-sovereignty/> (дата обращения 15.04.2024).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2024 – № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Подписано к печати 13.08.2024

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 9,75	Уч.-изд. л. 8,2
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–100 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6